V 160
105

СОВРЕМЕННЫЕ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ

ВЪ

РОССІИ:

М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полеваго, Ѳ. В. Булгарина, Ѳ. Л. Морошкина, М. Н. Макарова, А. Ѳ. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова.

—

ПИСЬМА А. В. АЛЕКСАНДРОВА КЪ ИЗДАТЕЛЮ «МАЯКА».

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1845.

Печатать позволяется С.-Петербургъ 19 Февраля 1845 года.

Цензоръ *С. Куторга.*

2007098126

Письма къ издателю «Маяка»

о

литературной жизни Москвы

и

сужденіяхъ Москвичей

о трудахъ М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Ѳ. Л. Морошкина, Ѳ. В. Булгарина, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Черткова.

Письмо I.

Была пора: чужимъ умомъ
Жила Россія молодая:
Но совершился переломъ —
Теперь пришла чреда иная,
И дума Русская, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
Вдругъ свѣтлымъ брызнула ключемъ.....

...Въ послѣднихъ числахъ Августа, отправивъ письмо къ почтеннѣйшему Петру Григорьевичу Буткову (·), я оставилъ Новгородъ и прибылъ въ Москву. Тутъ, «въ сердцѣ Руси», прожилъ я слишкомъ два мѣсяца; отвлекаемый занятіями по дѣламъ службы—старался однакожь наблюдать за движеніемъ *литературной жизни*, прислушивался къ сужденіямъ общества и сообщаю читателямъ вашего журнала то, что успѣлъ замѣтить.

Одинъ изъ моихъ товарищей по службѣ, родовой Москвичъ, воспитывавшійся нѣкогда со мною въ Геттингенскомъ университетѣ, доставилъ мнѣ довольно знакомства съ людьми просвѣщенными, образованною бесѣдою которыхъ я вполнѣ насладился, и у которыхъ бываютъ иногда вечера, посвященные литературнымъ

(·) Оно помѣщено въ «Маякѣ» 1844 (октябрь, т. XVII, гл. IV) подъ названіемъ: *Замѣтки для автора «Обороны» о Галицкихъ Испанцахъ и о происхожденіи Угровъ*, стр. 69—75.

занятіямъ, чтеніямъ замѣчательныхъ новыхъ произведеній, сужденію о прочитанномъ, и любопытнымъ преніямъ о современныхъ вопросахъ ученаго міра. Такіе вечера давно уже выведись въ Петербургѣ; нѣкогда, въ счастливую эпоху Державина и Карамзина, они существовали; —теперь, въ глиняную эпоху журнальныхъ производителей, никто-почти не собирается въ Петербургѣ, съ благородною цѣлію — содѣйствовать успѣхамъ словесности чтеніемъ, умною, справедливою оцѣнкою произведеній, и безпристрастною хвалою знатоковъ. Всѣ разбрелись по журналамъ; а извѣстно, что если авторъ участвуетъ въ одномъ журналѣ, то противники этого журнала—какъ бы хороша ни была книга—постараются написать ей великолѣпное «разругали»; читатели жь, въ простотѣ сердца принимая все за наличную монету, восклицаютъ: «какъ же его отдѣлали! вотъ ужъ какъ разчестили: мѣста не найдешь, такъ ужъ распотѣшился критикъ!» А между тѣмъ познаніе *закулисныхъ тайнъ* журналистики и *взаимныхъ отношеній* одного журнала къ другому, необходимо для того, кто хочетъ не ошибиться въ мнѣніи, относительно настоящаго достоинства книги, при чтеніи отзыва противниковъ.... Такимъ образомъ, не смотря на размноженіе и утолщеніе журналовъ, *литературная жизнь* видимо исчезаетъ въ Петербургѣ, гдѣ часто случается видѣть *вечернія сборища литераторовъ*, но не *литературные вечера*, ибо между этими словами есть существенная разница: литературный вечеръ можетъ быть и въ отсутствіи литераторовъ —когда главною цѣлію общей бесѣды становится разсудительное чтеніе, а литература главнымъ предметомъ разговора; вечернее же сборище литераторовъ.....

Буду простымъ лѣтописцемъ одного литературнаго вечера Московскаго, на которомъ не было литераторовъ журнальныхъ, но были за то все истинные любители Отечественной словесности и—важное для меня обстоятельство — присутствовало много студентовъ. Считаю это очень важнымъ: какъ скоро въ молодомъ человѣкѣ развернута склонность къ занятіямъ литературнымъ, къ изученію и сужденію о новыхъ произведеніяхъ, то будьте увѣрены, этотъ молодой человѣкъ никогда не останется равнодушнымъ къ процвѣтанію родной Словесности.

Я надѣюсь, что вѣрное изложеніе этой бесѣды бу-

детъ не только полезно, но и занимательно и пріятно для большинства читателей вашего журнала. Ибо въ ней и быть не могло *скучныхъ* и *утомительныхъ* разысканій, а происходилъ только разносторонній обзоръ общихъ выводовъ и успѣховъ каждаго изъ нашихъ ученыхъ, — можно сказать, общій итогъ, всего доселѣ исполненнаго въ Россіи, по дѣлу старобытности Русской и Все-Славянской. Даже и для читателей-труженниковъ, не всегда легко держать въ свѣжей памяти выводы, разбросанные по статьямъ пяти годовъ; а въ бесѣдѣ — одинъ то, другой — другое; смотришь, въ итогѣ — прекрасное цѣлое. Я же, повторяю, здѣсь только простой, но внимательный лѣтописецъ.

Зашла рѣчь объ историческихъ лекціяхъ Грановскаго. Молодые студенты, большею частію, судили основательно о достоинствѣ профессора: отдавали справедливость его краснорѣчію, иногда увлекательному, его необыкновенной начитанности источниковъ, весьма рѣдкихъ; но въ тоже время нѣкоторые изъ этихъ достойныхъ молодыхъ людей, со всею скромностію, замѣчали, что многимъ изъ нихъ желалось бы видѣть въ *Русскомъ* профессорѣ болѣе *самостоятельности* въ историческихъ приговорахъ; болѣе независимости отъ мнѣній историковъ Нѣмецкихъ и Французскихъ, словомъ—болѣе *Русскаго взгляда* на предметъ. Такимъ образомъ, незамѣтно разговоръ склонился на успѣхи и современное состояніе новой исторической школы, преимущественно въ отношеніи къ разработыванію древностей славнаго нашего племени, составляющаго цѣлую треть народонаселенія Европы (*).

Одинъ изъ посѣтителей какъ-то неуважительно отозвался о скептическомъ направленіи покойнаго Каченовскаго, изъявляя глубочайшую преданность достоинствамъ профессора Русской Исторіи, М. П. Погодина.

—Такъ точно,- сказалъ одинъ молодой человѣкъ,- Михаилъ Петровичъ имѣетъ неотъемлемыя достоинства, уменъ, обладаетъ большими познаніями, хотя и не имѣетъ дара слова.

—Профессоръ очень любитъ древнюю Русь, видитъ въ ней истинныя ея достоинства, но вотъ что удиви-

(*) См. матеріалы для Славянскихъ Древностей, Н. В. Савельева въ *Маякѣ* 1843 г. (Ноябрь) т. XII, гл. 3.

тельно: горой стоитъ за Скандинавоманію, такъ справедливо опозоренную Венелинымъ, Каченовскимъ, Максимовичемъ, Морошкинымъ, Савельевымъ, Святнымъ.....

—Что же дѣлать?- возразилъ одинъ изъ почтенныхъ посѣтителей,- каждый платитъ дань «грѣхамъ своея юности». Михаилъ Петровичъ пошелъ въ люди, какъ говорится, чрезъ свое разсужденіе на степень магистра «О происхожденіи Руси»; понятно, что ему жаль разстаться съ этимъ дѣтищемъ, которое онъ такъ нѣжно любитъ... Но если говорить правду, то напрасно онъ унижаетъ заслуги Каченовскаго. Я самъ принадлежу къ числу слушателей покойнаго Михаила Трофимовича, и могу сказать, что его лекціи были совсѣмъ не безполезны: уже одно то, что Каченовскій умѣлъ возбудить соревнованіе въ слушателяхъ, духъ любознательности въ студентахъ—одно это ручалось за его достоинство, какъ профессора. Онъ не отличался даромъ слова, но вѣдь и Михаилъ Петровичъ не похвалится краснорѣчіемъ; лекціи Каченовскаго были сухи, когда онъ разсуждалъ о древности; но и у Михаила Петровича слушатели не увлекаются восхищеніемъ... Полкурса посвящалъ Каченовскій критическому обозрѣнію трудовъ по Русской Исторіи; потомъ разсматривалъ древнѣйшія наши грамматы, начиная съ договоровъ Олега и Игоря; въ концѣ же года предлагалъ общій очеркъ важнѣйшихъ событій, предоставляя подробное изученіе событій, вполнѣ достовѣрныхъ, любопытству самихъ слушателей, и требовалъ, слѣдственно, много такого, о чемъ и не читалъ — согласенъ, это недостатокъ профессора, но такой недостатокъ, который можетъ быть легко оправданъ положеніемъ профессора, сознающаго, что передъ нимъ не *школьники*, не *гимназисты*, но *студенты*, уже получившіе запасъ необходимыхъ гимназическихъ свѣдѣній. Да и что полезнѣе: то ли, когда профессоръ быстро пролетитъ по всей Исторіи, не оставивъ сильнаго впечатлѣнія на умы слушателей? или же, когда онъ пріучитъ ихъ *изучать* предметъ, съ разныхъ сторонъ? По моему, лучше глубоко узнать одну часть Исторіи, нежели поверхностно пройдти всю Исторію: въ первомъ случаѣ, слушатели университетскіе получатъ охоту къ занятіямъ, во второмъ — только нѣсколько фактовъ, которые немедленно же забудутся..... Полугодичный же

критическій разборъ Шлёцерова «Нестора» у Каченовскаго былъ исполненъ глубокомыслія, а когда профессоръ принимался за оцѣнку историческихъ писателей и разборъ граматъ, то истинно надобно сожалѣть, что эти образцовые труды ни кѣмъ изъ его слушателей не были обнародованы. Если бы Каченовскій и ничего не оставилъ послѣ себя, то и одного разсмотрѣнія граматъ было бы достаточно для того, чтобы упрочить его извѣстность, какъ славнаго ученаго.

—Вы упустили изъ вида кое-какія черты покойнаго; его скептицизмъ имѣлъ, однакожь, вредное вліяніе на слушателей...

—Не думаю, и вотъ доказательство: у насъ не много людей, занимающихся нашими древностями, но всѣ они *ученики Каченовскаго*. Самъ даже противникъ его, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, принадлежитъ къ числу ихъ; не говорю уже о покойномъ Сергѣѣ Михайловичѣ Строевѣ (·), унесшемъ столько надеждъ въ раннюю могилу, не говорю о живущихъ теперь: Михаилѣ Александровичѣ Максимовичѣ, Ѳедорѣ Лукичѣ Морошкинѣ, Николаѣ Васильевичѣ Савельевѣ, Николаѣ Ивановичѣ Надеждинѣ, и множествѣ другихъ лицъ, сочувствующихъ успѣхамъ родной исторіи, хотя и не дѣйствующихъ на литературномъ поприщѣ.

—Помилуйте, какъ можно причислять всѣхъ этихъ ученыхъ къ числу учениковъ Каченовскаго? Ихъ направленіе совсѣмъ не скептическое; ихъ ученіе совсѣмъ не то, которому слѣдовалъ Михаилъ Трофимовичъ.

—Правда, но *кто* же ихъ удержалъ отъ увлеченія авторитетомъ Шлецера? кто спасъ ихъ, смѣю выразиться, отъ паденія въ бездонную пропасть софизмовъ Скандинавоманіи? Въ этомъ отношеніи и Венелинъ обязанъ отчасти нѣкоторыми мыслями свѣтлымъ указаніямъ Михаила Трофимовича. Ну, а изъ учениковъ Михаила Петровича — *кого* мнѣ укажете? Не отрицаю его достоинствъ въ разработкѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ событій; но если принимать въ соображеніе его взглядъ на древность Ру-

(·) Любители Отечественныхъ Древностей никогда не забудутъ его перваго—и лучшаго—произведенія: «Критическій взглядъ на Скандинавскія Саги,» изданнаго въ 1834 году, въ Москвѣ, подъ именемъ Сергія Скромненки. Сергѣй Михайловичъ тогда еще только оканчивалъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ.

си, то, надо говорить правду, его попытки возстановить систему Скандинавскаго происхожденія Руси оказались совершенно безплодны.

—Однакожъ вамъ бы слѣдовало также не упускать изъ вида ревность Михаила Петровича къ собранію матеріаловъ, къ обнародованію ихъ, къ отдѣлкѣ мѣстничества, и многихъ другихъ предметовъ.

— А его защита Бориса Годунова? сказалъ одинъ юноша.

— Тутъ онъ найдетъ многихъ и сильныхъ противниковъ. Впрочемъ, *первый* въ защиту Бориса замолвилъ самъ Карамзинъ, въ путешествіи къ Троицѣ, хотя послѣ, въ «Исторіи Государства Россійскаго,» принялъ совсѣмъ другой взглядъ; противъ послѣдняго воззрѣнія возсталъ, за Бориса, Булгаринъ въ разборѣ послѣднихъ томовъ «Исторіи Государства Россійскаго»; за Булгаринымъ ополчился на Исторіографа и Погодинъ, увлекшій за собою Арцыбышева, Устрялова, Краевскаго... Но дѣло и до сихъ поръ еще не рѣшено, да и самъ вѣдь Михаилъ Петровичъ, написавъ огромную статью «объ участіи Бориса Годунова въ смерти Димитрія Царевича», не рѣшилъ дѣла ничѣмъ, и заключилъ, что надо это дѣло предоставить суду Божію. Это хорошо, но вѣдь пословица говоритъ: «взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ»; а собственнаго мнѣнія Погодинъ не далъ.... Относительно *собранія матеріаловъ* — безусловная хвала! Рѣдко у кого найдется такое полное собраніе рѣдкостей историческихъ! А что касается до взгляда Михаила Петровича на нашу древность, то повторяю: безплодіе Скандинавскаго воззрѣнія подтверждается тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что Михаилъ Петровичъ не произвелъ ни одного ученика.... А это истинно жаль!

—Вы судите слишкомъ строго.....

—Совсѣмъ нѣтъ. Посмотрите любопытную книжку изданную кѣмъ-то въ Петербургѣ, въ защиту господина Морошкина: конечно у него есть странности, но совсѣмъ не такъ нелѣпа его система, какъ представилъ ее Погодинъ въ «Москвитянинѣ» 1841 года. Признаюсь, подобной вылазки на противную сторону никто не ожидалъ отъ Михаила Петровича; за то великое спасибо и Краевскому: лихой отвѣтъ!

—Я не читалъ этой книжки.

—А вотъ мы сей часъ прочтемъ, сказалъ хозяинъ. Саша, принеси, дружокъ, ту брошюрку, которую, на дняхъ, я выписалъ изъ Петербурга!

Сынъ пошелъ за книжкой въ кабинетъ, а хозяинъ продолжалъ:

—Впрочемъ я не думаю, чтобы это писалъ Андрей Александровичъ Краевскій, хотя брошюра и продается у его комиссіонера, Иванова. Издатель «Отечественныхъ Записокъ» помѣстилъ бы свой отвѣтъ господину Погодину въ своемъ журналѣ, а не въ изданіи противника: между тѣмъ это напечатано было сперва въ журналѣ Масальскаго, въ «Сынѣ Отечества.»

—А что этотъ журналъ? выдается ли? не прекратился ли? спрашивали многіе.

—Не знаю, отвѣчалъ я, когда обратились ко мнѣ. Помѣстивъ тамъ, въ 1842 году, переводъ Гробергова разсужденія, я не могъ принимать постояннаго участія въ «Сынѣ Отечества» (*); но я знаю за достовѣрное, что статья эта въ самомъ дѣлѣ не принадлежитъ издателю «Отечественныхъ Записокъ:» она была прислана къ одному изъ сотрудниковъ «Сына Отечества,» *изъ Москвы.* Но такъ какъ въ «Сынѣ Отечества» она была помѣщена со многими выпусками и перемѣнами, то и была для автора оттиснута редакторомъ особо, въ первоначальномъ видѣ.

Сынъ подалъ отцу книжку.

—А вотъ, господа, и полученное мною изъ Петербурга *«Критическое обозрѣніе книги Ѳ. Л. Морошкина.»* Книжка названа *Письмомъ безпристрастнаго любителя Исторіи къ М. П. Погодину*; на послѣдней страницѣ стоитъ: *Москва, 1842 года, 31 Декабря.* Имя автора означено буквами *А. К.*

Всеобщее вниманіе было устремлено на хозяина.

—Прочту вамъ начало. Авторъ обращается къ лицу Михаила Петровича Погодина и пишетъ ему:

«Нѣкогда вмѣстѣ съ вами я былъ слушателемъ историческихъ лекцій Михаила Трофимовича Каченовскаго. Прошлаго года, въ надеждѣ на ваше безпристрастіе, я изложилъ для «Москвитянина» мнѣніе о трудахъ почтеннаго вашего собрата

(*) Сынъ Отеч. Августъ, № 8, отдѣл. V, стр. 1—22: «О ложности мнѣнія, будто бы Готы вышли изъ Скандинавіи.»

по университету, О. Л. Морошкина, котораго изысканія, разрушая систему Скандинаво-любителей, *несправедливо* подвергнуты вами порицанію и насмѣшкамъ. Мое письмо осталось подъ спудомъ; позвольте жъ теперь, черезъ посредство «Сына Отечества,» побесѣдовать съ вами *печатно*: какъ профессору Русской Исторіи, вамъ надобно или *ученымъ образомъ опровергнуть*, или же *принять* систему Морошкина, который глубоко взглянулъ на сей предметъ. Трудъ почтеннаго Московскаго Профессора заслуживаетъ полнаго вниманія. Какъ юристъ, онъ чрезвычайно вѣрно понялъ значеніе Славянскаго міра и его отношеніе къ міру Тевтонскому (стр. 4).

—Прекрасно! говорили одни.

—Послушаемъ! говорили другіе.

—Основательно и справедливо, замѣчали третьи.

—Но гдѣ же доказательства? спрашивали четвертые.

—Доказательства представляетъ самая книга Ѳеодора Лукича: «*Историко-критическія изслѣдованія о Русскихъ и Славянахъ*» (*). Защитникъ его, въ концѣ брошюры такъ говоритъ о недостаткахъ Морошкина (**):

«Объясненіе имени Хазаръ и Гунновъ (стр. 135, 139) неясно, потому и неудовлетворительно для историка. Почтенному профессору слѣдовало бы также заняться изслѣдованіемъ вопроса о Печенѣгахъ, Торкахъ, Берендеяхъ, и рѣшить: къ какому племени слѣдуетъ отнести ихъ? О знаменитомъ Воспорскомъ царствѣ господинъ Морошкинъ не говоритъ ни слова: важное опущеніе, тѣмъ болѣе, что труды Одесскихъ археологовъ представляютъ въ этомъ случаѣ не малое пособіе. Но за все это вознаграждаютъ подробныя изслѣдованія о древностяхъ земли Рязанской, о Козакахъ. Безъ сомнѣнія, всѣ любители исторіи принесутъ благодарность автору за тяжкій трудъ при столь обширныхъ изысканіяхъ. Объ основаніи Турецкой Имперіи (157—160) и статью М. П. Макарова, приведенную г. Морошкинымъ въ *Приложеніи*, предоставляю судить нашимъ оріенталистамъ.»

—Критикъ упустилъ изъ вида еще одно важное обстоятельство: у Морошкина Славянскія племена разсматриваются не порознь, въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ, но по странамъ. Венелинъ и Савельевъ предпочитаютъ первое, и справедливо: политическія границы измѣняются часто, этнографическія жъ весьма рѣдко, ибо народъ никогда не исчезаетъ, а только переходитъ

(*) Изданы въ Спб. въ 1842 году. См Маяк. т. 4 и 6, гл. 3.
(**) Критическое Обозрѣніе книги О. Л. Морошкина, стр. 78—79.

подъ власть другаго правительства, оставалсь на своемъ мѣстѣ, и потому *народная граница*, даже при нашествіи и переселеніи иноплеменника, измѣняется только на предѣлахъ, слѣдственно можетъ быть принята за величину почти постоянную. Узнавъ же этнографическія границы, смотрите: какія названія у древнихъ падаютъ на это пространство? Это и будутъ *иноземныя прозвища*, иногда совершенно разнозвучныя съ *подлиннымъ* названіемъ, *племеннымъ* или *листнымъ*. Но тутъ дѣло не въ звукахъ, а въ фактѣ: если одинъ и тотъ же предметъ называется А, у другаго В, у третьяго С, у четвертаго D, то Математика заставляетъ васъ признать, что А=В=С=D, хотя *звуки* этихъ буквъ совершенно различны. Важенъ *фактъ*, а не звукъ, который часто имѣетъ сходство только случайное. Вотъ основаніе *исторической логики*, за которую возсталъ первый Венелинъ, и которую защищаетъ Савельевъ; Морошкинъ слѣдовалъ не вездѣ такому направленію; но тамъ, гдѣ онъ шелъ по этому пути, ему очень многое удалось открыть, на пр. что имя *Россы* у древнихъ измѣнялось въ Aorsi, Rox-alani, Roxani, и слѣдственно, наша Русская земля всегда называлась Русскою же, не смотря на множество иноземныхъ прозвищъ.

— За что жъ такъ напалъ на мнѣнія Морошкина журналъ Погодина?

—Да именно, за то, что теорія Морошкина въ концѣ подрываетъ Байерову систему: будто бы наша земля стала называться Русскою только съ половины IX вѣка, съ призванія Рюрика. Этого Варяго-Русскаго князя почитаютъ Скандинавомъ, а забываютъ важнѣйшее призваніе Байера, что самое имя Варяговъ было неизвѣстно между Скандинавами, и еще важнѣйшее свидѣтельство Шведскаго ученаго Тунмана, что Шведы никогда не называли себя Русью.

—Припомните, господа, какъ въ «Москвитянинѣ» упрекали Ѳ. Л. Морошкина, за смѣлость его словопроизводствъ; защитникъ обвиняемаго приводитъ слѣдующее *Заключеніе* историческаго труда его:

«Основныя положенія моихъ историко-критическихъ изслѣдованій,»—пишетъ г. Морошкинъ, — «всѣ заимствованы изъ дипломатическихъ актовъ и изъ свидѣтельства самыхъ достовѣрныхъ классическихъ писателей. Чѣмъ болѣе изучалъ я

древнія классическія сочиненія, тѣмъ болѣе усиливалась во мнѣ вѣра въ истинность извѣстій, въ нихъ содержащихся; напротивъ, невѣріе современныхъ критиковъ казалось мнѣ слѣдствіемъ *поверхностнаго изученія* древнихъ писателей. Я много разъ перечитывалъ нѣкоторыя мѣста Геродота, Страбона, Тацита, Птоломея и другихъ о Скиоіи, и полагалъ, что *можно возстановить ихъ географію* въ самомъ полномъ и правильномъ видѣ; казалось мнѣ, что можно *соединить новый Русскій міръ съ міромъ древнимъ, Геродотовскимъ*, непрерывною цѣпію; что есть надежда вырыть изъ земли всѣ народы и всѣ города древняго Скиескаго міра, и такимъ образомъ положить начало *новой, полнѣйшей* Исторіи Русскаго народа.

«Всегда основываясь на фактахъ, я дозволялъ себѣ умствовать, какъ и всѣ другіе историческіе критики; употреблялъ филологію, но не для того, чтобъ *искажать* факты, а чтобъ *дать имъ жизнь*, чтобы проникнуть *въ смыслъ древней Географіи и Исторіи*. Надѣюсь, что между моими филологическими объясненіями есть и такія, коихъ не отвергнетъ самый строгій историческій критикъ. Я не слѣдовалъ никому изъ новыхъ критиковъ, разсматривавшихъ Скиескій міръ: мнѣнія Байера и Шлёцера мнѣ казались односторонними, слѣдовательно ложными; изслѣдованія Русскихъ критиковъ, исключая весьма немногихъ, мелочными. Въ моихъ критическихъ соображеніяхъ все мнѣ принадлежитъ: и истина, и заблужденіе; трудъ мой, смѣю сказать, оригинальный и добросовѣстный: это сокъ изъ большаго и внимательнаго чтенія. Объяснить Геродотову *Гилею* (т. е. Древлянскую и Русскую землю); доказать, что народъ *Аорсы* не иной кто какъ Россы: это одно уже весьма важно! Недавно (въ Ноябрѣ 1840 г. когда и послѣдняя глава моихъ изслѣдованій была уже окончена и отправлена въ Петербургъ), извѣстный намъ астрономъ, г. *Перевощиковъ* показалъ мнѣ въ запискахъ Берлинской Академіи статью *о происхожденіи названій странъ, рѣкъ, городовъ и фамилій*, сочиненіе *Аббата Денины* (Mémoire de l'Académie Royale des sciences et des belles Lettres, 1799 и 1800 an. Berlin. 1800). Статья читана въ Академіи, Марта 15 дня 1800 года, и заключаетъ въ себѣ взглядъ, совершенно сходный съ моимъ. Аббатъ старается объяснить имя каждаго народа отъ мѣстности, имъ занимаемой, и въ самыхъ приложеніяхъ сего начала нерѣдко сходится со мною: такъ напримѣръ: много представлено имъ народныхъ названій отъ *горъ*; много рѣчныхъ названій отъ кореннаго слова *ὕδωρ, вода*, со всѣми его измѣненіями; и Берлинскаго академика ни кто не упрекалъ за смѣлость его предположеній... Что касается до меня, то я желалъ пріобрѣсти собственное убѣжденіе въ истинахъ и существѣ Россіи, о стихіяхъ, изъ коихъ составлено Россійское Государство; въ истинахъ, которыя необходимы для юриста, столько же какъ и для политика, стратега и литератора.»

Выписавъ такое оправданіе г-на Морошкина, его защитникъ продолжаетъ: (*)

«И этотъ добросовѣстный трудъ,— разумѣется не изъятый отъ недостатковъ, какъ все человѣческое, — не стыдятся унижать, умалчивая о достоинствахъ, придираясь къопечаткамъ (**) или неточнымъ выраженіямъ.

«Въ заключеніе, обращусь къ вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ: будьте безпристрастны, сознайтесь, что принимая въ соображеніе массу учености, показанной г-мъ Морошкинымъ въ его «Изслѣдованіяхъ о Руссахъ и Славянахъ,» эта книга на столько же выше извѣстнаго разсужденія «о происхожденіи Руси,» изданнаго въ Москвѣ (1825), на сколько Шлёцеровъ «Несторъ» выше извѣстныхъ вамъ афоризмовъ о Несторѣ, опровергнутыхъ съ логической стороны покойнымъ Скромненкою. Вспомните собственныя слова свои, сказанныя вами въ 1829-мъ году, при защитѣ Венелина отъ нападеній П. А. Полеваго: «смѣяться очень легко надъ *новымъ* историческимъ мнѣніемъ, особенно безъ доказательствъ, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь.» Припомните, Михаилъ Петровичъ, эту 167 страницу вашего Московскаго Вѣстника: она весьма поучительна!»

—Рѣзко, но справедливо, замѣтили многіе.

—Надобно бы съ большою пощадою отозваться о Михаилѣ Петровичѣ.

—А развѣ онъ щадилъ Морошкина, увѣряя читателей «Москвитянина,» будто бы авторъ изслѣдованія «о значеніи имени Руссовъ,» зашелъ въ лѣсъ и обошелъ читателей, какъ лѣшій?

—Но это было увлеченіе.....

—Такъ если позволить одному, по увлеченію, унижать другаго, то гдѣ же справедливость? Позволяете нападать, позвольте и защищаться: Михаилъ Петровичъ профессоръ, и Ѳедоръ Лукичъ тоже—въ этомъ случаѣ они равны. Морошкинъ издалъ въ 1842 году книгу, касающуюся до Русскихъ Древностей; а Погодинъ писалъ о происхожденіи Руси въ 1825 году: чтожъ изъ этого слѣдуетъ? а то, что если ихъ взгляды діаметрально противоположны, то на Погодинѣ лежитъ обязанность разобрать сочиненіе Морошкина ученымъ образомъ, а не

(*) Критическое Обозрѣніе книги Морошкина, стр. 81.

(**) Въ концѣ книги приложено указаніе опечатокъ, но не совсѣмъ полное; на стр. 162 я замѣтилъ очень важную опечатку: «мнѣніе о службѣ нашихъ *Римскихъ* дружинъ при дворѣ Перендскомъ», а по смыслу всей рѣчи явно, что тутъ говорится о *Русскихъ* дружинахъ.

потѣшаться надъ добросовѣстнымъ трудомъ безкорыстнаго труженика.

Пока продолжались эти пренія, хозяинъ принесъ Ноябрьскую книжку «Маяка» за 1842 годъ (Т. VI), развернулъ главу III стр. 1—4, и просилъ вниманія.

—Прошу, господа, выслушать и самаго Морошкина. Вотъ его, такъ названный имъ, *Первый и послѣдній отвѣтъ на всѣ бездоказательныя рецензіи:*

«Давно замѣчено, что Русская журнальная критика, во всѣхъ родахъ сочиненій, отыскиваетъ болѣе *смѣшную* сторону, чѣмъ *настоящія достоинства* сочиненій. Ученыя сочиненія, написанныя изъ усердія къ истинѣ, не боятся журнальныхъ насмѣшекъ; но тѣмъ не менѣе страдаютъ отъ равнодушія публики, возбуждаемаго журналистами къ трудамъ важнымъ, требующимъ даже нѣкотораго самоотверженія въ сочинителѣ. Я не знаю, *куда* поведетъ насъ критика, *для* которой всякій благонамѣренный ученый трудъ представляется *смѣшнымъ*, всякое усиліе *забавнымъ*. На примѣръ: что должно подумать о рецензентѣ, который объ изданномъ мною на Русскомъ языкѣ превосходномъ сочиненіи Рейца, «Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ», въ одномъ журналѣ сказалъ: «я посовѣтовалъ бы г–ну издателю заняться чѣмъ нибудь болѣе полезнымъ.» Истинно дружескій совѣтъ!—За нимъ другой журналъ, издававшійся подъ редакціей Н. А. Полеваго, поднялъ на смѣхъ мою, отдѣльно напечатанную (1840), статью «о значеніи имени Руссовъ и Славянъ» за то только, что имя нашего любезнаго отечества я произвелъ отъ *льса*, *палки*, *розги*. Что тутъ смѣшнаго, по–чести, не могу понять! И потомъ, этотъ же самый журналъ, изъ цитованныхъ мною писателей: Геродота, Страбона, Птоломея и многихъ другихъ, сдѣлалъ пресмѣшной поѣздъ педантовъ древности. Вотъ наконецъ, еще одинъ журналъ «Москвитянинъ,» носящій самое народное имя, выставилъ меня и еще одного почтеннаго ученаго (Н. И. Надеждина), на самомъ большомъ перекресткѣ историческихъ мнѣній, для того, чтобы мы, помахивая воскрыліями нашихъ докторскихъ мантій, отгоняли неопытную молодежь отъ Сциллы и Харибды, сокрушившихъ наше историческое плаваніе. Говорятъ, отъ величественнаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, но я думаю бываетъ и на оборотъ; по крайней мѣрѣ разъ по Всемірной Исторіи совершилось это торжественнѣйшимъ образомъ! М. П. Погодинъ назвалъ меня *суевѣромъ* въ Русской исторической критикѣ; но за то другой критикъ, П. Г. Бутковъ, провозгласилъ меня *скептикомъ*: и я вдругъ сталъ «невѣрующимъ суевѣромъ» исторической критики!

Наконецъ «Литературная Газета» до того простерла на меня гоненіе, что брошюра моя «о значеніи имени Руссовъ и Сла-

вами» принята ею за смѣшное явленіе въ Русской Литературѣ; мои цитаты названы *огромнымъ запасомъ ученой шумихи;* мое усердіе къ *истинѣ* Русской Исторіи—слѣдствіемъ какъ бы зависти къ знаменитому Славянскому антикварію Шафарику... Эта критика весьма слаба по отношенію къ исторической учености. Г–нъ рецензентъ не принялъ на себя труда подвергнуть надлежащему разбору ни одного изъ моихъ положеній; за то статья исполнена рѣзкихъ сужденій вообще о моемъ трудѣ, и замѣчательна по своему отличному неуваженію къ особѣ *Русскаго* ученаго. Не имѣю никакой надобности вступаться за свою личность; она довольно защищена безвѣстностію въ томъ кругѣ людей, гдѣ мыслятъ еще по складамъ и съ указкою газетнаго рецензента, съ важностію произносящаго не доказательный судъ, а голословное осужденіе историческимъ изысканіямъ. Для тѣхъ же не многихъ, кои меня знаютъ, и для которыхъ я печатаю свои статьи, не нужно дальнѣйшихъ объясненій. Надѣюсь, имъ извѣстно, что я съ одинаковою смѣлостію и откровенностію высказываю и мои убѣжденія и мои заблужденія. Нѣтъ ничего пріятнѣе для профессора, какъ говорить истину. Если я утверждалъ что-нибудь, всегда утверждалъ по источникамъ и по правиламъ логики, а не по чужимъ цитатамъ и не чужимъ умомъ. Никто менѣе меня не порочилъ и не поправлялъ лѣтописцевъ; никто менѣе меня не умничалъ надъ ними. Противъ излишне строгихъ сужденій я никогда не защищался словами: обыкновеннымъ слѣдствіемъ критики было появленіе отъ меня какой нибудь новой статьи къ поддержанію прежней. Рецензентъ замѣтилъ, что слава Шафарика соблазнила меня: конечно, лучше соблазняться ученою славою, чѣмъ мѣлкими прибытками журнальнаго критика; впрочемъ и этотъ упрекъ не въ полнѣ справедливъ. Я душевно уважаю знаменитаго Славянскаго антикварія Шафарика; но признаюсь, я думалъ сдѣлать больше его: я перешелъ за линію его фактовъ, чтобъ посмотрѣть въ глубину тверди Славянскаго міра. Да и къ чему такъ много унижать ученость *своихъ* соотечественниковъ!... Наконецъ, рецензентъ упрекаетъ меня въ отсутствіи *всякой идеи, всякихъ основныхъ началъ* въ моей статьѣ. Что же мнѣ на это сказать, когда рецензентъ не намѣренъ отличать бѣлаго отъ чернаго? Въ этомъ случаѣ, я скорѣе повѣрю Погодину, который, по случаю той же статьи, въ *укоризну* мнѣ говоритъ, что *я владѣю рѣдкою способностію подводить всѣ факты подъ свой уголъ зрѣнія.* Дѣйствительно, въ моихъ воззрѣніяхъ я скорѣе могу погрѣшить абсолютизмомъ началъ, чѣмъ охлократіею фактовъ. Въ первый и послѣдній разъ говорю въ защиту моихъ изысканій противу не литературныхъ, бездоказательныхъ насмѣшекъ: если мои изслѣдованія плодъ заблужденія, онѣ будутъ забыты, если же въ нихъ истина, то непремѣнно они восторжествуютъ, на зло поклонникамъ Байера, отказывающимся для него отъ *собственнаго*, независимаго изслѣдованія нашихъ древностей.

Жалѣю, что М. П. Погодинъ рѣшился въ своей рецензіи смѣяться безъ доказательствъ: ему, какъ профессору Русской Исторіи, слѣдовало бы ex officio заняться разсмотрѣніемъ новаго воззрѣнія на нашу древность, подвергнувъ оное строгому, подробному разбору по всѣмъ правиламъ исторической критики, тѣмъ болѣе, что *симъ воззрѣніемъ подрывается въ конецъ и та система, которой держится онъ самъ.* Доказанное мною тожество именъ древнихъ Аорсовъ и Россовъ однимъ ударомъ уничтожаетъ Шлецерову теорію Русской исторіи; какъ же защитнику Шлецеріанскаго ученія не сказать *ничего* въ защиту своей системы? не представить *ни одного доказательства* въ опроверженіе моихъ мнѣній, подкрѣпляемыхъ согласнымъ свидѣтельствомъ классическихъ писателей? Но «Москвитянинъ,» ни однимъ дѣльнымъ доказательствомъ не защищая своего ученія, надѣется лишь *смѣхомъ* выгнать меня изъ чужаго владѣнія, совѣтуя мнѣ держаться только за рогачь юриспруденціи; слушаюсь, однакожь я не выйду безъ того, чтобъ не махнуть косой еще разъ-другой по отъѣзжей пустоши, принадлежащей ему въ собственность по писцовымъ дачамъ и генеральному межеванію.

—Правда, совершенная правда! Лихо махнулъ косой!

—Боже мой! сколько споровъ изъ-за одной статьи, составляющей только десятую долю труда Морошкина!... Что же было, воображаю себѣ, когда появилось цѣлое твореніе.

—А ничего.....

—Какъ же такъ?

—А вотъ какъ: наши журналы очень любятъ *острiться*, но не любятъ *разсуждать*, особенно же *логически, послѣдовательно*, съ развитіемъ всѣхъ *доказательствъ* истины—это не по ихъ части.... Когда вышла книга Ѳедора Лукича «Историко-критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ,» только одни «Отечественныя Записки» отдали честь автору: поступокъ весьма благородный, ибо авторъ помѣстилъ всѣ свои разысканія въ «Маякѣ» (1842), къ которому, какъ извѣстно, неблаговолятъ О. З.—Хотя эта книга, по важности содержанія, требовала бы обширной статьи, въ отдѣлѣ критики; но спасибо хоть и за краткій отчетъ, благонамѣренный и честный. Такъ ли поступили другіе? Отдѣлались молчаніемъ, какъ «Москвитянинъ,» или шуточками, какъ «Библіотека для Чтенія.» Послѣдняя предложила даже вопросъ: къ чему всѣ эти разысканія? не все ли равно, кто ни основалъ Русское царство: Русскіе-Славяне,

или Нѣмцы? и рѣшила, наконецъ, что книга Морошкина *безполезна.*

—А не все ли же равно, *кто* ни основалъ Русское царство?

—Нѣтъ, не все равно. Тутъ вопросъ: могла-ли Русь развить сама изъ себя сѣмя государственной жизни? или же она должна уступить иноплеменникамъ первенство преобладанія и раболѣпствовать—нравственно?

—А сочинитель «Россіи» утверждалъ, что это все равно.....

—Онъ можетъ утверждать, что ему угодно, но всякій ли согласится съ нимъ? *Степень же историческихъ знаній* Булгарина видна изъ его «Россіи».....

—Конечно, замѣтилъ хозяинъ, эта книга не изъ лучшихъ произведеній историческихъ, но и не совсѣмъ безъ достоинствъ. Послушайте, что объ ней писалъ Н. В. Савельевъ въ «Маякѣ» 1841 года:

Автору «Россіи» очень рѣдко удавалось слышать *правду* о своихъ сочиненіяхъ. Такъ было прежде, такъ и теперь, «*даже до сего дня*»- сказалъ бы лѣтописецъ. Давно было надобно — познакомить Русскихъ *всѣхъ сословій* съ великимъ нашимъ отечествомъ, въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ: исторія, — этотъ завѣтъ предковъ потомству, по выраженію Карамзина,—раскрыла бы передъ нами *прошедшее* Россіи и разсказала бы минувшую судьбу отечества; географія и статистика, объяснивъ *настоящее*, показали бы намъ основныя силы Россіи; такимъ образомъ, познаніе прошедшаго и настоящаго возбудило бы въ насъ благородную, просвѣщенную народную любовь къ славѣ предковъ, внушило бы довѣренность къ собственнымъ силамъ и повело бы къ вѣрному, основательному сужденію о нашихъ недостаткахъ, о томъ, чего не достаетъ нашему отечеству, для того чтобы оно могло наслаждаться полною гражданственностью. Одна мысль о такомъ трудѣ—даже независимо отъ исполненія,—заслуживаетъ вниманіе всѣхъ образованныхъ людей, поощреніе со стороны ученыхъ; а между тѣмъ и публика и журналы встрѣтили книгу г-на Булгарина очень холодно. «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду», отличаясь въ 1837 году самою полною библіографіею, не сказали ни слова, ни добраго ни худаго, *о Россіи.* Въ «Сѣверной Пчелѣ» печатались только объявленія самого автора: изъ сотрудниковъ газеты никто не принялъ на себя труда разсмотрѣть любопытную книгу, никто даже не хотѣлъ помочь автору сообщеніемъ какихъ нибудь замѣчаній и поправокъ. Въ «Сынѣ Отечества» (1838, т. II, критик. с. 155) та же участь; Н. А. Полевой, не разбирая книги, только объя-

вилъ, что «чувствуетъ весьма сильную охоту о многомъ поспорить», а между тѣмъ бросилъ нѣсколько унизительныхъ словъ *вообще*. Это и было поводомъ къ статьѣ въ «Библіотекѣ для чтенія», которая на этотъ разъ отступила отъ своихъ обыкновенныхъ правилъ, помѣстивъ у себя антикритику. Разборъ, напечатанный въ «Библіотекѣ для чтенія» (1838 г. № VI), не смотря на похвалы автору, не могъ достигнуть цѣли: потому что большая часть Русскихъ читателей были уже предубѣждены критикою «Московскаго Наблюдателя» (1837 г., № 3), написанною очень ловко, хотя и несправедливо. Критикъ, человѣкъ ученый и умный, занялся разборомъ нѣсколькихъ клочковъ, вырванныхъ изъ книги и предисловія, на основаніи которыхъ вывелъ *обвинительные пункты* противу автора. Почтенному критику извѣстно мое правило Wahrheit gegen Freind und Feind, *правда другу и врагу*, и потому скажу откровенно, что онъ достигъ своей цѣли, а книги все таки не разобралъ: не показавъ общаго характера этого сочиненія, вырвать нѣсколько мѣстъ слабыхъ и умолчать обо всемъ хорошемъ, не значитъ исполнить обязанность критика. Вотъ какъ онъ доказываетъ на примѣръ, что Булгарину *больше ста лѣтъ*—говорю безъ шутокъ. Прочтите 399 страницу «Моск. Наблюдателя»:

«Не ужели думаютъ, что изъ Русскихъ читателей *всѣхъ сословій* никто и трехъ перечесть не съумѣетъ, предлагая имъ такія вещи. Однихъ *главнѣйшихъ* иностранныхъ писателей г. Булгаринъ выставилъ *сто двадцать восемь*; положимъ, что на изученіе каждаго, особенно съ его осторожностью, когда онъ «не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзалъ представить ни одной мысли, *не изучивъ* прежде предмета», употребилъ по меньшей мѣрѣ онъ годъ: выходитъ, что ему *одни источники стоили сто двадцать восемь лѣтъ*, не включая *одиннадцати* писателей Русскихъ упомянутыхъ, и еще двухъ-трехъ, о которыхъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, умолчано. Какъ это ни покажется съ перваго взгляда страннымъ, но оно иначе быть не могло. Г. Булгаринъ основывается, на примѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птолемеѣ, Цесарѣ: легко ли ихъ ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: «кто онъ былъ? какъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? гдѣ писалъ и подъ какими условіями или вліяніемъ? въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ?» когда этого не могли привести въ ясность и всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли было заниматься Византійскими историками и западными Латинскими лѣтописцами, когда въ одно и тоже время онъ писалъ и издавалъ Выжигиныхъ, Чухиныхъ и еще кое-что въ этомъ же родѣ!—Обращаюсь съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ I-й части? и потому, прежде нежели начнутъ читать г. Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его

благоразумному примѣру и разберутъ *его собственные вопросы*: кто онъ былъ? какъ образованъ, къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ, или политической и литературной партіи? и проч.»

Пусть же теперь послушаютъ,-говоритъ Савельевъ,-что писалъ авторъ «Славянскихъ Древностей», Шафарикъ. Когда вышли двѣ первыя части Россіи, г-нъ Шафарикъ извѣстилъ Чешскихъ читателей объ книгѣ, выписалъ оглавленіе обоихъ томовъ и такимъ образомъ высказалъ свое мнѣніе о трудѣ г-на Булгарина: «сочинитель смотрѣлъ на исторію древнихъ Славянъ, какъ на часть органическаго цѣлаго; а это органическое цѣлое есть исторія главныхъ Европейскихъ народовъ. Потому-то авторъ включилъ, съ намѣреніемъ, обозрѣніе исторіи главныхъ Европейскихъ государствъ, сколько ему казалось необходимымъ для лучшаго объясненія древней исторіи Славянъ. Въ предисловіи, пространномъ и основательномъ, сочинитель изложилъ причины, побудившія его къ такому расширенію обзора и къ отступленію отъ пути, которымъ слѣдовали его предшественники . . . Авторъ *понялъ достоинство и важность своего предмета*, и остался вѣрнымъ священному долгу Славянина и Историка. *Пред-историческая древность, огромное разселеніе и не-послѣдняя образованность народовъ Славянскаго племени въ Европѣ, особенно въ нынѣшней Россіи*: вотъ основаніе, на которомъ авторъ утверждаетъ свое зданіе,—*основаніе не только надежное и вѣрное, но и возвышенное*. Никто изъ прочихъ Русскихъ историковъ, — не исключая и краснорѣчиваго Карамзина, — не понялъ, въ такой степени, этой *неопровержимой истины*, и не высказалъ ее съ такою откровенностью и настойчивостью. Заслуга г-на Булгарина должна быть оцѣнена тѣмъ выше, что авторъ, дѣлаясь поборникомъ истины, поставилъ себя въ противорѣчіе съ нѣкоторыми нынѣшними писателями, которые утверждаютъ, будто бы древность и самостоятельность Славянъ, какъ племени, есть вымыселъ; будто бы Россія есть собственно только Вторая Скандинавія, которую Рюрикъ получилъ по праву наслѣдства; будто бы Славяне возникли изъ какого-то сброда и смѣси разнородныхъ, звѣрски-суровыхъ дикарей, которымъ только Рюриковцы да Норманны вложили въ голову нѣсколько ума человѣческаго; будто-бы всѣ источники древне-Русской исторіи, — Несторъ, лѣтописи, граммоты,—поддѣланы, не ранѣе XIV вѣка, хитрецами, и только *выданы* за древность. Соображая эти и другія подобныя обстоятельства, среди которыхъ писалъ авторъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ уваженіе дѣйствительно большія его заслуги для исторіи,- просвѣщенный читатель охотно проститъ автору, если найдетъ въ этихъ двухъ первыхъ томахъ, *самыхъ трудныхъ по сущности предмета*, нѣкоторыя погрѣшности, которыхъ избѣжать почти не зависѣло даже отъ автора. *Духъ, все у него оживляющій, заглаживаетъ недостатки и погрѣшности.*» Въ заключеніе, Шафарикъ прибавилъ: «нетерпѣливо ожидаемъ слѣдующихъ частей, въ которыхъ авторъ, вышедъ изъ почтенныхъ и величественныхъ, но при всемъ

томъ—темныхъ, дремучихъ лѣсовъ первобытныхъ Славянъ, будетъ водить насъ по привольнымъ пажитямъ пространной Россіи». (Casopis Ceskeho Museum, 1837, кн. III, стр. 371—374).

Отчего жъ у насъ въ Россіи новое сочиненіе г. Булгарина было принято такъ холодно? Главною причиною такого неуспѣха было *введеніе*, «пространное и основательное», какъ справедливо замѣтилъ Шафарикъ, но въ тоже время наполненное излишними разсужденіями о достоинствахъ своей книги. Литературные противники г. Булгарина тотчасъ выставили все это на-видъ, обнаружили нѣсколько промаховъ автора, равно какъ умолчаніе о заслугахъ его предшественниковъ, и, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, уронили книгу, достойную вниманія. Уничтожъ г. Булгаринъ — хоть для избѣжанія какофоніи—по крайней мѣрѣ ⅔ этихъ Я; не говори столько о собственныхъ заслугахъ; не позабудь онъ—назвать того писателя, который внушилъ ему столько прекрасныхъ страницъ: дѣло приняло бъ совсѣмъ другой оборотъ—противники не имѣли бы предлога хулить сочиненіе полезное, общество не взяло бы ихъ стороны. Между тѣмъ отзывъ Шафарика, совершенно справедливый, показываетъ, что книгу г. Булгарина должно причислить къ замѣчательнымъ явленіямъ. Довольно уже того, что авторъ первый рѣшился пустить въ ходъ многія идеи Венелина: одно это обнаруживаетъ въ сочинителѣ большую проницательность. Припомните еще, что авторъ писалъ свою книгу *не для ученыхъ*, а *для всѣхъ сословій*; сообразите, сколько важныхъ свѣдѣній о Славянскомъ мірѣ она можетъ распространить между свѣтскими людьми, которые не читаютъ ученыхъ розысканій; и послѣ того, — скажите по совѣсти,—не въ двое-ль полезнѣе было бы для Русскихъ читателей, еслибъ они вмѣсто *Выжигиныхъ*, *Самозванца*, *Мазепы*, *Чухина*, съ такою же быстротою раскупили и прочли историческій, географическій, статистическій и литературный очеркъ Россіи. Скажутъ: въ книгѣ Булгарина много ошибокъ. Согласенъ; но въ ней же столько и хорошихъ мѣстъ, что—принимая въ уваженіе малообработанность общей Славянской исторіи—охотно можно простить недостатки. Притомъ же, въ сочиненіи «Россія» первый разъ на Русскомъ языкѣ представлена исторія нашихъ единоплеменниковъ. Для ученаго, книга г–на Булгарина представитъ немного новаго: но для свѣтскихъ читателей—это цѣлая библіотека любопытнѣйшихъ свѣдѣній о судьбахъ нашихъ общихъ предковъ. Вотъ почему, всякій благомыслящій человѣкъ порадуется, увидя новое изданіе «*Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ*»: общество пріобрѣло бы тогда множество любопытныхъ свѣдѣній, авторъ имѣлъ бы средство очистить свою книгу отъ ошибокъ.

—Дѣйствительно, г-ну Булгарину вѣрно никогда не

(*) Венелинъ.

удавалось читать критики своихъ произведеній болѣе основательной и болѣе умѣренной.

—Критикъ слишкомъ даже щедръ на похвалы, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Книга Булгарина «Россія въ историческомъ отношеніи», есть не болѣе, какъ хорошо сшитая компиляція, полезная для Русскихъ читателей, незнакомыхъ съ другими писателями, но уже никакъ не болѣе; для ученаго, въ ней не найдется ничего особенно-важнаго.

—Однакожъ и вы не отрицаете ея пользы, относительно нашихъ Русскихъ читателей; а Савельевъ именно это и хотѣлъ выразить, но вѣжливо, уклончиво и безобидно для автора.

—Вы напрасно употребили слово *умѣренный*; оно должно бы совсѣмъ быть изгнано изъ литературной критики: есть только двѣ стороны—правая и неправая, истинная и ложная, а третьей нѣтъ. По этому и критика обязана только сказать: эта книга судитъ правильно или неправильно; но, само собою разумѣется, это мнѣніе критики должно быть подкрѣплено *доказательствами* и высказано *благородно*, безобидно для автора.

—Я совершенно согласенъ съ вами. Критикъ «Московскаго Наблюдателя», Осипъ Максимовичъ Бодянскій, разобралъ Булгаринскую «Россію» безпощадно, увлекшись *пристрастіемъ* къ Шафарику, котораго «Славянскія древности» самъ тогда переводилъ; но Савельевъ, напротивъ, отдалъ въ «Маякѣ» *справедливость* Булгарину, и хвалилъ его тамъ, гдѣ авторъ «Россіи» заслуживаетъ похвалы, на пр. за мысль не выводить Славянъ изъ Индіи, какъ Шафарикъ, создавшій какое-то Индо-Европейское племя.

—Впрочемъ, сказалъ хозяинъ, Савельевъ и не скрывалъ недостатковъ Булгарина, на пр. разсматривая его первую главу, онъ говоритъ въ примѣчаніи:

Не имѣя свѣдѣній, подъ чьимъ надзоромъ печаталась книга г-на Булгарина, не знаю, кому и чему приписать странное смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ словъ: *кастратъ* (скопецъ) и castrensis (лагерный). Римскій comes castrensis, въ родѣ нынѣшняго *оберъ-квартирмейстера*, превращенъ, въ кого бы вы думали?... въ *старосту надъ евнухами*. «Былъ даже староста или графъ надъ евнухами», сказано на 14-ой стр. 1-го тома, и приведено по-латинѣ: comes castrensis.—Что г-ну Булгарину извѣстна Латынь, не позволяетъ сомнѣваться списокъ источниковъ на

Латинскомъ языкѣ приложенный къ 1 тому. По крайней мѣрѣ слѣдовало бъ хотя въ опечаткахъ означить эту грубую ошибку.

—Видите ли, какъ скромно и благородно указана *подобная* ошибка. Или, съ какою пощадою разобрано мнѣніе, будто бы слово Германъ означало Нѣмцевъ: эта гипотеза ничѣмъ не доказанная, основывалась доселѣ только на случайномъ сходствѣ звуковъ двухъ различныхъ словъ, Латинскаго и Нѣмецкаго; но выданная историками за непреложную истину, затемнила все начало Исторіи среднихъ вѣковъ, приписавъ рѣшительно всю славу однимъ Нѣмцамъ. Савельевъ удачно выяснилъ *логическую* и *фактическую* несправедливость этой гипотезы; онъ показалъ, что имя Germania, по-Русски Братовщина, есть Латинское слово, означающее землю родственныхъ народовъ, независимыхъ отъ Рима; что Нѣмецкую Братовщину въ древности составляли земли по Рейну, да Ютландскій и Скандинавскій полуостровы; что за Лабою (Эльбою) Нѣмецкія или Тевтонскія племена утвердились только съ X вѣка по Р. Х. и потому, когда у древнихъ говорится о Западной Германіи или Рейнской, Ютской и Скандинавской, то разумѣлась Братовщина Тевтонская, Нѣмецкая; когда же говорится о Восточной Германіи, отъ Лабы до Вислы, а по мнѣнію другихъ даже до самаго Дона, то разумѣлась Братовщина Славянская, отчизна племенъ, которыя по-ученому называются Славянами. Все это подтвердилъ Савельевъ недавнимъ объясненіемъ Тацитова сочиненія о Германіи, сличеннаго съ источниками временъ чисто историческихъ, но и въ разборѣ Булгаринской «Россіи» эти истины развиты удовлетворительно, хотя не во всей подробности:

Булгаринъ вмѣстѣ съ другими, признаетъ имя Germani племеннымъ, и полагаетъ его равнозначительнымъ имени Тевтоны, Нѣмцы, тогда какъ это совершенно несправедливо. «Германъ означаетъ только *воина* и происходитъ отъ древняго слова ger или war (война, брань),» говоритъ авторъ (ч. I, стр. 92), и самъ же сознается, что «многія племена, причисленныя къ Германамъ, были *Славяне*» (67). Воля ваша, а это выдумки ученыхъ, основанныя только на *сходствѣ звуковъ*, на которомъ думали утверждать огромное зданіе исторической критики, не замѣчая какъ *не прочно такое основаніе*. Корнесловіе, сходство въ звукахъ, служитъ *важнымъ*, но *не единственнымъ* основа-

піемъ исторической критики (*) Есть ли что общаго въ звукахъ *Контофури* и *Россіянинъ*? а между тѣмъ эти два совершенно разнозвучныя имена означаютъ одинъ и тотъ же народъ: одно изъ нихъ есть настоящее наше имя, которымъ нашъ народъ называетъ самъ себя; а другое есть иноземное, которымъ угодно было Яконскимъ ученымъ прокликать насъ, подобному тому, какъ Греческіе ученые величали насъ Савроматами (яцероглазыми), Меланхленами (чернозипунниками) и проч. хотя *мы* сами себя искони называли Русью, а не Греческими прозвищами. Точно такъ, именемъ Германовъ, Нѣмцы никогда *сами себя* не называли: ихъ народное названіе Тейтшеры (Teut-scher) извѣстно было и Римлянамъ, которые звали ихъ настоящимъ именемъ, только съ латинскимъ окончаніемъ, Teut-oni. Имя, которымъ Славяне зовутъ Тейтшеровъ, *Нѣмцы*, также было извѣстно Римскимъ писателямъ: и у Цезаря и у Тацита вы найдете имя Nemetes. Имя, которымъ жители Франціи или Галліи зовутъ Тейтшеровъ или Нѣмцевъ, *Альманы*, также встрѣчается у Римлянъ; слѣдственно и это имя нельзя объяснять Нѣмецкимъ словомъ Allemänner, «всѣ мужи», какъ думаютъ Нѣмецкіе писатели, которымъ послѣдовалъ и нашъ авторъ (стр. 166); нельзя потому, что Нѣмцы сами такъ никогда себя не называли и не называютъ. И такъ Нѣмцы всегда были извѣстны своимъ сосѣдямъ подъ тѣми же именами, какія въ употребленіи и нынче. Имя Германіи чисто Латинское; пусть только вспомнятъ Латинскія слова: germen, и производныя germinatio, germanus, germanitas и др. А что это въ самомъ дѣлѣ такъ, свидѣтелями за меня будутъ такіе люди, *которыхъ нельзя отвергать*: Тацитъ, Страбонъ, Птолемей и Плиній. Тацитъ сохранилъ *для* насъ, въ своей *Германіи* (гл. II) чрезвычайно важное свидѣтельство, что имена Свевовъ, Вандаловъ и нѣкоторыя другія дѣйствительно суть названія племенъ, подъ которыми они были извѣстны изъдревле; а имя Германіи *новое*, *недавно составленное*: Marsos, Gambrivios, Suevos, Vandalios affirmant—vera et antiqua nomina; ceterum Germaniae vocabulum recens et nuper additum (Germ. c. II). Не явно ли теперь, что имя *Германіи* есть чисто географическое? а такъ какъ Нѣмцы, или Аламаны, или Тейтшеры, были и въ древности извѣстны подъ этимъ именемъ, и разселеніе ихъ отъ Рейна къ востоку началось только со временъ Карла великаго и совершалось постепенно, по мѣрѣ покоренія *туземцевъ*—племенъ Славянскихъ; то не явно ли, что подъ именемъ Восточныхъ Германовъ должно именно разумѣть Славянъ: Чеховъ (Сиговъ Геродота), Моравовъ (Маркомановъ,) Венедовъ (Поморянъ), Велетовъ (Велтовъ) Ляховъ (Лиговъ).

Вотъ почему, классическіе писатели древности всегда отличали *Тевтонскую или Рейнскую* Германію отъ *Славянской или Вели-*

(*) Слышите-ли, г-нъ Булгаринъ? И вы не стыдитесь упрекать Славянскую школу исторіи, будто бы она основываетъ все только на *созвучіяхъ*. *Изд.*

кой Германіи. Страбонъ, жившій въ I вѣкѣ по Р. Х. (между годами 20—60) именно дѣлитъ Германію на двѣ части: на *Рейнскую*, коренное обиталище Тевтонскихъ племенъ, и за-*Альпійскую*, на сѣверовостокъ отъ Альповъ, коренное обиталище Славянскихъ племенъ. Птолемей, жившій въ половинѣ II вѣка по Р. Х. точно также намекаетъ на это различіе племенъ, раздѣляя Германію на *Рейнскую*, верхнюю и нижнюю, искони вѣковъ обитаемую Тевтонами, и на *Великую*, на востокъ отъ Рейна до Германскаго (Балтійскаго или Варяжскаго моря (*), исконное жилище Славянскихъ племенъ. Въ славянствѣ Венедовъ или Поморянъ теперь уже никто не сомнѣвается; но читатели увидятъ далѣе, что эти же самые Венеды были извѣстны у другихъ племенъ подъ именами Вандаловъ, Готѳовъ; увидятъ, что и Ботемцы, которые сами себя зовутъ Чехами, извѣстны были на своемъ мѣстѣ еще Геродоту (Сиги); а часть Чеховъ, принявшая *мѣстное* названіе Моравовъ, извѣстна была всегда подъ тѣмъ же именемъ (**); что самое дальнее славянское племя, Краинцы также обитаютъ съ незапамятныхъ временъ на своихъ мѣстахъ будучи извѣстны Римлянамъ подъ именемъ Carni, а у Грековъ, подъ *переводнымъ* именемъ Гипеловъ (*γη*, земля, край, *παιδες*, дѣти; по этому *γηπαιδες*, gepaedes, буквальномъ переводѣ, значитъ туземцы *дѣти края*, Краинцы). Послѣ того, нисколько уже не будетъ казаться страннымъ, почему этихъ нашихъ единоплеменниковъ, жителей Великой Германіи, древніе звали тѣмъ же именемъ, подъ которымъ извѣстны были у нихъ и мы Русскіе. Извѣстно, что въ XV, XIV, XIII, XII и такъ далѣе, въ глубь вѣковъ, насъ *голубоглазыхъ* Руссовъ, черноглазые Греки звали въ насмѣшку (по сходству цвѣта глазъ съ глазами ящерицъ) *Ящероглазыми* (савроматами); также *Скивами* и *Таво-Скивами*. Но какъ жители Восточной или Великой Германіи были наши единоплеменники, то и на нихъ перешло имя Скивовъ. Плиній положительно говоритъ: Scytharum nomen usque transit in Sarmatas atque Germanos. Римляне сами же намъ объяснили, по какой причинѣ вздумалось имъ прозвать землю сѣверо-восточныхъ сосѣдей *Братовщиной* (Germania). Познакомившись съ

(*) Не смотря на ревностное желаніе новыхъ изслѣдователей, со временъ Байера, онѣмѣчить варяжскую Русь, мы болѣе должны вѣрить Византійцамъ, которые положительно говорятъ, что Варяги приходили къ нимъ съ острова Волина и изъ Поморія (*εκ της χωρας της πλησιον ωκεανου*). Идя съ другой стороны къ рѣшенію вопроса о Варягахъ, г-нъ Морошкинъ очень хорошо доказалъ актами нѣмецкой имперіи и мѣстностью, что въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи, въ этой землѣ Венедовъ или Вандаловъ, дѣйствительно была Русь.

(**) Жилища Маркоманновъ указываются въ Моравіи; а рѣку *Моравy* Нѣмцы и до сихъ поръ называютъ *Маркъ*: слѣд. Маркоманы будетъ нѣмецкій переводъ имени Моравитяне, или Моравляне. Латины, заимствовавъ отъ Нѣмцевъ имя Mark-männer, придали ему свою форму Marcomanni.

Адріатическими Славянскими Венетами, и проникнувъ въ Галлію, они изумились сходству многихъ племенъ. Исторически достовѣрно, что въ Галліи было много Венедскихъ колоній. Тамъ было и свое Поморье (Aquitania), какъ будто снимокъ съ Поморья Балтійскаго, не говоря уже объ имени Вандея, которое и до нашихъ временъ сохранилось невзмѣнно. Какъ въ Поморіи Балтійскомъ была Варяжская Русь (Russi, Ruzi, Rutheni, Roxolani), такъ точно и въ Галльскомъ Поморіи или Аквитаніи были также свои Руссы (Rutheni), которыхъ Цезарь строго отличаетъ отъ настоящихъ, собственныхъ Галловъ. Тамъ были рѣки: *Сула*, *Дубъ*, *Русса*, тамъ былъ городъ *Альсія*, тамошнія области назывались: *Тарусса*, *Петрогорія*, *Валахія*. Слѣды долговременнаго пребыванія Славянскихъ колоній въ Галліи остались даже въ названіи *Русской епархіи*.—А какъ назывались тамошніе епископы? Въ числѣ именъ чисто Христіянскихъ вы съ изумленіемъ встрѣчаете *Богдановъ* и *Юріевъ*: въ концѣ VII вѣка является Богданъ I (Deus dedit), 923 года Богданъ II, въ 933 году Jurius, въ концѣ этого вѣка опять Богданъ III (см. Gallia Christiana, Пар. 1705). Эти Венедскія племена, жившія въ Галліи, и потому называвшіяся также Галлами, не могли не поразить Римлянъ сходствомъ своей народности съ племенами, которыя занимали всю страну на сѣверо-востокъ отъ Альповъ. И пораженный этимъ сходствомъ, Римлянинъ очень естественно назвалъ ихъ *братьями* (по латинѣ germani) Галловъ. Страбонъ, высказавъ мысль эту, прибавляетъ: Itaque recte mihi videntur, Romani hoc homen (Germanis) eis indidisse, cum eos fratres esse Gallorum ostendere. «Справедливымъ мнѣ кажется, что *Римляне* придали имъ это имя German'овъ (по русски: Братьевъ) *для* показанія ихъ *братства* съ Галлами». Вотъ голосъ Римлянина, передъ которымъ должны умолкнуть всѣ новѣйшія объясненія *Латинскаго* слова *Нѣмецкимъ языкомъ*, изъясненія несообразныя съ логикою.

—Для человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ, это ясно.

—А того, кто *не хочетъ* убѣдиться въ истинѣ, вы ни чѣмъ не убѣдите: послѣдовательность сужденій для него не существуетъ, и онъ нарочно не пойдетъ прямымъ путемъ, который довелъ бы его до *истины*, а предпочтетъ блуждать окольными тропинками, подкрѣпляя шаткія свои гипотезы волшебными словами: «*можетъ быть*», «*вѣроятно*».

—Но, скажите; отчего же имя Germani стало означать преимущественно Тевтоновъ, Нѣмцевъ, когда самъ Тацитъ утверждалъ, что его Germani суть *различнаго происхожденія*, nationibus discreti?

—Савельевъ объяснилъ это, во второмъ отдѣленіи, разсматривая эпоху послѣ Карла Великаго:

Карлъ Великій, покоривъ Саксонію, утвердилъ своими дѣйствіями тѣ отношенія, которыя должны были окончиться взаимнымъ ослабленіемъ Славянскихъ племенъ. Онъ далъ направленіе политикѣ, въ слѣдствіе которой возникло, при его наслѣдникахъ, политическое бытіе Нѣмецкаго или Тевтонскаго государства, когда, по Вердюнскому договору (843), внукъ Карловъ, Лудовикъ, получилъ по раздѣлу земли Тевтонскія, подъ именемъ Баваріи. Лудовикъ принялъ титулъ Германскаго. Съ этого-то времени названіе Germania, бывшее прежде только географическимъ, сдѣлалось оффиціальнымъ, войдя въ титулъ Нѣмецкихъ государей. Такимъ образомъ *съ половины IX вѣка уничтожилось древнее, Географическое, Римское значеніе имени Германія (Братовщина)*, и это имя получило *новый смыслъ, въ слѣдствіе притязаній Тевтонскихъ государей на Великую Германію, заселенную племенами Славянъ*.—И такъ, въ исторіи значенія имени Germania должно различать двѣ эпохи: Римскую или *древнюю*, и *новую*, наступившую съ половины IX вѣка. Отъ смѣшенія понятій произошла та запутанность, которою отличаются вообще всѣ сочиненія объ исторіи среднихъ вѣковъ.

—Это требовало бы поясненія примѣрами.

—То есть, свидѣтельствомъ какого нибудь писателя: правда; но часто *фактъ* говоритъ самъ за себя, и Византійцы прекрасно въ послѣдствіи дали возможность подтвердить эту мысль, которою дается совсѣмъ иное направленіе Исторіи среднихъ вѣковъ.

—Совершенная истина, сказалъ хозяинъ. Посмотрите жъ, какъ ловко и снисходительно обнаружены противорѣчія автора «Россіи» Савельевымъ.

Разбирая Погодинскаго «Нестора» я сказалъ, что «надъ древними, со временъ Шлецера, у насъ привыкли смѣяться, упрекать ихъ въ невѣжествѣ, въ незнаніи нашего сѣвера; но не лучше ли было бы изучить: *въ какомъ значеніи* принимались эти слова у древнихъ, и *нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ истины* въ ихъ описаніяхъ»? (Отеч. Зап. 1839, N 4). Такъ напримѣръ, почти всѣ критики, принимая Германовъ вообще за Нѣмцевъ, а Сарматовъ (по русски: Ящероглазыхъ) за какой-то Азіятскій народъ,—удивлялись почему Тацитъ не зналъ куда причислить Венедовъ, (поморскихъ Славянъ) къ Германамъ или къ Сарматамъ? т. е. къ Нѣмцамъ или Азіятцамъ (по мнѣнію господъ ученыхъ). Но вникните въ дѣло. Подъ именемъ Венедовъ разумѣлись Поморяне; подъ именемъ Германовъ Восточныхъ, какъ мы видѣли, по преимуществу тѣ Славянскія племена, которыя

у насъ Русскихъ извѣстны подъ именемъ Западныхъ Славянъ; подъ греческимъ ругательнымъ именемъ Ящероглазыхъ (Савроматовъ) разумѣлись мы, восточные или Русскіе Славяне. Прочтите въ любопытныхъ *Запискахъ Артилериста*, г-на Радожицкаго, описаніе земель по-Олерскихъ, т. е. земель древнихъ Поморянъ, древнихъ Венедовъ. Что же найдете вы? не смотря на онѣмеченіе тамошнихъ жителей, вы удивитесь ихъ сходству, въ образѣ жизни и въ одеждѣ съ Великороссіянами. А Тацитъ подтверждаетъ именно это, говоря, что Венеды (т. е. поодерскіе Славяне) въ слѣдствіе частыхъ сношеній и родственныхъ союзовъ съ Ящероглазыми (т. е. Савроматами Русскими Славянами), заимствовали отъ нихъ много обычаевъ, хотя по языку и принадлежатъ къ Германамъ Восточнымъ, т. е. говоря по нынѣшнему, къ Западнымъ Славянамъ. Такимъ образомъ, *поняв* Тацита и принимая его слова въ настоящемъ смыслѣ, увидимъ, что славный писатель древности совершенно правъ; а неправы новѣйшіе писатели, которые не понимаютъ настоящаго смысла древнихъ; не правъ, слѣдственно, и Булгаринъ, утверждающій, будто бы «на слова Тацита въ этомъ случаѣ нельзя полагаться.» (Ч. II, стр. 395). Напротивъ, можно и должно, потому что они совершенно справедливы; только принимайте ихъ въ настоящемъ смыслѣ.

Въ томъ же мѣстѣ II части, г-нъ Булгаринъ утверждаетъ, будто бы «о Балтійскихъ Венедахъ упоминаетъ *первый* Тацитъ.» Такъ можно было писать до Шафарика, когда еще не было его прекрасныхъ изслѣдованій о Славянскихъ Древностяхъ. Теперь мы знаемъ многихъ писателей и до Тацита. Сравнивая безпристрастно и разсудительно всѣ древнія свидѣтельства объ этомъ предметѣ,—говоритъ Шафарикъ,—«нельзя рѣшительно сомнѣваться, что уже при Эсхилѣ, Софоклѣ и Геродотѣ (490—499 до Р. Х.) жили Венедскіе народы подлѣ другихъ народовъ за Карпатами и на Балтійскомъ морѣ. Греки съ незапамятныхъ временъ имѣли преданіе, что янтарь получается съ сѣвера, изъ земли Венедовъ, въ которой рѣка Эридонъ.»

—За подобныя указанія ошибокъ надобно бы благодарить, а г-нъ Булгаринъ....

—Онъ не только ни чѣмъ не опровергъ этого мнѣнія, которое подтвердилъ Н. В. Савельевъ полнымъ разборомъ Тацитовой Германіи въ «Маякѣ» 1844 года; но и забылъ думать о своемъ заблужденіи, а продолжаетъ лишь повторять старые зады....

—А, кстати; за кого принимаетъ древнихъ Скиѳовъ и Савроматовъ авторъ «Россіи»? Догадался ли онъ *переводить* древнія имена?

—Нѣтъ. Впрочемъ онъ призналъ въ большей части этихъ *названій*, Славянское *племя*; онъ дошелъ до этого

здравымъ разсудкомъ, и читателя убѣждаетъ логикою, хотя болѣе-искусный и свѣдущій писатель непремѣнно сюда присоединилъ бы еще много важныхъ указаній древности. Но даже и тутъ не обошлось безъ *предположеній*, ни на чемъ не основанныхъ; вотъ вамъ одинъ примѣръ.

Авторъ «Россіи», сказавъ, что Геродотъ описалъ Скиѳовъ свирѣпыми и кровожадными, построилъ слѣдующую гипотезу: «должно *полагать*, что въ глубочайшей древности, за долго до Гомеровскаго періода (!), въ южной Россіи обиталъ образованный народъ, *вѣроятно*, истребленный Кавказскими дикарями. Память народа осталася въ безмолвныхъ памятникахъ.»—Савельевъ отвѣчаетъ Булгарину:

Авторъ самъ говоритъ, что «мѣстные памятники, уцѣлѣвшіе отъ тѣхъ временъ, доказываютъ *высокую степень гражданственности народа, которому они принадлежали;*» а изъ Геродотова описанія Скиѳовъ заключаетъ, что «этотъ народъ былъ не Скиѳы.» Кто же?... Авторъ говоритъ: «*вѣроятно* этотъ народъ истребленъ Кавказскими дикарями.» Кѣмъ и когда?... Исторія молчитъ;—за чѣмъ *дѣлать* народъ не бывалый? Не естественѣе ль предположить, что Геродотъ въ этомъ мѣстѣ также несправедливъ, какъ и многіе изъ нашихъ современниковъ, которые описываютъ насъ чуть не такими же варварами, какъ это замѣтилъ, по одному случаю и самъ Булгаринъ (ч. I, стр. 155). Тѣмъ съ большею вѣроятностію можно утверждать это, что изъ другихъ мѣстъ Геродота можно видѣть совершенно противное, какъ замѣтилъ уже и Сенковскій (въ статьѣ *Гелонъ*, помѣщенной въ Энц. Лекс. т. XII, с. 450). «Вообще», говоритъ онъ, «между писателями исторій господствуютъ *весьма ложныя понятія* о Скиѳахъ: съ этимъ названіемъ соединяютъ всегда идею бѣдности и дикаго состоянія, между тѣмъ какъ изъ Геродота видно, что въ Европейской Скиѳіи обитали также *народы земледѣльческіе, торговые, промышленные, не чуждые нѣкоторой образованности.* И Геродотъ (кн. IV) и Гиппократъ (de aere, locis et aquis) часто говорятъ о «богатыхъ Скиѳахъ», даже объ ихъ *роскоши.* Женщины нѣкоторыхъ Скиѳскихъ народовъ, чтобъ имѣть бѣлую и нѣжную кожу, прибѣгали къ самымъ изысканнымъ средствамъ кокетства. Все это не показываетъ народовъ ни дикихъ, ни коснѣющихъ въ крайней бѣдности. Геродотъ упоминаетъ еще объ одной важной статьѣ ихъ торговли, именно о коноплѣ, изъ которой и сами они дѣлали тонкія полотна».—Такъ-то въ наше время перемѣнились понятія о Скиѳахъ.

—Но послѣ такихъ скромныхъ указаній явныхъ оши-

бокъ и противорѣчій, Савельевъ называетъ основательною мысль Булгарина, признавшаго, что Славяне были туземцы Европы, и что «древніе Сарматы, большая часть Скиѳовъ и даже многія племена, причисленныя къ Германамъ, были Славяне».

—А что думаетъ критикъ о мысли Булгарина, что Россія есть общая мать всѣхъ Славянскихъ племенъ.

—Савельевъ показалъ только, что мысль эта была въ первые высказана покойнымъ Ходаковскимъ; но утверждаетъ, что мысль о выселеніи всѣхъ Славянскихъ племенъ изъ Россіи и Польши можно допустить, развѣ говоря только о временахъ до-историческихъ.

—Однакожъ *всѣ* такъ полагаютъ.

—Помилуйте: слово *всѣ* не есть авторитетъ, когда опирается на софизмѣ. Авторъ «Россіи» оцупью набрелъ на вѣрную мысль, что Германами назывались не одни Нѣмцы; но не сообразивъ, что всѣ почти Германо-Славянскія племена были извѣстны древнимъ, и слѣдственно всегда занимали Восточную Германію, прибѣгнулъ къ слѣдующей гипотезѣ: «*полагаемъ*, что все сказанное Тацитомъ о сѣверныхъ Германахъ, *можно* примѣнить къ *Славянамъ*,» потому что, «при общемъ движеніи Германскихъ народовъ *сліяніе Славянъ съ Германцами* было почти незамѣтно.» Савельевъ справедливо возсталъ противъ размноженія подобныхъ гипотезъ, не основанныхъ на исторической логикѣ, и опирающихся только на томъ шаткомъ основаніи, что между Латинскимъ именемъ Germani и нашимъ книжнымъ прозвищемъ *Славяне*, нѣтъ никакого *сходства звуковъ*.

Этого сіянія не нужно предполагать, потому что вся Великая Германія была населена Славянами, и на нихъ по преимуществу падало имя Германовъ, какъ видно изъ свидѣтельства Римскихъ писателей, приведенныхъ мною выше. Все сказанное Тацитомъ о сѣверныхъ Германахъ относится по этому, исключительно къ однимъ Славянамъ. Тевтоны или Нѣмцы, какъ мы видѣли, занимали одну только рейнскую или малую Германію.

—Удивительно, какъ г-нъ Булгаринъ, при своемъ здравомъ умѣ, не хотѣлъ прямо высказать истины.

—Это объясняется робостію присягать ко мнѣнію новому, которое еще не утвердилось, и явно отложиться отъ прежней Байеровой школы, которая все основы-

вала только на *сходствѣ звуковъ*, не принимая въ расчетъ *логики*. Слѣдуя этой ошибочной методѣ, писатели говорили: Germani orientales и Slavi суть два разнозвучныя имени, слѣдственно это были два различные народа. Какъ вѣрно такое заключеніе объясню примѣромъ: Teut-oui, Teut-scher'ы, A-la-mann'ы, Нѣмцы (Nemetes)—суть три разнозвучныя *имени*, слѣдственно это суть три различные *народа*: Тейтшеръ не есть Нѣмецъ и не есть Альманъ, хотя всему свѣту извѣстно, что Нѣмецъ на своемъ языкѣ называетъ себя Тейтшееромъ, а у Французовъ слывётъ A-la-mann, за то, что весьма часто употребляетъ въ разговорѣ слово *man*, на пр. man kann, man will и проч.

—Но вѣдь Булгаринъ, вѣроятно, описывалъ же покореніе Восточной Германіи, заселенной *Славянами*, при Карлѣ и его наслѣдникахъ? Стоило только потомъ идти прямымъ *логическимъ* путемъ, не страшась *несходства* звуковъ.

—Да, Булгаринъ описалъ *завоеваніе* Славянской Германіи *Нѣмцами*, во второй книгѣ, но не извлекъ ничего отсюда въ пользу исторической логики. Эти выводы сдѣлалъ за него критикъ, П. В. Савельевъ:

1) «Нѣмецкіе племена вошли въ непріязненныя отношенія къ Поморскимъ Славянамъ только при Карлѣ Великомъ;

2) «покушенія Карла Великаго на свободу Великой Сербіи (поморской Славянщины) и Чехіи (Богеміи съ Моравіею) были неудачны; онъ покорилъ только часть земли Словенъ или Словаковъ, изъ которой образовалось эрцгерцогство Австрійское;

3) «послѣ Вердюнскаго договора, въ половинѣ IX вѣка, границею Нѣмецкихъ графствъ и маркграфствъ начали быть Сала и Эльба.

4) «въ странахъ за-Эльбскихъ Нѣмцы стали по немногу утверждаться около половины X вѣка, съ утвержденія трехъ маркграфствъ: Мейсенскаго въ Мисніи, Саксонскаго въ Сорабіи, и Шлезвигскаго;

5) «поморскія Славянскія племена часто впрочемъ вооружались и выгоняли Нѣмцевъ, которые и въ половинѣ XI вѣка не могли еще утвердиться въ Великой Германіи; окончательное завоеваніе всего того края, совершилось уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

«Теперь спрашивается: если еще въ половинѣ XI вѣка Нѣмцы не утвердились на южномъ Балтійскомъ поморьѣ, и не могли покорить тамошнихъ *Славянскихъ обитателей*; если въ половинѣ IX вѣка, Нѣмцы успѣли основать на этой *Славянской* землѣ только три свои маркграфства; если въ половинѣ IX вѣка, Нѣмцы не имѣли еще ни какихъ владѣній за Эльбою, и только что вступили въ непріязненныя отношенія къ обитателямъ этихъ странъ, пле-

менемъ *Славянскимъ*: то, въ силу какой же логики, господа историки изволятъ предполагать, будто бы жители Балтійскаго поморья въ VIII, VII, VI, V, IV, III, II и I-мъ вѣкахъ по Р. Х. не Славяне, а Нѣмцы! Вѣдь это противно здравому человѣческому смыслу. Изъ *Славянской земли, въ которой до X-го вѣка Нѣмцы и уголка не имѣли*, вышли народы, которыхъ называютъ Готоѳами или Гетоами, Ругами, Вандалами, Варягами; слѣдовательно, къ какому жъ племени принадлежали они? Отвѣчать не мудрено, если разсуждать по здравой исторической логикѣ.

—То-то и бѣда, что не у всѣхъ есть здравая историческая логика.

—Однако жъ Булгаринъ показалъ, во многихъ случаяхъ, природный здравый разсудокъ.

—А тутъ увлекся прежнею школой, полагавшею все спасеніе души въ *сходствѣ звуковъ*, и не обращавшею никакого вниманія на *логическую послѣдовательность* мысли. Какъ доступенъ онъ увлеченію *созвучіями*, видно изъ того, что онъ не усомнился даже принять сказку, что былъ Царь *Кій*, построившій городъ Кіевъ.

— Но чѣмъ же это *доказано* у автора Россіи? Ровнотаки ни чѣмъ! Критикъ справедливо замѣтилъ:

Булгаринъ признаетъ за истину сказку о построеніи Кіева *Кіемъ*, который будто-бы ходилъ къ какому-то Греческому императору. (Ч. 1, стр. 85). Однакожъ этотъ нашъ *древлянъ-градъ* или *Кіевъ* (кій,—палка, дерево) былъ извѣстенъ Геродоту подъ именемъ *Гелона* (переводъ), какъ доказываетъ г. Мороткинъ;—а Геродотъ, кажется, жилъ не послѣ Рождества Христова, не послѣ раздѣленія имперіи, на Западную (Римскую) и Восточную (Греческую). Если нашъ Кіевъ получилъ свое названіе не отъ постройки, а отъ основателя; то какъ же объяснить, что и у западныхъ нашихъ соплеменниковъ находится множество Кіевовъ? А что названіе Кіева въ самомъ дѣлѣ происходитъ не отъ мнимаго Кія, извѣстно было даже и западнымъ Европейцамъ, которые именно говорятъ, что слово *Кіевъ* происходитъ *отъ деревянной постройки*, «a coge sic dicta,» a koges значитъ strues lignea «Chue, id est a coge.» Incerti auctoris Chron. Slavor. Сказка, не смотря на то, кѣмъ бы ни была сочинена, или принята, все таки останется сказкою.»

—Мнѣ кажется, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, всѣ гипотезы эти были допущены авторомъ «Россіи» потому только, что ему жаль было разстаться съ именемъ *Славяне*.

—А между тѣмъ историческая логика принудитъ

всѣхъ къ тому; рано или поздно, а все таки здравый смыслъ восторжествуетъ.

—Не помните ли, какимъ образомъ это имя объяснено у Булгарина.

—Авторъ «Россіи» хотѣлъ тутъ поступить великодушно и помирить всѣхъ прежнихъ писателей: извѣстно, что одни изъ нихъ производили это имя одни отъ *славы*, другіе отъ *слова*, третьи отъ *человѣка*, существа словеснаго и славнаго; авторъ «Россіи» призналъ, что *всѣ правы*. Савельевъ отвѣчаетъ:

«Остроумно, однакожъ несправедливо. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Ю. И. Венелинъ, О. И. Сенковскій и авторъ этой статьи предлагали свои доказательства, что имя Славянъ есть *ученое*, а *не народное*, и распространилось *ученымъ образомъ отъ иностранцевъ*. Есть ли хотя одинъ народъ на свѣтѣ, который называлъ бы себя *Славянами*? Нѣтъ и не бывало. Есть Словаки, Словенцы, сосѣди Грековъ и Латинъ, и ихъ-то имя распространено было Греками и Римлянами на отдаленные народы, которые хотя никогда и не называли и не называютъ себя ни Словенами, ни Словаками, однакожъ говорятъ языкомъ, сходнымъ съ Словенскимъ или Словацкимъ. Арабы заимствовали имя Sclavi отъ Грековъ; а Франкскіе лѣтописцы, писавшіе по латинѣ, отъ Латиновъ. Какъ Тейтшеръ, говоря съ Русскимъ, по-русски, всегда будетъ называть себя не Тейтшеромъ, а Нѣмцомъ, такъ точно, познакомясь съ греками и латинами, Чехи, Поморяне, Поляки, Русь, говоря по гречески и по латинѣ, естественно должны были называть себя тѣмъ именемъ, подъ которымъ извѣстны были у Грековъ и Латиновъ, т. е. Sclavi, Sclavini, которое перенеся къ себѣ, преобразовали въ «*Славяне*». Вотъ почему, имя Славянъ и до сихъ поръ осталось только книжнымъ; и простой народъ нигдѣ не зоветъ себя Славянами. Безъ сомнѣнія, у Руси, Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ, Поморянъ, *нѣкогда* было какое нибудь общее имя, но *какое*? никому не извѣстно. И такъ одно средство кончить всѣ споры: употреблять имя *Словене*, говоря о Словакахъ и Словенцахъ; *Славяне*, говоря о всей общности племенъ, родственныхъ по языку со Словаками. Когда будемъ строго отличать эти два различныя имени, тогда только разъяснится какъ должно, частная исторія каждаго славянскаго племени; потому что исторію не-Словаковъ необходимо станемъ отыскивать подъ другими именами, не чуждаясь ни Вандаловъ (Поморянъ), ни Lyg'овъ (Луговъ-Лужичанъ Сербскихъ и Полянъ-Ляховъ), ни Marcomann'овъ (Моравовъ) и проч. Каждому имени тогда возвратится подлинное значеніе.

—Ясно, просто и очевидно.

—А куда жъ тогда прикажете намъ дѣть многія

войны, *сочиненныя* историками, и внесенныя авторомъ «Россіи» въ эту книгу?

—А за чѣмъ же онъ внесъ.... Вольному воля: умѣлъ принимать чужія мнѣнія безъ повѣрки собственнымъ здравымъ смысломъ, умѣй и отвѣчать самъ передъ нимъ. Вотъ, на примѣръ, Савельевъ тогда (1841) еще не догадывался, что имя Quadi, подъ которымъ извѣстна была у Кельтовъ и Римлянъ часть земли Чеховъ, значитъ по-кельтски *Полѣяне*, и что, не смотря на 1800 лѣтъ разстоянія, часть Чешскаго народа еще и до нынѣ сохраняетъ древнее свое *кельтское* названіе; но, идя вѣрнымъ *логическимъ* путемъ, не обращалъ вниманія на *созвучія* (какъ г-нъ Булгаринъ), и вѣрно дошелъ до настоящаго, правильнаго вывода:

Квадами Римляне звали сосѣдей Моравовъ, тотъ народъ, который еще у Геродота названъ Сигами, Цигами (Чехами) – Моравы тѣ же Чехи; они приняли только мѣстное имя отъ рѣки Моравы. Послѣ этого, читатели сами могутъ произнесть судъ надъ историками, которые обыкновенно говорятъ, что Quadi et Marcomanni *вѣроятно истреблены* Чехами и Моравами. Авторъ «Россіи» послѣдовалъ общему мнѣнію, и отнесъ это событіе (мнимое истребленіе) ко второму вѣку по Р. Х.

—Но стоитъ ли такъ много хлопотать о Германской Славіи: вѣдь ея обитатели составляли народъ необразованный, дикій.

—Совсѣмъ нѣтъ: Балтійскіе Славяне, принадлежавшіе Сербскому племени, были народъ промышленный, торговый, гостепріимный, радушный, и въ то же время воинственный; у него процвѣтало земледѣліе, уважалась торговля, которая—по выраженію автора «Россіи»—«не можетъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ огражденія собственности законами и личной безопасности.» Нравы, обычаи, домашняя жизнь, забавы Германскихъ Славянъ—все это чрезвычайно любопытно и представляетъ ихъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, нежели какъ обыкновенно думали писатели, незнакомые съ Славянскими древностями. Послушайте хоть самого Булгарина:

Многоженство не воспрещалось закономъ, но одна только жена почиталась *хозяйкою* или *законною*. Вѣрность супружеская строго соблюдалась въ женскомъ полѣ, и невѣрность наказывалась

смертью (·). Гельмольдъ говоритъ о Балтійскихъ *Славянахъ* тоже, что Византійцы говорили о Дунайскихъ: «Ни одинъ народъ не можетъ сравняться съ *Славянами* въ гостепріимствѣ (··). Съ гостемъ *Славянинъ* старается быть *веселымъ* и *привѣтливымъ*.» Вотъ истинное гостепріимство! Накормить гостя по обязанности или изъ приличія, не означаетъ гостепріимства, но сдѣлать ему пріятнымъ пребываніе въ чужомъ домѣ, возбудить въ немъ веселость, вотъ отличительная черта Славянскаго характера, утонченная черта гостепріимства, сохранившаяся и по нынѣ. По словамъ того же Гельмольда, *Славяне* вѣрили, что кто *щедръ*, тотъ и *мужественъ*. Въ жизни св. Оттона сказано о Балтійскихъ *Славянахъ*: «Честность ихъ такъ велика, что воровство и вѣроломство имъ во все неизвѣстны. *Славяне* не употребляютъ ни сундуковъ, ни замковъ, ни ключей, и весьма удивлялись, увидѣвъ эти вещи у епископа. Одежду, деньги и всѣ свои драгоцѣнности *Славяне* прячутъ въ кадкахъ или бочкахъ, покрытыхъ сверху, но безъ замковъ, и, къ удивленію никогда не подвергаются покражѣ (···). Весьма замѣчательно, что столы у нихъ всегда накрыты и уставлены *яствами* и напитками. Для предохраненія отъ мышей и насѣкомыхъ, *яства* покрываются чистымъ бѣльемъ. Каждый входитъ въ столовую, которая весьма чисто содержится, и кушаетъ, чего ему угодно и когда заблагоразсудится (····).—Когда Гельмольдъ былъ въ гостяхъ у князя Славянскаго Прибыслава, въ *раззорениомъ* городѣ Альденбургѣ (Старградѣ), на столъ подали *двадцать* блюдъ. Одинъ Славянскій *земляninъ* по имени Тессемаръ (Thessemar), быть можетъ Тихомиръ) принялъ епископа (въ свитѣ котораго находился Гельмольдъ), съ необыкновенною роскошью. Вообще чужеземцы и купцы любили посѣщать *Славянъ*, потому, что не боялись воровства въ ихъ землѣ, и вездѣ были угощаемы безвозмездно.

Славяне вообще охотники до пѣсней и ни въ одномъ народѣ не сохранилось столько древнихъ пѣсень какъ у *Славянъ*. Во всей западной Славянщинѣ первымъ и любимѣйшимъ музикійскимъ орудіемъ были *гусли*. У Балтійскихъ Славянъ *гусляры*, вѣроятно, пользовались такимъ же уваженіемъ, какъ скальды у Скандинавовъ, ибо были даже посыланы послами къ Баяну.

Балтійскіе Славяне сожигали умершихъ и, омочивъ прахъ слезами, виномъ, молокомъ и благовоннымъ бальзамомъ, клали въ

(·) По мнѣнію Нарушевича, который слѣдовалъ показанію Дитмара о *Поляках*.

(··) Адамъ Бременскій говоритъ то же самое и тѣми же словами.

(···) И по нынѣ въ Малороссіи, Украйнѣ, Бѣлоруссіи и Литвѣ крестьяне сохраняютъ свои вещи въ кадкахъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ въ коробахъ изъ лубья.

(····) Этотъ обычай сохранился на Руси и по нынѣ. У крестьянъ всегда столъ накрытъ и на столѣ находился хлѣбъ, соль и квасъ. Въ недѣлю Пасхи цѣлые семь дней столы накрыты и уставлены кушаньемъ въ Польшѣ и Малороссіи.

урну, которую зарывали въ землю. Надъ могилою знатныхъ и отличныхъ мужей воздвигали насыпи. Послѣ печальнаго обряда наступало пиршество называемое страва (*). Обычай пировать или поминать умершихъ сохранился во всѣхъ Славянскихъ земляхъ, въ простомъ народѣ.

—Хорошо; съ этимъ надобно согласиться: Германскіе Славяне отличались простотой нравовъ; но за то, гдѣ же у нихъ цивилизація, соціяльность, образованность, просвѣщеніе, искусство? Вотъ элементы общества, движущагося въ передъ; а были ль они видны у Балтійскихъ Славянъ?.....

—Ваши слова, извините, показываютъ, что вамъ неизвѣстны не только новѣйшія открытія относительно этого предмета, но даже и «Россіи» Булгарина.

—Я не читалъ ее.

—Жаль, а и въ ней можно найдти весьма здравыя мысли о просвѣщеніи, граматности и состояніи искусства у Балтійскихъ Славянъ. Послушайте автора «Россіи»; отъ него вы узнаете много вамъ доселѣ неизвѣстнаго, но признаннаго уже почти всѣми, кто только углублялся въ наши древности:

О *просвѣщеніи древнихъ народовъ* нельзя судить по *нынѣшнему времени*. До изобрѣтенія книгопечатанія, науки сосредоточивались только въ маломъ числѣ избранныхъ гражданъ, между жрецами, мудрецами или философами и въ высшемъ сословіи, т. е. между людьми рожденными въ богатствѣ. Народъ былъ грубъ вездѣ, въ Римѣ, въ Греціи и въ Египтѣ. Впрочемъ, исключая математики, нравственныхъ наукъ и краснорѣчія, *всѣ физическія и точныя науки* были въ *младенчествѣ* и основывались на весьма маломъ числѣ наблюденій и опытовъ. Слѣдовательно, просвѣщеніе древнихъ народовъ состояло не въ познаніи множества наукъ, но въ *умѣ практическомъ*. Тотъ народъ былъ просвѣщеннѣе, гдѣ умъ практическій былъ болѣе развитъ, или сказать яснѣе, гдѣ находились на высшей степени гражданственность, законодательство, промышленность, торговля, земледѣліе, искусства, и военное ремесло. Все это процвѣтало въ древнемъ Египтѣ, въ Греціи и въ Римѣ, вмѣстѣ съ философіею и науками, особенно краснорѣчіемъ и математикою. Но въ эпоху Карла Великаго краснорѣчіе и вообще науки были въ совершенномъ упадкѣ въ цѣломъ Европейскомъ мірѣ; гражданственность была придавлена завоеваніями; краснорѣчіе сохранялось только у малаго числа отцевъ Церкви и духовныхъ писателей; художества огрубѣли и промышленность

(*) Гунны, по свидѣтельству Іорнанда, совершали *страву* (stravam) при похоронахъ Атила. *Страва*, есть *коренное Славянское слово* и означаетъ *яству*, изготовленное кушанье, а въ переносномъ смыслѣ *пиръ*.

была степени. Балтійскихъ Славянъ, хотя нельзя назвать народомъ просвѣщеннымъ, въ полномъ значеніи этого слова, но *они не были дикари* (!), какъ намъ стараются ихъ изобразить чужеземные писатели, а въ слѣдъ за ними *и нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ* (!).—Правда, что наши Славяне не знали ни Греческихъ наукъ, ни Греческой философіи (?), но они имѣли города, корабли, храмы, благоустроенное правленіе, суды, законы, занимались торговлею, земледѣліемъ и искусствами, изготовляя для себя не только вещи необходимыя, но и предметы роскоши.

Никакъ нельзя вѣрить, будто Балтійскіе Славяне, находясь въ такомъ состояніи, были народъ безграмотный, т. е. будто они не знали употребленія буквъ. до введенія между ими Христіанства! (·) Всѣ сосѣдніе народы, Датчане, Скандинавы и Летувы или Литва имѣли условные знаки, называемые рунами (··). Дитмаръ, древнѣйшій писатель, говоритъ, что Славяне писали имена своихъ боговъ на истуканахъ. Но можно ли предполагать чтобъ народъ употреблялъ письмена только для надписей на истуканахъ? Предположеніе это нелѣпо; въ началѣ изобрѣтенія, письмена употребляются сперва въ таинствахъ вѣры, потомъ въ законахъ, наконецъ въ сагахъ или повѣствованіяхъ о дѣлахъ и подвигахъ народа и его героевъ, и въ пѣсняхъ славящихъ ихъ, или въ поэзіи; такимъ порядкомъ шла письменность повсюду, а потому должна имѣть тоже самое направленіе и у Славянъ....

Древнѣйшія саги упоминаютъ о Славянскомъ письмѣ: «Вендаруниръ.» Но Славяне называли свои письмена буквицей, а не рунами. Они писали или на жезлахъ или на доскахъ (···), какъ нѣкоторые думаютъ, изъ буковаго дерева; а потому и письмена получили будто бы названіе отъ этого дерева, быть можетъ посвященнаго какому нибудь божеству, имѣвшему въ своемъ завѣдываніи письменность. Иные думаютъ. что буквица есть испорченное Славянское слово бугвѣдза (····) или богъ вѣдь т. е. наука боговъ. Второе мнѣніе кажется намъ болѣе правдоподобнымъ, потому что они ближе къ существу дѣла и тогдашнимъ понятіямъ. Сльдуя истолкованію руновъ на Прильвицкихъ древностяхъ, Славяне имѣли всего 18 знаковъ, а у Норманъ было сперва только 15. Нѣкоторые Славянскіе руны сходны съ Скандинавскими, но многіе совершенно оригинальны, и появляются въ послѣдстіи въ очертаніяхъ такъ называемой Глаголической азбуки или буквицы.

(·) Императоръ Ираклій (въ VII вѣкѣ) въ *пасхальной лѣтописи* пишетъ: gentes quae litteras suas norunt: Scythae, Sarmatae etc. Греки и Латины называли *Скиѳами* и *Сарматами* Славянъ.

(··) См. Маякъ. 1841. Ч. XIV. гл. III.

(···) У Чеховъ были *доски* или *доски законовъ*. Въ Славянскихъ языкахъ сохранилось преданіе о томъ, что наши предки писали на доскахъ. По нынѣ говорится: прочелъ книгу *отъ доски до доски*.

(····) Богъ произносится запад. Славянами *бугъ*; слово *вѣдза* происходитъ отъ корня *вѣд*. и значитъ знаніе, вѣданье.

Разумѣется, что письменность была не общею, а извѣстною только малому числу избранныхъ или старшинъ, т. е. жрецамъ, судьямъ и князьямъ или владыкамъ. Это было не у однихъ Славянъ, но и у всѣхъ народовъ вообще. Земля Балтійскихъ Славянъ не представляла тѣхъ средствъ къ защитѣ и къ сохраненію древностей, какъ Скандинавскій полуостровъ и Исландія. Знаменитѣйшіе города Славянскіе, гдѣ сосредоточено было все Славянское просвѣщеніе: Винета, Ретра и Аркона, разрушены были до основанія и все предано пламени; теперь ученые спорятъ о мѣстѣ, гдѣ они красовались! Язычниковъ Славянъ преслѣдовали Нѣмцы какъ преступниковъ, и умерщвляли по одному подозрѣнію. Сосѣдніе владѣльцы объявили истребительную войну Славянской народности, и не только уничтожали древности, но искореняли даже языкъ Славянскій. Ни одинъ народъ въ мірѣ не претерпѣлъ такого тяжкаго угнетенія и такого варварскаго обхожденія, какъ Балтійскіе Славяне! Послѣ покоренія ихъ, Нѣмцы обходились съ простымъ народомъ какъ съ рабочимъ скотомъ, а съ богатыми и знатными, какъ съ дикими звѣрями. Особенно отличились въ преслѣдованіи Славянъ: Альбертъ Медвѣдь (Ursus), маркграфъ Бранденбургскій, Генрихъ Левъ, князь Саксонскій, въ XII вѣкѣ, и императоръ Генрихъ Птицеловъ, который содержалъ въ Мерзебургѣ цѣлый легіонъ преступниковъ и убійцъ, (по сказанію Витикинда) освобожденныхъ отъ смертной казни, съ условіемъ, чтобъ они нападали на Славянъ и истребляли ихъ. Можно судить, какъ должны были обходиться съ Славянскими рунническими письменами языческихъ временъ, когда чужеплеменники употребляли всѣ возможныя усилія для истребленія даже Славянскихъ Христіянскихъ письменъ, писанныхъ кирилловскими буквами! Папа Іоаннъ XIII буллою 968 года, запретилъ употребленіе не только письменъ Славянскихъ, но даже и Славянскаго языка въ Богослуженіи и повелѣлъ жечь всѣ Славянскія рукописи, даже духовнаго Христіянскаго содержанія. Буквы латинскія введены были въ употребленіе насильно, во всей западной Славяницѣ, и прежніе памятники истреблялись силою и хитростью.

И такъ не должно удивляться, что не осталось древнихъ письменъ Славянскихъ, писанныхъ рунами или буквицей: они пожраны пламенемъ въ домахъ и капищахъ Славянскихъ, или истлѣли въ землѣ, послѣ смерти ихъ властителей, Но что Балтійскіе Славяне имѣли свои собственныя письмена и свои писанные законы гораздо прежде VI-го вѣка, въ этомъ мы душевно убѣждены.— Если бы врагамъ Славянской народности и удалось доказать, что Прильвицкія руны подложны (а доселѣ они не доказали этого), то мы укажемъ на наши законы, которые уцѣлѣвъ въ древнихъ независимыхъ Славянскихъ государствахъ, свидѣтельствуютъ, что предки наши знали письменность. Поэзія жила и живетъ въ простомъ народѣ, измѣняясь по времени, но всегда сохраняя свой народный характеръ. Нельзя предполагать, чтобъ все умственное образованіе Славянъ хранилось всегда въ одной памяти народа! Какъ можно требовать сохраненія письменъ въ народѣ, у ко-

тораго завоеватели истребили даже отечественный языкъ, и когда первые просвѣтители этого народа были люди, которые смывали съ пергамина творенія ума Цицеронова, чтобъ писать схоластическія правила!—Кромѣ письменъ рунническихъ или буквицы, кажется намъ, что Славяне и Литва имѣли родъ фамильныхъ амулетовъ съ іероглифическими знаками, которые въ послѣдствіи могли превратиться въ гербы. Вѣроятно, каждая древняя знаменитая фамилія имѣла свой особый знакъ. Такіе знаки сохранились, понынѣ, на Славянскихъ надгробныхъ камняхъ въ Далмаціи, Боснiи и Герцеговинѣ. Гробницы эти столь древни, что нѣтъ слѣда, когда онѣ возникли. Удивительно, что весьма многіе изъ знаковъ, начертанныхъ на гробницахъ, чрезвычайно похожи на гербы древнихъ Польскихъ, Чешскихъ, Силезскихъ и Моравскихъ дворянскихъ фамилій. (*)

Можно принять за аксіому, что каждый народъ *постоянно осѣдлый*, т. е. народъ, который имѣлъ города, имѣлъ непремѣнно и *письмена*; ибо гражданственность не можетъ существовать безъ условныхъ знаковъ для записыванія прошедшаго, и начертанія правилъ для будущаго, т. е, безъ Исторіи и Законовъ.

Описаніе же Ретрійскаго храма, оставленное Дитмаромъ, доказываетъ, что Славяне Балтійскіе занимались *искусствами*. На наружныхъ деревянныхъ стѣнахъ храма изсѣчены были изображенія боговъ и богинь; внутри, находились ихъ истуканы, литые изъ металла. Это доказываетъ, что Славяне знали *искусство литья металловъ* и *вырѣзыванія на деревѣ*. Что Славяне знали *музыку*, любили пѣсни и употребляли мусенкійскія орудія, это не требуетъ доказательствъ. *Корабли* Славянскіе, хотя и не похожи были на нынѣшніе, ни даже на корабли Грековъ, Римлянъ и Карѳагенянъ, но долженствовали быть прочными и вмѣстительными, потому что Славяне Балтійскіе вели обширную торговлю по бурному Балтійскому морю, и сражались на немъ. О великолѣпіи, богатствѣ и многолюдствѣ города Винеты сохранились чудесные разсказы (**). Тамъ жили для торговли всѣ народы, Саксоны, Скандинавы и Греки и, по словамъ лѣтописцевъ, тамъ сохранялся даже, на высокой башнѣ неугасимый огонь. Нѣкоторые думаютъ, что граждане Винеты пріобрѣли отъ Грековъ тайну, такъ называемаго, Греческаго огня, и употребляли его противу нападавшихъ на нихъ враговъ. Въ Винетѣ были каменные храмы и домы. Въ Ретрѣ, которая раздѣлялась на девять частей, былъ также одинъ храмъ каменный. Аркона и Юлинъ также славились богатствомъ и великолѣпіемъ зданій и храмовъ. Сверхъ того на всемъ пространствѣ, занимаемомъ Венедскими или Балтійскими Славянами, было множество укрѣпленныхъ городовъ.—У Балтійскихъ Славянъ не были извѣст-

(*) См. Podroze etc. т. е. Путешествіе по Славянскимъ странамъ князя Сапеги.

(**) Развалины этого города на морской отмѣли открыты были Голландцами въ 1771 году, и доказываютъ, что тамъ были огромныя каменныя зданія.

ны науки. Славянское просвѣщеніе было оригинальное, *болѣе практическое*, нежели отвлеченное. Роскошную и безнравственную жизнь Франкскихъ феодаловъ, равно какъ и превратныя ихъ понятія о Христіанской религіи нельзя назвать просвѣщеніемъ. Германы, до Карла великаго, были еще варвары и усвоили только наружность образованности.

—Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о городахъ, Булгаринъ сознался, что у Нѣмцевъ въ Рейнской Германіи *«не было городовъ, до временъ Карла Великаго*, когда *во всѣхъ Славянскихъ земляхъ были уже значительные торговые и укрѣпленные города.»*

—Это, конечно, правда; но вѣдь Славянскій бытъ уничтоженъ Нѣмцами—какъ вы его возстановите?

—Посредствомъ изученія Славянскаго законодательства. Наши предки дали законамъ прекрасное названіе: *Русская Правда*; станемъ же изучать *обще-Славянскую Правду* нашихъ братій въ Германіи.

При введеніи Христіанской вѣры между *Славянами*, стали насильственно истреблять всѣ памятники ихъ старины, и такимъ образомъ уничтожали всѣ слѣды ихъ законодательства, въ языческія времена. Но древніе законы и обычаи остались въ преданіи и употребленіи во всей Славянщинѣ, и когда составились сильныя Славянскія государства, и учредилась нынѣшняя письменность, почти все древнее перешло въ новое законодательство. Удивительно, что у всѣхъ Славянскихъ народовъ, живущихъ отдѣльно, и въ послѣдствіи не имѣвшихъ между собою сношеній, видны одинакій духъ въ законодательствѣ и сходство въ главныхъ предметахъ, доказывающіе, что *древніе Славяне* переимали *другъ у друга* всѣ полезныя учрежденія и были *въ связяхъ между собою*. Слѣды древняго Славянскаго законодательства сохранились въ *Правдѣ Русской Ярослава* (въ XI вѣкѣ), въ Вислицкомъ уставѣ Польскаго короля Казимира (въ XIV вѣкѣ), въ законахъ Сербскаго царя Душана (XIV вѣка), въ Чешскихъ правахъ короля Вацлава (XIII вѣка), въ собраніи древнихъ Чешскихъ и Моравскихъ обычаевъ, и даже въ Статутѣ Казиміра Ягелла, или Литовскомъ судебникѣ 1464 года, и въ Статутѣ Литовскомъ XVI вѣка.

Законы Славянскіе составлялись на *Вѣчахъ* и *Сеймахъ*, въ различное время, сообразно духу народа и его потребности, относительно къ времени и обстоятельствамъ. Славянскіе государи не изобрѣтали коренныхъ законовъ (·), но *списали древніе*

(·) Это именно доказывается сходствомъ законовъ у племенъ отдаленныхъ, не имѣвшихъ сообщенія между собою; напримѣръ, у Новгородцевъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Морлаховъ и даже Поляковъ. Новгородцевъ отъ Поляковъ отдѣляла, однако жъ долгое время, Литва.

обычаи, сохранившіеся въ употребленіи, и прибавили только то, чего недоставало при новомъ устройствѣ государства... Въ послѣдствіи, по утвержденіи Христіанства у *Славянъ*, они, находясь въ зависимости отъ Саксонскихъ герцоговъ и Нѣмецкихъ императоровъ, хотя и были еще особымъ народомъ, но уже подчинялись вліянію Нѣмецкаго законодательства, и отъ того въ древнѣйшемъ собраніи Германскихъ законовъ, извѣстномъ подъ названіемъ *Саксонскаго Зерцала* (Sachsen-Spiegel) находится много законовъ, бывшихъ въ употребленіи у *Славянъ*. Впрочемъ мы думаемъ, что въ это собраніе перешло много *существенно Славянскаго*, особенно въ отношеніи къ дѣламъ торговымъ, ибо *Славяне* Поморскіе *прежде* развили у себя торговлю, нежели сосѣдніе Нѣмцы....

— Да, теперь на нашихъ юристахъ лежитъ важный долгъ: воскресить Славянскую Правду... Облагодѣтельствованные попечительнымъ Правительствомъ, совершивъ на его счетъ столько путешествій, они должны, они обязаны взяться наконецъ за *дѣло*, трудиться подобно Морошкину, Венелину и нѣкоторымъ другимъ, немногимъ, очень немногимъ....

— Надобно отдать честь здравому образу мыслей и автора «Россіи.»

— Согласенъ, при-Балтійскіе Славяне были щедры, гостепріимны, не чуждались образованности, искуства; но вѣдь они, по мнѣнію Шафарика и Гердера, были всегда племя тихое, спокойное, чуждавшееся военныхъ бурь, и потому не замѣчаемое въ Исторіи, гдѣ преимущественно обращаютъ вниманіе на политику народовъ....

— Въ этомъ позвольте не согласиться ни съ вами ни съ Шафарикомъ; что бы ни говорили противники о недостаткахъ сочиненія Булгарина, а въ этомъ случаѣ должно безспорно признать истину его словъ:

Вопреки нашимъ историкамъ, желающимъ изобразить Балтійскихъ *Славянъ миролюбивыми* и *нѣжными*, а цѣлое Славянское племя вообще *не воинственнымъ*, но *земледѣльческимъ*, Балтійскіе *Славяне*, подобно прочимъ братьямъ своимъ, почитали войну первымъ и главнымъ своимъ занятіемъ. Безоружнымъ и миролюбивымъ земледѣльцамъ не позволили бы воинственные Саксоны, Турингы и Датчане разширять свои владѣнія и угнетать ихъ единоземцевъ. Морскими разбоями занимались *Руяне* и *Вильки-Лютики*, которые также были страшны и на сушѣ своимъ хищничествомъ. Весьма странно, что наши историки приписываютъ *Славянамъ* исключительное

занятіе *земледѣліемъ* и какую-то страсть къ нему или врожденную склонность! Это свойство всѣхъ Европейскихъ туземцевъ, а не однихъ *Славянъ*. Положеніе обитаемой страны опредѣляетъ занятія народа: орды кочевыхъ народовъ Угровъ (Мадяровъ) и Кумановъ сдѣлались земледѣльческими въ Паннонiи. Должно замѣтить, что весь сѣверъ Европы и страны при-Дунайскія тогда были покрыты лѣсами, слѣдовательно были гораздо удобнѣе къ земледѣлію, нежели къ скотоводству; нельзя же было всегда жить грабежемъ, и потому даже, что у бѣдныхъ полудикихъ племенъ нечего было грабить, послѣ похищенія скота и скуднаго запаса; и такъ, поселясь въ привольной странѣ, надлежало заняться хлѣбопашествомъ по неволѣ, для прокормленія семейства.—*Славяне*, подобно всѣмъ другимъ народамъ, любили страстно звѣриную ловлю, рыболовство, и гдѣ только была удобность, немедленно принимались за торговлю. *Поморяне* въ среднихъ вѣкахъ были едва ли не первымъ торговымъ народомъ, въ нынѣшней Германiи. Море есть великій просвѣтитель народовъ! Въ землѣ Славянской существовали укрѣпленые города, храмы, торговыя пристани.—Въ Винетѣ сосредоточивалась вся торговля сѣвера. Аркона, на островѣ Рюгенѣ, Колобрегъ (Кольбергъ), Щетинъ (Штетинъ), Звѣринъ (Шверинъ), Деминъ, Данцекъ, (Данцигъ) также славились торговлей. Отъ Литовцевъ, т. е жителей нынѣшней восточной Пруссiи, Славяне вымѣнивали холстъ, съ береговъ Невы вывозили стеклярусъ, цѣпочки, запястья, золотыя кольца и другiя женскія украшенія; также Римскія и Арабскія монеты, которыя Русскіе Славяне вымѣнивали у Персіянъ, Армянъ, Арабовъ и Грековъ на Волгѣ и Днѣпрѣ. — Драгоцѣнные мѣха сѣвера, также расходились изъ Винеты по Европѣ. Вѣроятно главную торговлю Балтійскихъ Славянъ составлялъ хлѣбъ, въ которомъ былъ почти всегда недостатокъ на сѣверѣ, особенно на Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндiи, при слабомъ земледѣлiи въ тѣхъ странахъ. Изъ драгоцѣнностей вывозили янтарь.

—Я читалъ, сказалъ одинъ юноша, ученый споръ Игнатовича съ Савельевымъ, подавшій послѣднему поводъ объяснить, въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, Тацитову Германію. Савельевъ прекрасно показалъ, что весь Кутъ (по нашему, уголъ) между Лабою и Одрою населенъ былъ во времена историческія Славянскимъ племенемъ Сербовъ; *когда* они пришли неизвѣстно никому въ мірѣ, ибо Римляне уже знали на рѣкѣ Лабѣ народъ Servetii; часть этихъ Сербовъ называлась въ среднихъ вѣкахъ Велетами, и Птоломей во II вѣкѣ зналъ тутъ народъ Weltae. Рѣка Одра называлась также Рудою, а жители ея, Рудичи, извѣ-

ствы были Тациту подъ именемъ Rudigni. Такимъ образомъ, разобравъ и объяснивъ Тацитову Германію, Савельевъ показалъ, что Балтійское Поморье искони было занято Славянами, и что эти Славянскія племена, называемыя у Нѣмцевъ Wened'ами, были кромѣ того извѣстны даже подъ собственными своими именами: Сербовъ, Велетовъ, Рудичей....

—Но вѣдь эти же самыя Балтійскія племена назывались у древнихъ Gutones, Kotensii, а у позднѣйшихъ Византійцевъ Gothi....

—Да, и Савельевъ показалъ въ прошедшемъ году, что имя Gutones прямо падало на Кутъ (уголъ) Венето-Сербскій, между Лабою (Эльбою) и Одрою (Одеромъ), слѣдственно означало Сербовъ *Кутныхъ:* отсюда и понятно, почему на югѣ, въ Дунайской землѣ, куда пришли Gutones, Kotensii, Gothi, (Кутинцы, Сербы Кутные), явилось вдругъ государство Сербское.

—Мысль новая и основательная; но въ 1841-мъ году Савельевъ еще не напалъ на нее, и ограничивался тогда лишь указаніемъ ложности основанія прежнихъ критиковъ:

Авторъ «Россіи» во многихъ мѣстахъ повторяетъ, что время, отъ 125 года предъ Р. Х. до 64 года по Р. Х. было эпохою *перваго движенія* Славянскихъ племенъ *къ берегамъ Балтійскаго моря.* Этотъ *«выводъ изъ саги»* опровергается положительными историческими свидѣтельствами древности, которыя были приведены выше. Если бы этотъ выводъ изъ сагъ былъ справедливъ, то какъ же Греки и Римляне знали Венедовъ при Балтійскомъ морѣ, когда—по мнѣнію Булгарина—они окончательно появились тамъ только въ 64 по Р. Х?

Прибавимъ здѣсь, что Guton'ами, или Goth'ами — какъ видно изъ исторіи,—ни одинъ Нѣмецкій народъ не называлъ себя. Напротивъ: лѣтописцы среднихъ вѣковъ постоянно называютъ Goth'ами Славянъ; языкъ Goth'скій Славянскимъ (*); а *Пиѳій за* 600 *лѣтъ* до Р. Х. показываетъ народъ Guton'овъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ всегда жили Венеды. Какъ же все это согласить съ сагами? самый Асгардъ едва ли не должно отыскивать въ предѣлахъ нынѣшней Пруссіи т. е. въ землѣ Венедовъ. Разбирая «Исторію Сербіи» Мировича, я представилъ соображеніе тѣхъ обстоятельствъ, въ слѣдствіе которыхъ должно признать въ имени Guton'овъ, Gutoh'овъ Славянское Сербское племя Велетовъ, Поморянъ и проч. Въ дополненіе къ тѣмъ доказательствамъ, я приведу далѣе еще нѣсколько подтверж-

(*) Замѣчательное обстоятельство, на которое давно бы слѣдовало обратить вниманіе. См. письмо къ П. П. Боричевскому въ XVII части Маяка (1841); тамъ приведены эти мѣста писателей среднихъ вѣковъ.

дений въ пользу этой истины, довольствуясь здѣсь однимъ замѣчаніемъ, которое ясно обнаруживаетъ шаткость прежняго мнѣнія. Не сообразивъ, *какой* народъ и *чей* языкъ называли Goth'скимъ, ограничились только *сходствомъ звуковъ*: имя Gutones, Kolensii, Gothi сходно съ нѣмецкимъ словомъ Gott (Богъ); отсюда и заключили: Gothi народъ *Нѣмецкій* и при томъ *божественный*, какъ вы давича видѣли изъ Саги т. е. сказки. Извѣстно также, что епископъ Goth'скій Ульфила перевелъ Библію; но этотъ переводъ до насъ не дошелъ. Выдумщики Нѣмецкаго происхожденія Goth'овъ т. е. Поморянъ и Сербовъ, на основаніи этого, составили такой силлогизмъ: въ Упсалѣ хранятся отрывки Нѣмецкаго перевода Библіи; но *кто* и *когда* ихъ перевелъ—неизвѣстно; слѣдовательно, ихъ перевелъ Ульфила, епископъ Goth'скій, и слѣдовательно—языкъ Goth'овъ былъ нѣмецкій. Чудесная логика!

—И такъ, если критикъ Булгаринской книги вездѣ опирается не на созвучія, а на *историческую логику*, доказывал отсутствіе ея у многихъ писателей, то почему же въ «Сѣверной Пчелѣ,» (1844, *№* 222) стараются увѣрять почтеннѣйшую публику, будто бы приверженцы Славянской школы основываются *только на созвучіяхъ и предположеніяхъ.*

— Стараться *увѣрять* могутъ, а *увѣрить*—безъ сомнѣнія никогда не удастся, разумѣется тѣхъ, кто читалъ сочиненія Савельева.

—Да ужъ не сердится ли «Сѣверная Пчела» за опроверженіе нѣкоторыхъ мнѣній Ѳ.В. Булгарина, на примѣръ о Чухонцахъ, населявшихъ будто бы нынѣшнюю Пруссію и большую часть Россіи.

—Не думаю: Савельевъ очень скромно предложилъ свои мысли объ этомъ предметѣ. Выписавъ сознаніе Булгарина, что «Финское племя *никогда не было завоевательнымъ народомъ*, и даже не могло противустоять чужеплеменникамъ, а напротивъ, вездѣ было покоряемо сосѣдями,» Савельевъ спрашиваетъ (въ примѣчаніи):

Можно ли послѣ этого и предполагать, будто завоевательные Гунны, покорившіе половину Европы, были Финны, какъ хотятъ нѣкоторые историки, основываясь опять только на *созвучіи именъ*: Гунны и Финны.—О созвучія! когда вы перестанете отуманивать головы историкамъ!

—Относительно мнѣнія автора «Россіи,» будто бы въ нынѣшнемъ Прусскомъ королевствѣ древле обитали Чухонцы или Финны, занимавшіе и большую часть нашей Европейской Россіи, Савельевъ писалъ:

Авторъ «Россіи» говоритъ, будто бы Тацитъ назначаетъ Финнамъ мѣсто жительства въ нынѣшней Пруссіи; но Тацитовы Финны могли быть вовсе не Финскимъ племенемъ, потому что fenn, fenne, на всѣхъ древне-нѣмецкихъ нарѣчіяхъ значитъ только низменную землю, луговую страну, болотистое мѣсто (ч. I, стр. 139, 140). Тацитъ нигдѣ этого не говоритъ. Напротивъ, изъ сравненія двухъ послѣднихъ главъ его *Германіи*, видно, что онъ помѣщаетъ Финновъ за Эстіями (т. е. Пруссами-Латышами), Венедами и Сарматами; слѣдственно, то самое племя, которое въ Европѣ извѣстно подъ именемъ Финновъ. Собственное имя того народа Суома или Соме или Саме; иноземцы зовутъ ихъ Чудью и Финнами; но и самое слово fenne едва ли не заимствовано отъ ихъ же слова wenä, *сырое, влажное, низменное мѣсто*. Почтенное племя, которое мы прозвали по-своему *Чудью бѣлоглазою*, кажется, также не думало называть насъ Венедами (какъ полагаютъ всѣ ученые): wenään-maa по русски значитъ просто *сыра, болотистая земля*, а не страна Венедовъ. Такимъ образомъ, ни мы не зовемъ Финновъ, ни Финны насъ не зовутъ, настоящими именами. Отъ Финновъ узнали это имя Шведы: такъ родилось имя *Веновъ*, которымъ начали они называть Венедовъ, во первыхъ по созвучію, во вторыхъ потому, что эти Венеды (поморяне) имѣли, по свидѣтельству Тацита, много общаго съ нами Яцероглазыми (савроматами). Булгаринъ полагаетъ, что «Финское племя нѣкогда занимало *всю среднюю Россію*, до пришествія Славянъ съ юга»; а потомъ пишетъ: «Финны смѣшались съ Славянами», что будто бы «доказываетъ и самый языкъ», и что «смѣсь съ Финнами особенно замѣтна въ жителяхъ псковской и новгородской губерніи» (стр. 141—142). Авторъ говоритъ, что въ этомъ *почти нѣтъ никакого сомнѣнія*. Напротивъ, сообразите историческіе факты, и сами по неволѣ скажете: это крайне сомнительно, по крайней мѣрѣ говоря о временахъ историческихъ.

Пришествіе Славянъ съ юга есть только предположеніе, *никѣмъ и ничѣмъ не доказанное*. Говоря это, Булгаринъ противорѣчитъ всѣмъ тѣмъ мѣстамъ своей книги, въ которыхъ утверждаетъ старобытность Славянъ въ Россіи. Сказку о построеніи города *Словенска* прежде Новагорода онъ «принимаетъ безъ обиняковъ за историческое преданіе» (ч. II, стр. 386). На все это мы замѣтимъ: Пр. Несторъ—если только онъ еще—введенъ былъ въ заблужденіе названіемъ *Словенской* улицы въ Новѣгородѣ и вообразилъ себѣ, будто бы всѣ Новгородцы называли себя, по Русью, а *Словенами*. Холаковскій, который еще вѣрилъ, будто Русь, Чехи, Поляки, Венеды звали себя Славянами, отрицалъ однакожъ всякое пришествіе съ юга въ Новгородъ, не смотря на то, что въ Новгородѣ было урочище. Славно .. Утверждать о смѣшеніи Славянъ съ Финнами, безъ доказательствъ,—которыхъ впрочемъ и представить нельзя,—не долженъ историческій изслѣдователь. «Смѣсь съ Финнами *гораздо болѣе* замѣтна въ жителяхъ Псковской и Новгородской губерніи,»- говоритъ Булгаринъ; но мы

опять спросимъ: гдѣ доказательства? Напротивъ, мы представимъ очевидный примѣръ невозможности этой смѣси нароловъ Извѣстно, что Петръ Великій переселилъ нѣсколько семействъ Корельскихъ въ Тверскую губернію; и чтоже? смѣшались они съ Русскими—хоть для оправданія теоріи *смѣшенія*? До сихъ поръ нѣтъ! Ни языкъ, ни нравы; ничто не измѣнилось. Шлёцеръ, если не ошибаюсь, первый пустилъ въ ходъ мысль о томъ, что «народы Финскаго племени обширностію своихъ жилищъ на земной поверхности въ *прежнее древнее время* (!!!) равнялись (???) съ величайшими племенами, о коихъ говоритъ намъ исторія нароловъ.» Ученый Раскъ (*) до того увлекся мыслію Шлёцера, противною историческимъ фактамъ, что началъ *догадываться* о тѣхъ временахъ, когда эти почтенные Чухны въ *до-историческое* время, *прежде* всѣхъ прочихъ Индо-Европейскихъ племенъ населяли *значительную часть нынѣшней Европы*. (!!) По его мнѣнію, *въ глубокой древности* (!!) жилища много-уважаемыхъ Чухонцевъ съ одной стороны простирались до Эльбы (!!), до Британніи (!!), Галліи (!!), Испаніи (!!), а съ другой—отъ Бѣлаго моря даже за Кавказскія горы (!!!) Вотъ до чего могутъ доводить самыхъ знаменитыхъ ученыхъ—сужденія, не повѣренныя историческими фактами! Ученый Шафарикъ, хотя и самъ довольно много лишняго придаетъ Финскимъ племенамъ, сдѣлалъ однакожь справедливое замѣчаніе: «первоначальные корни всѣхъ языковъ болѣе или менѣе сходны и сродственны между собою; и какъ теперь, такъ равно и въ древности, языки народовъ обогащались усвоеніемъ себѣ чужихъ словъ; а потому несправедливо и безразсудно — заключать *по нѣсколькимъ* словамъ какого нибудь древняго народа, случайно сохранившимся, о всемъ его языкѣ и племенномъ сродствѣ. И такъ, если мы встрѣтимъ какое нибудь очень древнее Гетское или Оракійское слово въ нынѣшнемъ Чудскомъ языкѣ, и не найдемъ его въ языкахъ Европейскихъ, то по немъ не имѣемъ еще права утверждать, будто бы Чудь обитала во Оракіи и Дакіи. Очень могло случиться, что такое слово когда нибудь находилось и въ Индо-Европейскихъ языкахъ, но послѣ вышло изъ употребленія, или же Оракійцы и Геты заимствовали его отъ другихъ. При опредѣленіи племеннаго сродства должно въ равной мѣрѣ руководствоваться всѣми тремя источниками, то есть: 1) естественными свойствами тѣлесной природы человѣка, 2) грамматическимъ составомъ языка, отнюдь же не отдѣльными словами, и наконецъ 3) его исторіей. Гдѣ нѣтъ ничего этого, тамъ всѣ остроумнѣйшія догадки самаго ученѣйшаго изслѣдователя легко могутъ быть ошибочны и далеки отъ настоящаго прямаго пути.» (**).

—Ну, хорошо: авторъ «Россіи» ошибся относительно

(*) Wiener Jahrb. d. Liter. 1822 Bd. 15.

(**) Слав. Древн. Шафарика, ч. II, стр. 200—201.

изліишней населенности Россіи Чухнами (Финнами), равно какъ и относительно жительства ихъ въ нынѣшнемъ Прусскомъ королевствѣ; но за то его разысканія о Литовскомъ племени, которое онъ призналъ коренным Европейскимъ, подобнымъ Тевтонскому и Славянскому...

—Извините: г-нъ Булгаринъ не первый выдаетъ это мнѣніе: такъ уже многіе мыслили о племенахъ Литовскихъ; П. В. Савельевъ хорошо все это понялъ и разъяснилъ:

Булгаринъ признаетъ Латышское или Литовское племя такимъ же самостоятельнымъ, кореннымъ, туземнымъ въ Европѣ, какъ и племя Славянское (§ 6, гл. IV). Впрочемъ это уже не новость. Шлёцеръ давно высказалъ подобное мнѣніе, подтвержденное въ послѣдствіи такими учеными, каковы: Раскъ, Гумбольдтъ, Рюдигеръ, Фатеръ (принимавшій прежде ученіе Тунманово, о смѣси Латышей изъ Готовъ, Славянъ и Чуди), Боленъ, Фохтъ, Эйгофъ и Шафарикъ. Вотъ почему не слѣдовало бъ Булгарину говорить: «*мы* утверждаемъ» и проч. Онъ послѣдовалъ только общему, въ наше время господствующему, мнѣнію.

—Но если Булгаринское мнѣніе о Финскомъ (Чудскомъ) племени, ошибочно, а о Литовскомъ также точно думали и за-долго до Булгарина, то за нимъ остается новое мнѣніе о Готахъ.

—Оно многимъ очень понравилось...

—Слово *понравилось* не должно имѣть мѣста въ историческихъ изслѣдованіяхъ; вѣрность логической истины, послѣдовательность выводовъ: вотъ чѣмъ измѣрять надобно труды историковъ.

—Однакожъ, Савельевъ, кажется, хвалилъ Булгарина за главу о Готахъ.

—Не хвалилъ и не порицалъ, а раскрылъ весь ходъ дѣла о Goth'ахъ, предоставивъ читателю произнесть самому судъ. Объяснивъ свидѣтельства лѣтописей среднихъ вѣковъ, что именемъ Wandal'овъ покрывались Поморскіе Славяне (при-Балтійскіе Сербы), Савельевъ говоритъ:

Объяснивъ что Сербъ, Венедъ, Вандалъ, Готъ—только четыре разныхъ имени одного и того же народа, ясно какъ день, что завоеваніе Вендовъ Вандалами, а Вандаловъ Готами—есть пустая сказка, выдуманная отъ незнанія, какъ согласить всѣ эти имена; точь въ точь, какъ *впрочемъ*, что Контофюри покорены Русскими, а Форопитсы Поляками. Что сказали бы,

когда бы кто написалъ, что Тейтшеровъ разбили Альманы, Альмановъ Тедески, а Тедесковъ Нѣмцы? А вѣдь не то же ли самое дѣлаютъ всѣ тѣ, которые говорятъ объ этихъ небывалыхъ покоренiяхъ? Впрочемъ сказку о пришествiи Готовъ изъ Скандинавiи, довольно уже давно опровергъ ученый Скандинавъ, Гробергъ. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ, Готы вышли изъ Скандинавiи *въ первыхъ вѣкахъ по Р. Х.*; то какимъ же чудомъ, Массилiйскiй мореплаватель Пиѳiй, родомъ Грекъ, посѣщая Балтiйское море, зналъ Guton'овъ за обширный народъ, населяющiй всѣ южные берега Балтiйскаго моря? Пиѳiй былъ тамъ, вѣдь *за* 320 *лѣтъ до Р. Х.* Укертъ можетъ въ этомъ сомнѣваться сколько угодно; но историческая логика, — сравнивая древнѣйшiя свидѣтельства Грековъ и Римлянъ о томъ, что Поморье было искони занято Венедами,—необходимо должна признать, что Guton'ами, Goth'ами назывались тѣже Венеды, то есть Славянскiе Поморяне. Математика давно уже провозгласила истину, что двѣ величины, равныя порознь одной третьей, равны межлу собою.

Булгаринъ не зналъ еще этого сочиненiя, вѣрилъ сказкѣ о выходѣ Готовъ, *въ качествѣ Нѣмцевъ*, изъ Скандинавiи; но— посмотрите какъ ловко онъ выпутался изъ этой вопiющей несообразности: вышли Нѣмцы, а гдѣ они явились, тамъ оказались Славяне.

—Удивительно!

—И Булгаринъ тутъ не находитъ несообразности?

—Нѣтъ!

—Позвольте, господа, перервалъ одинъ посѣтитель. Я не согласенъ съ Савельевымъ: Булгаринъ *зналъ* сочиненiе Гроберга, даже много *заимствовалъ* изъ него, только никому не сказалъ о томъ. Сей часъ я вамъ докажу это. Слушайте: разсуждая о переселенiи народовъ, Булгаринъ утверждаетъ, что «въ поле выступали не цѣлые народы, но *избранные воины* или охотники»; что «только *близорукiе лѣтописцы* вообразили, будто всѣ варвары выходятъ изъ страны, лежащей въ глубинѣ сѣвера, и сдѣлавшейся извѣстною въ послѣдствiи подъ именемъ *Скандинавiи*». Потомъ, сказавъ, что Iорнандъ въ переносномъ смыслѣ назвалъ Скандинавiю горномъ или кузнею народовъ, фабрикою народовъ,— Ѳ. В. Булгаринъ восклицаетъ: «нужно ли доказывать *несправедливость* этого мнѣнiя?» и доказываетъ точь въ точь какъ Гробергъ, почти его же словами, что «въ древности Скандинавiя могла вмѣщать въ себѣ *гораздо менѣе жителей, нежели теперь*, по причинѣ дикости страны»; что страна эта населилась сама съ юга и «никогда *не могла высылать*

многочисленныхъ дружинъ, не только *народовъ* или цѣлыхъ *племенъ*», и что «всѣ нападенія на Римскую имперію произведены племенами, обитавшими внутри Германіи и въ нынѣшней Россіи и Польшѣ»....

—Слѣдственно, племенами Славянскими?

—Не о томъ рѣчь. Мнѣ хотѣлось только показать, что напрасно Савельевъ сказалъ, будто бы сочиненіе Гробера было неизвѣстно Булгарину. Но дѣло въ томъ, что здѣсь, разсуждая о переселеніи народовъ, г-нъ Булгаринъ, въ слѣдъ за Гроберомъ, *отвергаетъ сказку Іорнанда* о выходѣ Готовъ изъ Скандинавіи; а въ той главѣ, гдѣ говорится о нашествіи ихъ на нашу землю, *вѣритъ Іорнанду*. Не угодно ль, я вамъ прочту:

Вѣря словамъ Іорнанда (!), что Готы первоначально вышли изъ Скандинавіи на *трехъ* корабляхъ (·), никакъ нельзя допустить, по здравому смыслу, чтобъ они размножились, въ пять генерацій, да такой степени (··), что могли покорить всѣ народы между Балтійскимъ и Чернымъ морями, и основать даже такое государство, какимъ было Готское въ началѣ втораго вѣка, при императорѣ Траянѣ, а не только въ правленіе *Ермапарика*. И такъ очевидно, что все могущество *Готовъ* составляли племена, жившія по теченію большихъ рѣкъ, между Балтійскимъ моремъ и Чернымъ, т. е. *Славяне*, и племена, обитавшія надъ Вислою и по берегамъ Балтики, т. е. *Литва*, изъ племени Герулисовъ. Вникая прилежно въ исторію, можно убѣдиться, что Славяне и Герулы были *не покоренные Готами* народы, но *союзные*. Физически невозможно покорить и содержать въ послушаніи племена, разсѣянныя на такомъ огромномъ пространствѣ, между лѣсами и болотами, особенно когда цѣлію хищничества *Готовъ* была роскошная Римская имперія, а не бѣдная страна, обитаемая звѣроловами и хлѣбопашцами. И такъ власть *Готовъ* надъ сѣверовосточными народами Европы, т. е. надъ *Славянами*, *Литвою*, и вѣроятно надъ нѣкоторыми *Финскими* племенами, утверждена была единственно на *общихъ выгодахъ*, а не на правѣ сильнаго (···).

(·) Но эта сказка опровергается положительнымъ свидѣтельствомъ очевидца, Пиоія (жившаго еще въ IV вѣкѣ до Р. Х.), какъ показано выше.

(··) Древніе Скандинавскіе корабли были ни что иное, какъ *большія лодьи*. Полагая даже, что на каждомъ кораблѣ было *по* 300 *человѣкъ* (??), всего 900, и что въ пять генерацій (считая каждую въ 33 года) или во 165 лѣтъ народонаселеніе умножилось въ двадцать разъ, оно составитъ только 165,000 человѣкъ, съ старцами и дѣтьми.

(···) «Чрезвычайно умное предположеніе, которое было бы справедливо, еслибъ Gothi были въ самомъ дѣлѣ Нѣмцы, говоритъ критикъ. Иначе какъ

Герулы, какъ видно изъ ихъ исторіи, скоро отдѣлились отъ общаго союза, и составляли отдѣльную дружину, подъ начальствомъ своихъ вождей. И такъ *главнѣйшую силу* Готскаго союза противу Римской имперіи, *составляли Славяне*, въ чемъ удостовѣряютъ насъ и Византійскіе историки, утверждая, впрочемъ неправильно, что *всѣ Славянскія племена* находились въ подданствѣ Готскаго короля *Ерманарика*. Кажется однакожь, что готскій союзъ слѣлался въ послѣдствіи тягостенъ Русскимъ Славянамъ, потому что они оставили его, при первомъ случаѣ, и присоединились къ *новымъ пришлецамъ*, Гуннамъ.

Рѣка Днѣстръ раздѣляла страны, занимаемыя двумя Готскими племенами, союзными, но жившими особо, Визиготами и Остроготами. У подножія Карпатовъ кочевали Гепиды (т. е. бродяги, (traineurs? кажется смѣсь *Славянскихъ* и *Германскихъ* племенъ родъ мародеровъ,) (·) Гунны напали сперва на Готскій союзъ, котораго главная сила сосредоточена была тогда въ племени Остроготовъ подъ начальствомъ Ерманарика. Въ это время различныя племена, составлявшія Готскій союзъ, недовольны были первенствомъ Готовъ, присвоивавшихъ себѣ самоуправство надъ чужеплеменниками. Герулисы уже отстали отъ союза, и даже воевали съ Готами. Славяне оставались или неутральными или предложили союзъ Гуннамъ, за что, по сказаніямъ Византійцевъ, готскій конунгъ (··) Винитарь повѣсилъ *Славянскаго короля* Боза, (···) съ сыновьями его и семидесятью изъ народныхъ старшинъ. Роксоланы были ожесточены противу *Готовъ* за то, что Ерманарикъ велѣлъ казнить жену начальника Роксолановъ, бѣжавшаго отъ него, въ это время, вѣроятно, къ Гуннамъ. Братья несчастной рѣшились даже умертвить почти столѣтняго героя, но Эрманарикъ только получилъ глубокія раны отъ рукъ убійцъ, и, раненый, выступилъ въ поле противу Гунновъ,

бы можно было объяснить себѣ непонятное явленіе: приходятъ Нѣмцы, а чрезъ нѣсколько времени оказываются Славянами. Но какъ извѣстно, что Плиній назвалъ Gutonами Венедовъ, Славянъ Поморскихъ, то и *предположеніе* нашего автора дѣлается вовсе не нужнымъ.»

(·) Гепидовъ или, по эразмовскому произношенію, Гепедовъ, говоритъ П. В. Савельевъ, можно также избавить отъ бродяжничества, мародерства и смѣшенія съ Нѣмцами: они точно были жители Великой Германіи, слѣд. не Тевтоны, не Нѣмцы, а Славяне, потому что имя Восточныхъ Германовъ (какъ показано выше) падало на Славянъ. Притомъ же, это доказывается и самымъ ихъ именемъ: оно есть греческій переводъ славянскаго *Крапицы* или *тузелицы*.

(··) Напрасно, замѣчаетъ П. В. Савельевъ, авторъ называетъ Винитаря *конунгомъ*: этимъ какъ будто намекается, что онъ былъ Скандинавъ. Винитарь назывался по латыни Rex; слѣдственно должно просто *переводить* его титулъ, и говорить *король*.

(···) Т. е. Божа, какъ пишетъ Шафарикъ. На страницѣ 174, Булгаринъ несправедливо приписалъ это убійство Божа королю Витиміру.

которые воспользовались несогласіемъ союза, и разбили Остроготовъ, оставленныхъ не только чужеплеменниками, но и братьями, Визиготами. Ермаприкъ лишилъ себя жизни, съ отчаянья. Избранный на его мѣсто, военачальникъ *Витиміръ* (·), погибъ въ сраженіи, и Готы были разбиты на голову. Они бѣжали, съ женами и дѣтьми, за Днѣстръ, къ сѣверу, въ степи и лѣса. Готскій союзъ рушился!

—Замѣчаете ли вы, сказалъ хозяинъ, какъ сквозь густую мглу *предположеній*, ни на чемъ не основанныхъ и ничѣмъ не доказанныхъ, проблескиваетъ ясный лучь истины? Автору не хотѣлось повторить прежнихъ явныхъ несообразностей, и онъ допустилъ множество предположеній, чтобы какъ нибудь *слѣдствіе* помирить съ *причиною*: признавъ, что «все могущество *Готовъ* составляли *Славяне*», что «главнѣйшую силу Готскаго ополченія составляли *Славяне*»; но вмѣсто того, чтобы признать, что Славянъ-то и называли Готами, увертывается и пускается въ *предположенія*, что это Славяне суть не Славяне, а *можетъ быть* потомки *Скандинавовъ*, которые расплылись между Славянами... Савельевъ очень хорошо раскрылъ тактику автора «Россіи»:

Припомните слова Венелина: «Готы составляли болѣе *войско*, чѣмъ народъ въ строгомъ смыслѣ; только недоумѣніе между нами и древними лѣтописцами породило столь знаменитое переселеніе народовъ: не походило ль оно на переселеніе народовъ въ Россію въ 1812 году и во Францію, 1814 года?» Вотъ истинно-геніальная мысль, и какъ проста она! Невольно дивишься, почему она давно не пришла историкамъ, гонявшимся до сихъ поръ за *призрѣніями* народовъ. Развитіе этой мысли, ни больше ни меньше, должно перемѣнить всю среднюю исторію. Венелинъ первый пошелъ на приступъ, и палъ; пойдутъ другіе, и будутъ счастливѣе: не вѣкъ же Исторія будетъ чуждаться Логики! не вѣкъ же историки захотятъ оправдывать собою мысль Цицерона: sed nescio, quomodo isti philosophi superstiosi et pacne fanatici quidvis malle videntur, quam se non ineptos,

(·) «Довольно странно,- говоритъ Булгаринъ,- что у Византійцевъ вождь Германовъ и вождь дикихъ *Монголо-Финновъ* (Валамиръ) имѣютъ названія весьма похожія на Славянское: *міръ*.»—Вовсе нѣтъ ничего страннаго,—отвѣчаетъ Савельевъ,—потому что подъ именемъ Gutoni'овъ разумѣлись Поморскіе Славяне, а подъ именемъ Гуннонъ разумѣлись Болгаре (также Славяне). Вольно же историкамъ почитать однихъ Нѣмцами, а другихъ Финно-Монголами, да потомъ и удивляться, находя у нихъ имена все Славянскія. Признайте *истину*, исчезнетъ и мнимая странность!

evanuisse mavultis et extinctum esse id, quod, si unquam fuisset, certe aeternum esset; quam ea, quae non sunt credenda, non credere (·)

Посмотрите жъ, какъ ловко поступилъ авторъ «*Россіи.*» Онъ видѣлъ нелѣпость силлогизма историковъ: «всѣ эти народы Нѣмцы; всѣ они вдругъ исчезли, а на мѣстѣ ихъ, невѣдомо какъ, появились племена Славянскія.» Но въ то же время, чувствуя, что прямо объявивъ себя на сторонѣ Венелина, возбудилъ бы противъ себя многихъ противниковъ, ратующихъ противъ исторической логики, Булгаринъ не осмѣлился илти прямо на проломъ, подъ знаменемъ новыхъ истинъ, а рѣшился пробраться *къ тому же*, только *проселочною дорогою*. Какъ математикъ, замѣтивъ, что отрицательная величина обнаруживаетъ несообразность задачи, и что только перемѣною знаковъ можно исправить погрѣшность, — онъ *предполагаетъ*, что Готы или Гутопы (въ качествѣ Скандинавовъ), и побѣдоносные Гунны въ качествѣ Финновъ и Монголовъ, никогда не двигавшихся отъ Китайскихъ границъ), Авары или Обры (въ качествѣ Турокъ же или Монголовъ) пришли къ Славянамъ, *вѣроятно*, въ небольшомъ числѣ, и были *поглощены* ими.

Авторъ «Россіи» утверждаетъ, что «съ юговостока Европы, т. е. отъ Чернаго моря, варвары вторгались въ предѣлы имперіи съ большими силами, и противустояли цѣлымъ арміямъ, высылаемымъ противу нихъ императорами. Съ этой стороны сильнѣйшими врагами имперіи были сперва *Готы*, потомъ *Гунны*, *Обры*, а наконецъ *Болгаре*. Всѣ эти племена проходили чрезъ нынѣшнюю Россію, прежде нежели доходили до предѣловъ имперіи; слѣдовательно главнѣйшую ихъ силу составляли *Славяне* и *Финскія* (··) племена, обитавшія искони въ Россіи, съ другими варварами. Но самое существо дѣла здѣсь ясиѣе, нежели историческія преданія. *Можно ли вѣрить*, чтобъ народъ *Гунновъ*, напримѣръ, прибывшій къ предѣламъ имперіи въ числѣ милліона людей, съ стадами и лошадьми, могъ переселиться отъ Китайской стѣны? Какимъ образомъ милліонъ народа могъ бы прокормить стада свои, которыя должны были доставлять пищу народу, въ обширныхъ степяхъ и пустыняхъ Сибири, и

(·) Не понимаю, какъ эти суевѣрные и почти фанатическіе философы вѣрятъ охотнѣе во все, нежели въ свою нелѣпость! охотно рѣшаются вѣрить въ исчезаніе и истребленіе того, что не перестало бы существовать, еслибъ только существовало: и не рѣшаются не вѣрить тому, во что не должно вѣрить! De divinat. Cicero.

(··) «Но чѣмъ же доказать это объ Финнахъ?- спрашиваетъ Савельевъ,- они всегда были извѣстны подъ этимъ именемъ, однакожъ никогда не упоминаются въ исторіи, которая говоритъ только о Скиѳахъ и Савроматахъ, а этими именами покрывались только Русь и Болгаре. При томъ же, самъ авторъ «Россіи» призналъ, что Финны никогда не были народомъ завоевательнымъ» (стр. 134).

тогдашней лѣсистой и болотной Россіи? Что бы могло побудить нѣлый народъ двинуться на югъ, въ Римскую имперію? Какимъ образомъ могли дойти до этихъ дикарей слухи о дѣлахъ падающаго Римскаго государства? (·)

Изъ всѣхъ разнородныхъ племенъ, нападавшихъ съ восточной стороны на имперію, долѣе прочихъ выдержали *Славяне*. Они были прежде съ Готами, потомъ съ Гуннами, послѣ того составили сильный союзъ подъ именемъ Болгаръ, потомъ вошли въ составъ ордъ, опустошавшихъ Римскую имперію, подъ именемъ господствовавшаго племени Обровъ, а наконецъ появились подъ собственнымъ именемъ Славянъ. Изъ этого видно, что Славяне были многочисленнѣе всѣхъ племенъ, вторгавшихся, съ этой стороны, въ Европу, потому что всѣ другія племена исчезли въ общемъ смѣшеніи, а Славяне сохранили свою самобытность. Если бъ въ это время между *Славянами* родился другой Карлъ Великій, мужъ подобный Русскому Петру Великому, то, безъ сомнѣнія, могущественная *Славянская имперія* была бы не въ Россіи, какъ нынѣ, но въ прежней Восточной Имперіи, и столицею ея была бы Византія....

Новое сильное доказательство того, что *Славяне* превышали числомъ всѣ племена, во время нашествія *Гунновъ*, *Обровъ* и *Болгаръ*: въ мѣстахъ, гдѣ могущество ихъ было на высочайшей степени, *Славянскій языкъ* по нынѣ или господствующій, или слѣды его неизгладимы въ языкѣ туземцевъ и въ названіяхъ рѣкъ, селъ, городовъ и урочищъ (··).

И такъ не взирая на *превратное изложеніе*(···) дѣла лѣтописцами, *Славяне* занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между народами, разрушившими Римскую имперію. Такъ точно *Славяне* составляютъ теперь главную силу Австрійской монархіи, хотя объ нихъ вовсе не упоминается въ Исторіи при подвигахъ Австрійцевъ, а только въ Статистикѣ и Географіи, при исчисленіи разнородныхъ племенъ, составляющихъ государство. Древняя слава имени *Славянскаго* придавлена невѣжествомъ лѣтописцевъ, а новая сосредоточена въ нашей матери, Россіи....

—Чудесно! значитъ, и авторъ «Россіи» признаетъ, что паденіе Римскаго колосса составляетъ одну изъ первыхъ главъ Славянской исторіи; что Гунны не пере-

(··) «Совершенная истина! И какъ жаль, что послѣ такого *логическаго сужденія*, авторъ въ послѣдствіи самъ отклонился отъ него.»

(··) «Вотъ *фактъ*,- говоритъ критикъ,- судите жъ сами, вѣрно ли *предположеніе* о существованіи отдѣльныхъ языковъ: Финскаго и Монгольскаго (Гуннскаго), Турецкаго или Татарскаго (Аварскаго и Болгарскаго)? такъ-то распадаются всѣ *предположенія*, когда ихъ сравнятъ съ фактами.»

(···) Превратное *разумѣніе* лѣтописцевъ, происшедшее отъ принятія множества именъ однихъ и тѣхъ же Славянскихъ племенъ, за имена разныхъ народовъ, и при томъ за Монгольскія, Чухонскія, Турецкія.

селились изъ Монголіи, отъ предѣловъ Китайской стѣны; что слава нашего племени, придавленная невѣжествомъ древнихъ лѣтописцевъ и — съ позволенія ихъ милости — гипотезами новѣйшихъ компиляторовъ, должна быть возставлена историческою критикою, во славу и поученіе потомковъ.....

—Въ томъ-то и сила, что Булгаринъ объявилъ это, какъ человѣкъ здравомыслящій, но скоро потомъ устрашился своей смѣлости, и вмѣсто того, чтобъ идти прямымъ путемъ, и признать Готовъ поморскими Славянами изъ при-Балтійскаго Сербскаго Кута, а Гуновъ Русскими Славянами изъ обширныхъ предѣловъ нашего отечества,— воротился на попятный дворъ, и все-таки повелъ Гунновъ отъ предѣловъ Китая и Монголіи, а а Готовъ изъ Скандинавіи; съ здравымъ же смысломъ заключилъ *перемиріе*, приказавъ этимъ quasi-принельцамъ изъ Скандинавіи и Монголіи *расплыться* между *Славянами* и слиться съ ними въ одинъ народъ.

—Хитро, нечего сказать! и здравому смыслу отдалъ половинную часть, хотя не всю, и Байеро-Энгелевской школѣ не объявилъ войны.

—Но неужели критикъ не обнаружилъ этой двусмысленной политики автора «Россіи» въ отношеніи къ *исторической правдѣ*?

—Нѣтъ, Савельевъ откровенно раскрылъ это передъ читателями, и выписавъ предположенія автора «Россіи», сказалъ:

Все это очень хорошо; да жаль, что для оправданія подобныхъ предположеній, не достаетъ *историческихъ*, *дѣйствительныхъ* подтвержденій. Когда, въ средніе вѣки, Тевтоны въ самомъ дѣлѣ завоевали сѣверо-восточную Германію, населенную Славянами; то не расплылись между ними, не были поглощены, а напротивъ сами онѣмечили многихъ Славянъ. Венгры или Угры (Мадяры) не расплылись между Славянами, въ теченіи безъ малаго тысячи лѣтъ, но вполнѣ сохранили свою народность. Когда Турки завоевали Болгаръ, то не были поглощены ими; а напротивъ, сами отуречили многихъ Болгаръ и Сербовъ. До сихъ поръ всѣхъ Турковъ въ Европѣ только 700,000; какъ же бы огромному, въ нѣсколько милліоновъ, Славянскому народонаселенію Балканскаго полуострова не поглотить своихъ побѣдителей, пришедшихъ къ нимъ также весьма въ небольшомъ числѣ?

И такъ, если бы Гунны были Монголы, то имъ надлежало бы омонголить Славянъ: если они были Финны, то имъ должно бы

офинить Славянъ. Татарскіе или Турецкіе Болгаре, точно также, отатарили или отурчили бы Славянъ, а не на оборотъ. Такъ велитъ разсуждать *историческая логика*. Если же здравомыслящій, безпристрастный разборъ Византійцевъ, покажетъ, что они говорятъ о народахъ Европейскихъ; то за чѣмъ же идти на перекоръ исторической логикѣ, утверждая предположенія, несообразно съ существующимъ на свѣтѣ порядкомъ? за чѣмъ идти на перекоръ историческимъ фактамъ, и толковать о небывалыхъ выходахъ изъ Азіи? Уничтожьте предположенія изъ исторіи, и все будетъ ясно. За чѣмъ вы не хотите справиться съ Византійцами, говоря о происшествіяхъ, прямо до нихъ касающихся? Патріархъ Никифоръ тотчасъ же сказалъ бы вамъ, что Гуннами Греки зовутъ Болгаръ: *Οὖννοι Βουλγαροι*. Ософанъ и Кедринъ объяснятъ вамъ еще понятнѣе, что Гуннами въ Греціи называли Славянъ: *ὁι Οὖννοι ὁι καὶ Σκλαβινοὶ*. Спросите у западныхъ писателей начала среднихъ вѣковъ—они подтвердятъ сказанія Грековъ. Беда Достопочтенный (Beda venerabilis) постоянно называетъ Славянъ Гуннами. Іорнандъ (ок. 550 г.) и Викторъ Тунунскій (ок. 567) называютъ Болгарами тотъ же самый народъ, который у Византійцевъ слылъ подъ именемъ Гунновъ. Скандинавская Эдда называетъ Славянъ также Гуннами. Почтенныхъ нашихъ земляковъ, Ярослава и Ярополка, она величаетъ также Гуннами. Свено Аганисъ называетъ Волинъ, столицу Славянскихъ Поморянъ, Hunnisburg. Ученый Гриммъ, въ своей Deut. Mythol., давно замѣтилъ, что писатели среднихъ вѣковъ именемъ Hun часто замѣняютъ имена Wenden, Anten und Slaven. Вотъ почему и Гельмольдъ утверждаетъ равнозначительность именъ Русь и Гуннія: Russia etiam Chunigard dicitur. Вотъ почему, и потомки Славянскихъ поселенцевъ въ Швейцаріи слывутъ въ народѣ Гуннами. (Malten's Bibl. der Weltk. 1834 Bd. 1. s. 28—50). — Подумайте, господа, неужели въ угоду *новѣйшимъ* историкамъ, надо отвергнуть столькихъ свидѣтелей среднихъ вѣковъ? неужели опять надобно предполагать, что *наши современники* знаютъ то время лучше, нежели *тогдашніе* люди, очевидцы описанныхъ ими событій?

Взгляните хладнокровно на осѣдлость, одежду, нравы и обычаи этихъ Гунновъ, которые такъ любили, по свидѣтельству Приска Ритора, «пить медъ и квасъ;» строили себѣ каменные искусные домы, ходили въ тулупахъ, носили рубашки обшитыя кружевною, встрѣчали своего отца-государя Атилу хлѣбомъ-солью и пѣснями; не запирали своихъ женщинъ въ гаремы, но допускали ихъ въ собранія; наконецъ, вели обширную дипломатическую переписку съ Восточною и Западною Римскими Имперіями: неужели и послѣ такого опредѣлительнаго свидѣтельства *очевидца*, Приска Ритора, вы не посовѣститесь ихъ называть Азійскими бродягами, только что ворвавшимися съ Атилою въ Европу въ началѣ V-го или въ концѣ IV-го вѣка? но какимъ же чудомъ Птолемей (175—182) и Діонисій Періэгетъ (ок. 200 по Р. Х.) знали этихъ Гунновъ постоянными жителями *Руси*, и помѣщали ихъ по Днѣпру

и къ востоку до областей При-каспійскихъ? вѣдь Птолемей и Діонисій Періэгетъ жили *за* 200 *лѣтъ до Атилы.*

Но васъ все еще обольщаетъ отысканное Дегинемъ созвучіе въ именахъ Hunni и Китайскимъ ругательствомъ *Хюнъ-ну* или *Сюн-ну* (т. е. злые рабы), этимъ почетнымъ именемъ для Монголовъ въ китайскихъ лѣтописяхъ. Но подумали ль вы хорошенько: Греки, не имѣя сношенія съ Китаемъ, могли ль узнать то слово, которымъ Китайцы *ругаютъ* Монголовъ? и Монголы, ворвавшись (положимъ) въ Европу, не ужели стали бы звать себя Китайскимъ прозвищемъ?... Вотъ вопросы, предлагаемые историческою логикою; вопросы важные, на которые вы не дадите никакого отвѣта. И какъ согласите съ этимъ свидѣтельство Приска Ритора, очевидца, который говоритъ, что Гунны (Болгаре) свободно понимаютъ Готѳовъ (Сербовъ). Признавая — вопреки положительнымъ свидѣтельствамъ Исторіи — Гунновъ за Финновъ и Монголовъ, а Готѳовъ за Нѣмцовъ, вѣдь вы получите въ результатѣ чистѣйшую нескладицу: «*Финны или Монголы* (по вашему Гунны) свободно понимаютъ *Нѣмцовъ* (по вашему, Готѳовъ)». Нѣмецкій, Финскій и Монгольскій языкъ тожественны — удивительно хорошо!.... Стыдитесь, господа историки!

Но васъ еще пугаетъ извѣстность, которою пользовался Дегинь въ прошломъ столѣтіи; такъ, по знаете-ль какъ въ наше время думаютъ о многихъ гипотезахъ Дегиня? не угодно ли выслушать *мнѣніе оріенталиста*, который можетъ судить объ этомъ дѣлѣ несравненно лучше всѣхъ неоріенталистовъ: «знаменитая гипотеза, основанная на случайномъ сходствѣ звуковъ (*слышите ли?*) и насильственныхъ сближеніяхъ (*какъ вамъ покажется?*), гипотеза, будто китайскіе *Хюнъ-ну* или *Сюнъ-ну* суть Гунны Атила, пользовалась нѣкоторое время славою великаго открытія, и была принята за истину (*замѣтьте*: *не была* въ самомъ дѣлѣ, *а только принята*) учеными, между прочимъ и Карамзинымъ; нынче она оставлена всѣми оріенталистами, которые положительно убѣдились,—особенно изъ прекрасныхъ трудовъ Отца Іакинѳа Бичурина,—что *Хюнъ-ну* были чистые Монголы и не оставляли Монголіи (*прислушайте, сдѣлайте одолженіе*!...) Такой же участи подверглись и многія другія сближенія Дегиня». (Біографія *Дегиня* въ Энцикл. Лексиконѣ т. XVI, с. 57).

Пора помириться съ Византійцами и западными лѣтописцами, которые знали что говорили, называя Гунновъ Болгарами и Славянами, *Οὖννοι Βουλγάροι, Οὖννοι οἱ καὶ Σκλαβινοι:* Тогда не будете удивляться, теперь непостижимому для васъ, обстоятельству, что у этихъ мнимыхъ Финновъ и Монголовъ имена все Славянскія: Владъ, Борисъ, Едиконъ, Скотанъ, Душанъ, Гордатъ, Воеславъ, Нѣгинь (·), Рѣкава, супруга знаменитаго Атила, или,—если угодно,—по Болгарски, Тилана Мандушевича (··).

(·) Лат. Onegisios, греч. ὁ *Νηγησιος*. У Болгаръ, какъ и у Малороссовъ, буква *и* замѣняетъ нашу великороссійскую букву *ь*. Слѣдовательно Нигинь по нашему будетъ Нѣгинь.

(··) Отъ имени *Атилы* оріенталисты, въ лицѣ славнаго хинезиста, Іакинѳа

—То, что писано Венелинымъ и Савельевымъ о Гуннахъ, разрѣшаетъ большую часть возникающихъ тутъ вопросовъ; однакожъ, не худо бы Савельеву заняться подробнымъ изложеніемъ этой важной задачи, отъ рѣшенія которой зависитъ многое въ Исторіи.

—И тѣмъ это любопытнѣе и важнѣе, что Шафарикъ и Чертковъ держатся противнаго мнѣнія.

—Шафарикъ положился тутъ на Клапрота; а изслѣдованія Клапрота крайне подозрительны.... Оріенталисты мало вѣрятъ Клапроту.

—Припомните, господа, отзывъ Отца Іакиноа Бичурина о степени познаній Клапрота въ Исторіи и Филологіи Китая и Монголіи..... Неосновательность ихъ обнаружена Іакинѳомъ во всей наготѣ; Шафарикъ же принялъ въ руководители Клапрота, почитая его *великимъ знатокомъ исторіи и филологіи*, а г-нъ Чертковъ послѣдовалъ Шафарику.

—*Для* окончательнаго рѣшенія вопроса о Гуннахъ, надобно бы взглянуть на Болгаръ по Волгѣ, откуда вышло это племя на Дунай.

—А развѣ этого не сдѣлалъ Савельевъ? Дѣло въ томъ, что Энгель объявилъ Волжскихъ Болгаръ Татарами, Шафарикъ и Чертковъ Чухоцами (Чудью), Бутковъ и Венелинъ Славянами; автору «Россіи» хотѣлось помирить всѣхъ, и онъ объявилъ на весь міръ слѣдующее рѣшеніе: «*быть можетъ* (1), что господствовавшее племя въ этой ордѣ было изъ породы Монгольской (!) или Турецкой (!); намъ *кажется* даже *весьма вѣроятнымъ*, что въ ордѣ Булгаръ было много чужеплеменниковъ (2): Фин-

уже отказались: онъ положительно объявилъ, что *въ этихъ звукахъ нѣтъ ничего Азіятскаго*. Откинувъ *а*, которое любили Греки прибавлять (наприм. А-римининъ вм. Римини, А-загоріумъ вм Загорье и проч.) и припомнивъ, что въ вин. падежѣ, Греки говорили А-тиланъ, легко догадаемся, что настоящее имя Атила была Болгарское *Тѣланъ*, т. е. по Великороссійски *Тиланъ*. Отецъ его назывался Мандухъ; слѣд. полное имя его было Тиланъ Мандушевичъ.

(1) «Предположеніе. Авторъ говоритъ *быть можетъ*; другіе съ такою же и даже большею основательностью скажутъ: *быть не можетъ*. Въ предположеніи всегда чистый произволъ.»

(2) «Автору это *предположеніе* кажется весьма вѣроятнымъ; другіе опять съ равною справедливостью могутъ сказать: «это предположеніе весьма не вѣроятно, потому что ни чѣмъ не можетъ быть доказано. Вся бѣда

повъ, Монголовъ и Турокъ.» Далѣе же, авторъ говоритъ: «положивъ даже, что первоначальный составъ Булгарской орды былъ *чужеплеменный*, мы не можемъ почитать Болгаръ *чуждыми* (3), потому что большинство въ ордѣ составляли братья наши, Славяне, когда, напротивъ того, *отъ чужеплеменниковъ ничего не осталось*; весьма замѣчательно также, что *всѣ* названія городовъ, урочищъ, рѣкъ и селеній, въ мѣстахъ занятыхъ Дунайскими Болгарами, суть *Славянскія*» (4). Замѣтивъ противорѣчія Булгарина, Савельевъ оперся на открытія новѣйшихъ оріенталистовъ, въ особенности В. В. Григорьева, и на прочномъ основаніи *фактовъ*, оставленныхъ Арабскими писателями, говоритъ:

По извѣстіямъ Арабовъ, Болгарскій повелитель, котораго они называли *Царемъ Славянъ*, носилъ титулъ *Владавецъ; языкъ и обычаи Болгаръ*, по свидѣтельству Хаджи-Калфы, *похожи на Русскіе*, чего же болѣе? Алмасъ, сынъ *Силки* (какъ читаетъ это имя г-нъ Сенковскій) или *Василька* (какъ читаетъ г-нъ Френъ), *Владавецъ Болгаръ*, принявшій мусульманскую вѣру, конечно имѣлъ основательныя причины употреблять титулъ *Царя Славянъ*, и его мусульманскіе просвѣтители не могли быть въ такомъ заблужденіи, чтобы не знать съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, съ Турками или Славянами. Притомъ, *обычаи*, описанные Ибнъ-Фоцланомъ, *совершенно противны Турецкимъ*, замѣчаетъ нашъ оріенталистъ, — и не показываютъ ли они въ этихъ Болгарахъ настоящихъ Славянъ? Это сниманіе шапокъ, это прятанье ихъ подъ мышку, это сидѣнье съ открытою головою предъ старшими, это присутствіе обоихъ половъ въ баняхъ, эти поклоны въ поясъ, повѣрье о молніи, березовый сокъ, питейный медъ, который, сверхъ того, называется *сычовка*, все это неотъемлемыя принадлежности Славянскаго племени, справедливо говоритъ г-нъ Григорьевъ. Не при-

оттого, что Энгелю показалось, будто бы имена: Кубратъ, Бугоръ, Болгъ и другія, *звучатъ по татарски*. Въ Исторіи, извольте видѣть, важнѣе всего *звонъ*; основаніе всему *уши* Энгеля: какъ зазвѣнитъ непонятное для него имя по татарски (хотя онъ и не знаетъ по татарски) то и народу Славянскому должно быть сперва Татарскимъ, а потомъ уже Энгель позволитъ ему переродиться въ Славянъ. — О, знаменитыя уши! какъ много отъ васъ зависитъ.»

(3) «Если только *были* чужеплеменники, потому что это еще только *предположеніе*, которое не подтверждено никакимъ доказательствомъ.»

(4) И такъ, отбросивъ *предположенія*, какой же получимъ *фактъ*? «Болгаре были Славянское племя.» Вотъ фактъ! и онъ совершенно согласенъ съ логикою, потому что не только объясняетъ всѣ предыдущіе и послѣдующіе факты, но и самъ поясняется и еще болѣе подкрѣпляется ими.

водя здѣсь всѣхъ доказательствъ этихъ писателей, замѣтимъ одно Греки называли Гуннами Болгаръ; другіе греческіе жъ и западные писатели называютъ Гунновъ же Славянами, ergo Болгаре суть Славяне—двѣ величины, равныя порознь одной третьей, равны между собою. Это истина математическая.

—Какъ же назывались эти Славянскія племена, обитавшія въ нашемъ отечествѣ, если имя *Славяне* существовало только въ книгахъ, а не въ дѣйствительности?

—Какъ? *Русью*!

—Можетъ ли быть?

—А почему жъ нѣтъ?

—Но авторъ «Выжигина» думалъ даже, что и самое имя *Россія* есть Нѣмецкое, происходящее отъ слова ross (конь), и слѣдственно значитъ *Коневья земля*.

—Видите ль теперь, какъ шатки тѣ основанія критики, которыми руководствовался авторъ «Россіи», то есть книги о Конёвьей землѣ! Все основано только на *созвучіяхъ*.

—Ну, а еслибъ сыскалось подобное слово въ языкѣ южныхъ Американцевъ? сказалъ одинъ шутникъ.

—Тогда авторъ нашъ объявилъ бы, что *вѣроятно* Россія образовалась отъ соединенія южныхъ Американцевъ съ Славянами, которые потомъ *слились* въ одинъ народъ, такъ что *отъ* Американскихъ *чужеплеменниковъ* вовсе *ничего не осталось*, подобно какъ отъ Монгольскихъ, Финскихъ и Турецкихъ Болгаръ.

—А вотъ, послушайте, господа, какъ писалъ объ этихъ мнѣніяхъ Булгарина Савельевъ:

Но въ самомъ ли дѣлѣ имя Руси или Руссовъ, мы заимствовали отъ другаго народа? Быть не можетъ. Именемъ Славянъ нашъ народъ никогда не назывался (такъ звали его только одни книжники, лѣтописцы): какое же было собственное имя нашего народа, туземнаго на нашемъ сѣверѣ? Ясно, что то самое, которымъ онъ самъ зоветъ себя, *Русь* или *Россы*. Это имя иноземцы всегда писали и пишутъ по-латинѣ Ruzi, Rutsi, Rossi, Rutheni, Roxolani. А въ древнѣйшія времена мы находимъ у Грековъ и Римлянъ, что въ предѣлахъ нашей земли обитаютъ Roxolani, Rossomanni. Почему же, если новѣйшіе Roxolani суть Россіяне, то древніе Roxolani суть не-Русскіе?..... Неужели древнихъ Roxolan-овъ, Rossoman-овъ, должно почитать Нѣмцами, единственно потому, что въ Нѣмецкомъ языкѣ слово *конь* значитъ Ross, по англосаксонски Hors?.. Это доказательство г-на Булгарина (ч. III, стр. 24) не выдержитъ нападенія здравой критики. Если бы имя

Руси было въ самомъ дѣлѣ дано Славянамъ отъ Рюрика, то это имя должно бы распространиться только на земли подвластныя Рюрикову потомству; но мы слышимъ это имя и за Карпатами, въ странѣ не принадлежавшей Рюриковымъ потомкамъ? какъ же бы оно попало туда, если бы не было туземнымъ? Г-нъ Булгаринъ самъ призналъ, что имя Руси разсѣяно на всемъ пространствѣ нашего отечества, (ч. III, стр. 25—26); слѣдовательно, оно и должно быть признано туземнымъ.

По географы древніе находятъ еще Роксолянъ въ предѣлахъ Пруссіи. Дѣйствительно, изъ соображеній тамошней мѣстности мы должны заключить, что въ Пруссіи была другая Русь, хотя и отдѣльная отъ нашей Руси. Г-нъ Булгаринъ очень хорошо понялъ, что Руссы, призванные въ половинѣ IX вѣка изъ-за моря Новгородцами, пришли изъ Пруссіи, и слѣдовательно были Гутоны, или Готы; но такъ какъ Готовъ онъ призналъ прежде Нѣмцами, то и Роксоланы объявлены у него также Нѣмцами. Однакожъ мы видѣли, что въ XI-мъ даже вѣкѣ Нѣмцы не утвердились на южномъ Балтійскомъ поморьѣ, заселенномъ Славянами; что въ половинѣ IX вѣка, Нѣмцы только что вошли въ непріязненныя отношенія къ Славянамъ, обитателямъ Балтійской Славяницины: какимъ же чудомъ изъ Славянской земли вышло Нѣмецкое племя? Не правы ль послѣ того лѣтописцы среднихъ вѣковъ, утверждающіе тождество Гутоновъ (Готовъ), Венедовъ и при-Балтійскихъ Славянъ.

—Къ стати, о древности имени Руси, замѣтилъ одинъ юноша: у меня есть довольно товарищей, которые на-слово повѣрили профессору Русской Исторіи, будто бы наша земля получила названіе *Руси* отъ Скандинавовъ; но ни профессоръ, ни товарищи мои, никто не могъ разрѣшить моихъ недоумѣній, когда я спрашивалъ ихъ: 1) почему же у Римскихъ писателей, жившихъ еще въ III вѣкѣ нашей эры, слѣдовательно за 600 лѣтъ до Рюрика, упоминаются *Руссы*, Russi, какъ показали намъ Эверсъ и Савельевъ? 2) почему же Моисей Хоренскій, живя въ Арменіи, въ V вѣкѣ, также зналъ, что *Русскій народъ* примыкаетъ своими жилищами къ Дунаю? Савельевъ очень хорошо развилъ это обстоятельство въ одномъ изъ своихъ трактатовъ.

—Но, если не допустить, что имя Руси разнесено по нашей землѣ пришельцами съ Балтійскаго поморья (Нѣмцами или Славянами, не о томъ рѣчь), то какъ же объяснить, что имя Руси раскидано по предѣламъ нашего отечества?

—Очень просто: значитъ, оно всегда принадлежало Русскимъ, а не то, будто бы Нѣмцы-ross (конь) назвались между Славянами и, помѣнявшись съ нами народнымъ

прозвищемъ, сами потомъ исчезли.... Савельевъ, выписавъ различныя мѣстности, напоминающія имя *Русь* въ предѣлахъ нашего отечества, сдѣлалъ такой выводъ:

Изъ этого перечня извѣстій видно, что Roxolania, *Русь*, была въ предѣлахъ нынѣшней всей юго-западной Европейской Россіи; точно также разсматривая мѣстность Пруссіи, мы должны придти къ заключенію, что и на южномъ Балтійскомъ берегу находилась своя Roxolania, своя Русь: это весьма ясно подтверждено разборомъ свидѣтельствъ среднихъ вѣковъ, въ ученыхъ изысканіяхъ И. П. Борничевскаго и Ѳ. Л. Морошкина. Римляне однакожъ съ древнѣйшихъ временъ знали, что южный берегъ Балтійскаго поморья занятъ Славянскимъ племенемъ Велетовъ; а имя *велетъ* значитъ тоже, что наше новгородское *волотъ*, исполинъ, великанъ, человѣкъ *рослый*, Россіянинъ, тоже, что западно-славянское Obr, obrin, и нѣмецко-скандинавское Hun. Вотъ почему нынѣшніе нѣмецкіе жители этого Велетскаго поморья называютъ древнѣйшія могилы прежнихъ обитателей поморья могилами Гуновъ, Hunengräber, хотя наши Волжскіе Руссы (Hunen) никогда не заходили туда съ Атилою. Варшавскій ученый Суровецкій *предполагалъ*, что *вѣроятно* спасаясь отъ этого грознаго завоевателя, днѣпровскіе Руссы, Roxolani, удалились къ Балтійскому морю. То же теперь пишетъ и авторъ «Россіи». Жаль, что этому *предположенію* нельзя вѣрить, потому что оно не подтверждено ни однимъ историческимъ свидѣтельствомъ. За чѣмъ выдумывать всѣ эти переселенія цѣлыхъ народовъ, когда и безъ нихъ все объясняется мѣстностью и согласнымъ свидѣтельствомъ писателей древнихъ и среднихъ вѣковъ? Два единоплеменные Славянскіе народа имѣли одинаковое имя и одинаковыя мѣстныя названія: чему же тутъ удивляться? зачѣмъ одинъ изъ этихъ народовъ обращать въ Нѣмцевъ и заставлять переселяться съ Днѣпра на южный берегъ Балтійскаго моря, когда этого предположенія ничѣмъ доказать нельзя? Оставимъ же всѣ произвольныя догадки, и будемъ вѣрить только тому, что намъ доказываетъ мѣстность, соображенная съ показаніями древнихъ и среднихъ вѣковъ.

—Но имя Варяговъ?

—А что же? большая часть собственныхъ именъ необъяснимы. Объясните мнѣ вашу фамилію, *почему* вы такъ называетесь, и тогда я повѣрю вамъ, что объясненіе очень важно.

—По крайней мѣрѣ любопытно.

—Это другое дѣло, и тутъ, пожалуй, представится вамъ на Балтійскомъ поморьѣ имя *Варновъ;* а Савельевъ показалъ, что имя Вар-инъ и Вар-ягъ есть одно и тоже, съ разными только окончаніями, подобно множеству другихъ, на пр. Полянинъ и Полякъ, Русинъ и Русакъ.

Да и что вамъ за дѣло до имени, когда Арабы прямо называютъ Варягами славнѣйшимъ изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ?

—Какъ такъ?

—Да такъ же. Почтенный Академикъ нашъ, Френъ, давно уже сообщилъ публикѣ этотъ любопытный фактъ, оставленный Арабами, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ».

—Недавно, сказалъ хозяинъ, я получилъ изъ Петербурга очень любопытную брошюрку, напечатанную въ Ревелѣ: это разысканія г-на Святнаго о Варяжской Руси. Авторъ очень сходится съ результатами Савельева; обративъ свое вниманіе на Арабовъ, онъ также воспользовался этимъ важнымъ указаніемъ на *Славянское* происхожденіе Варяговъ, и тѣмъ большей благодарности заслуживаетъ г-нъ Френъ, что, самъ вѣруя въ Скандинавство Варяговъ, не усомнился передать намъ совершенно противоположное мнѣніе — важное свидѣтельство Арабовъ, которымъ сильно подкрѣпляются изысканія Морошкина, Максимовича, Венелина, Святнаго, Савельева и прочихъ писателей, убѣждающихъ насъ въ *Славянскомъ* происхожденіи Варяговъ. — Но вотъ странность, не вполнѣ замѣченная Савельевымъ у Булгарина:

Авторъ «Россіи,» хотя и слѣдуетъ прежнимъ ошибочнымъ мнѣніямъ относительно Варяговъ, (которыхъ признаетъ военными дружинами Скандинавскими, подобно Карамзину), однакожъ весьма основательно утверждаетъ, что Славянскія племена стояли несравненно на высшей степени гражданственности, нежели Скандинавы: «Весьма замѣчательно, что Норманы, которые, по мнѣнію нашихъ историковъ, принесли первые плоды образованности къ *Славянамъ*, не водворили между *Славянами* Русскими вѣры въ своихъ боговъ, не утвердили въ народѣ своихъ миѳовъ: ни божественный *Одинъ*, ни сильный *Торъ* не встрѣчаются въ нашихъ преданіяхъ. Это служитъ доказательствомъ, что *Славяне* были не на низшей степени образованности, ибо первое вліяніе народа просвѣщеннаго на народъ грубый есть всегда религіозное.»—Далѣе, г–нъ Булгаринъ подробно разбираетъ мнѣнія исторіографа объ этомъ предметѣ, показываетъ ихъ неосновательность, и въ заключеніе говоритъ: «изъ описаній Французскихъ историковъ, очевидцевъ ихъ набѣговъ, можно заключить, что Норманны - Скандинавы въ IX вѣкѣ были на весьма низкой степени образованности, и что низшая степень долженствовала уже быть каннибальствомъ (ч. II, с. 306).» Въ этомъ нельзя не согласиться.

—Подумайте жъ сами, долженъ бы сказать критикъ г-ну Булгарину: если въ IX вѣкѣ «Скандинавы находились на такой «низкой степени образованности, что низшая степень долженствовала уже быть каннибальствомъ», то неужели Новгородцы, нуждавшіеся въ *порядкѣ*, призвали бы этихъ дикарей, почти каннибаловъ, *княжить и владѣть*? неужели этимъ варварамъ они сказали бы: «вся земля наша велика и обильна, а *порядка* въ ней нѣтъ». Какой порядокъ былъ въ Скандинавіи? и могли ли бы эти Скандинавскіе варвары водворить гражданскій *порядокъ* въ Новгородѣ?

—По многія слова, занесенныя къ намъ Варягами, явно Скандинавскаго происхожденія, напр. *вира*?

—А припомните нравы нынѣшнихъ Черногорскихъ Сербовъ.

—Что жъ?

—А то, что слово *вира* есть и у нихъ. Булгаринъ, сравнивая обычаи древнихъ и новыхъ Славянъ, писалъ:

Месть была у нихъ священною обязанностью гражданина, и тотъ почитался безчестнымъ, кто не отмстилъ за обиду. *Кровь за кровь* было у нихъ правило, сильнѣе всѣхъ законовъ. Это сохранилось понынѣ у Черногорцевъ, Далматовъ, Босняковъ, особенно у Морлаховъ, и только теперь выводится у Сербовъ. Месть, по Словацки называется *освьта*, и *отмстить* значитъ *освьтитися* или *освятитися*. Даже Христіянская религія не могла истребить у Морлаховъ безчеловѣчнаго предразсудка, что кровь убійцы успокоиваетъ душу или тѣнь убіеннаго. Обязанность брата, друга и сына есть мстить кровью за кровь, за смерть ближняго имъ человѣка. Жена сохраняетъ окровавленную рубаху мужа, чтобъ воспламенить сію дѣтей, когда они прійдутъ въ возрастъ. У Морлаховъ были примѣры, въ наше время, что мститель сберегалъ голову убитаго имъ врага, какъ драгоцѣнность. Но у Черногорцевъ и понынѣ сохранился обычай, что убійца можетъ откупиться деньгами, если хочетъ избѣжать мести. Въ такомъ случаѣ собираются посредники, избранные обѣими сторонами, и улаживаютъ дѣло. Это называется у Черногорцевъ: *послать на виру* (или вѣру). Обычай этотъ перешелъ даже въ древніе письменные Славянскіе законы. Въ Россіи онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *виры*.— Кромѣ платы денежной, виновный долженъ просить прощенія у родственниковъ убитаго, и тогда враги цѣлуются и обиженный говоритъ обидчику: «*Богъ тебя проститъ*!»—Этотъ судъ у Черногорцевъ называется *кровавое коло* (т. е. кровавое собраніе).

—Булгаринъ признаетъ, что этотъ и другіе обычаи Дунайскихъ Славянъ «суть остатки глубочайшей древ-

ности»;- но, потомъ, забывъ это, забывъ собственныя слова свои, что «древніе Славяне *перенимали другъ у друга* всѣ полезныя учрежденія и были въ связяхъ между собою», признаялъ *виру* нововведеніемъ Скандинава-Рюрика (Ч. IV. стр. 216); слѣдственно, принялъ мнѣніе Шлецера и впалъ въ противорѣчіе самому себѣ. Савельевъ основательно предложилъ ему такой вопросъ: «еслибъ это была правда; какимъ же образомъ явился бы этотъ обычай у Дунайскихъ Славянъ? Черногорцы во вѣки вѣковъ не имѣли сношенія съ Скандинавами!... подумайте хорошенько—поневолѣ сознаетесь, что это коренной обычай Славянскій!»

=

PS. Наша бесѣда еще только къ половинѣ, а уже *первое* письмо мое, сверхъ ожиданія вышло огромное. Смиренно прошу прощенія у вашихъ любознательныхъ читателей, и обѣщаю въ слѣдующихъ письмахъ исправиться

А. АЛЕКСАНДРОВЪ.

Письма къ издателю «Маяка»

о

литературной жизни Москвы

и

сужденіяхъ Москвичей

о трудахъ М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Ѳ. Л. Морошкина, Ѳ. В. Булгарина, Г. Буткова, И. В. Савельева и А. Д. Черткова.

Письмо 2.

Была пора: чужимъ умомъ
Жила Россія молодая;
Но совершился переломъ—
Теперь пришла чреда иная,
И дума Русская, живая,
Германскій мусоръ пробивая
Вдругъ свѣтлымъ брызнула ключемъ.....

Черезъ нѣсколько дней мы собрались опять всѣ, у почтеннаго Г.** на литературный вечеръ. Мало по малу бесѣда склонилась на предметъ, занимающій привѣтливаго хозяина—заговорили опять объ отечественныхъ древностяхъ и о степени участія, какое принимаютъ ученые, намъ современные, въ разработкѣ важнѣйшихъ вопросовъ относительно первыхъ вѣковъ историческаго

Россіи бытія. По прежнему, стали перебирать труды писателей историческихъ, обращая особенное вниманіе на то, какъ твердо *логическое построеніе* мыслей у «сочинителей» Скандинавскаго происхожденія Руси, и у защитниковъ старобытности Руссовъ (какъ Славянъ) въ предѣлахъ нашего отечества.

—А почему же, спросилъ юноша-поэтъ, окончившій курсъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній сѣверной столицы,—почему же вы не скажете своего мнѣнія о трудахъ Николая Герасимовича Устрялова?

—Я очень уважаю,- сказалъ хозяинъ,- полезныя книги, изданныя вашимъ профессоромъ: мастеръ издавать книги! Я помню какъ онъ печаталъ переводъ своего брата: «Состояніе Россійской Державы» Маржерета — преполезная книга! Потомъ онъ издалъ переводы, сдѣланные для покойнаго исторіографа, двухъ весьма важныхъ рукописей: одну Карамзинъ по ошибкѣ (какъ теперь обнаружилось) назвалъ лѣтописью Бера — подъ этимъ именемъ она напечатана и у господина Устрялова въ «Сказаніяхъ современниковъ о Димитріи Самозванцѣ»:—какъ же не благодарить за все это Николая Герасимовича? Ну, а записки Пасрле? Онѣ хотя и не такъ важны, но все же довольно замѣчательны. Не издай ихъ Устряловъ, онѣ могли бы совсѣмъ утратиться, ибо подлинникъ донынѣ еще не изданъ, и переводъ былъ дѣланъ для Карамзина съ рукописи, находящейся въ Германіи. Спасибо, великое спасибо господину Устрялову за то, что пріобрѣлъ и напечаталъ все это!

—Тамъ есть еще дневникъ Маскѣвича!

—Онъ былъ переведенъ въ «Сѣверномъ Архивѣ» у Булгарина: вотъ былъ полезный журналъ! какъ жаль, что прекратился!

—Да, сказалъ хозяинъ; но господинъ Устряловъ исправилъ этотъ переводъ. Да мало ли что онъ издалъ? и всѣ изданія какъ удивительно красивы! на примѣръ, «Сказанія Князя Курбскаго;»—согласенъ, критика историческая не разъяснила *степень достовѣрности*, какую можно имѣть къ разсказамъ Князя Курбскаго; но вѣдь Устряловъ и не обѣщалъ того: хотите исторической критики—читайте разсужденія о Грозномъ въ «Вѣстникѣ Европы» (Арцыбышева), въ «Сынѣ Отечества» (Н.

В. Савельева). Посмотрите, какъ искусно въ «Сынѣ Отечества» (1842, No. I) Н. В. Савельевъ разсмотрѣлъ дѣло о двоюродномъ братѣ Грознаго! сколько споровъ породило оно въ «Маякѣ,» въ «Москвитянинѣ!» Даже самъ Полевой въ «Русскомъ Вѣстникѣ» восхищался этою статьею своего противника, котораго такъ знаетъ по послѣдованію о Димитріи Донскомъ, Первоначальникѣ Русской славы.... Но обращаюсь къ Николаю Герасимовичу: высшая историческая критика не его предметъ —онъ за нее и не брался; его дѣло было—издать, напечатать книгу, и онъ отлично исполнилъ это—даже присоединилъ кое-какія замѣтки, очень полезныя, изъ примѣчаній къ исторіи Карамзина; а ко второму изданію нѣсколько новыхъ актовъ, отысканныхъ въ Литовской метрикѣ. Если бъ у насъ было такихъ почтенныхъ издателей поболѣе, Русская Исторія пріобрѣла бы множество преполезныхъ матеріяловъ!

—Но что же вы ничего не скажете о собственныхъ сочиненіяхъ Николая Герасимовича Устрялова?

—Изъ уваженія къ полезной дѣятельности его, какъ *издателя*, я уже молчу о его *сочиненіяхъ*....

—Но его «Русская Исторія» для студентовъ.

—Она хороша... для студентовъ; а знатоки дѣла скажутъ вамъ совсѣмъ другое. Прочтите «Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду» 1837 года: тамъ *доказано* было, что въ книгѣ этой довольно фактовъ несправедливыхъ, сужденій неосновательныхъ и даже противорѣчій; почтенный г. Устряловъ, конечно, не обидѣлся откровеннымъ отзывомъ, подкрѣпленнымъ *доказательствами*, противъ которыхъ онъ не нашелъ въ защиту себѣ сказать ни слова....

—А его разыскапіе о Литвѣ?

—Сенковскій, еще въ двадцатыхъ годахъ, утверждалъ то же самое; но такъ какъ за Литовскую Исторію принялся уже другой ученый, Иванъ Петровичъ Борщевскій, то разумѣется, Устряловъ благоразумно сдѣлалъ, оставивъ Литву и обративъ свою дѣятельность на другіе предметы...

—Ну, а его «Именитые люди Строгановы»?

—Объ этомъ произведеніи также надобно молчать изъ уваженія къ издателю: Погодинъ въ «Москвитянинѣ» и Бычковъ въ «Маякѣ» (1843) прекрасно показали ошибочность главной мысли, которую провозгласилъ

Устрялова: будто бы Строгановы были не купцы, а *можетъ быть* нѣчто въ родѣ *феодальныхъ барoновъ*.

Такимъ образомъ,—сказалъ я,—ошибаясь въ главномъ, Николай Герасимовичъ и тутъ не измѣнилъ своему направленію: смотрите на его произведеніе только какъ на *книгу*—бумага отличная, буквы прекрасныя, картинки чудесныя.... словомъ, какъ *издатель*, Устряловъ и тутъ заслуживаетъ безусловной хвалы.

—Ваша правда, замѣтилъ одинъ изъ гостей: профессоръ Устряловъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ, и если возмется напечатать какую нибудь книгу, такъ ужъ исполнитъ свое дѣло мастерски. Ну, а для исторической критики у насъ есть другіе писатели; пусть каждый дѣлаетъ *свое дѣло*, къ которому призванъ: общество отъ того будетъ въ выигрышѣ.

—Вы говорите сущую истину, сказалъ хозяинъ: пусть П. Г. Устряловъ, отыскавъ разные переводы и старинные акты, издаетъ ихъ изящно, со вкусомъ; пусть М. П. Погодинъ собираетъ матеріалы, и поощряетъ молодыхъ людей въ «Москвитянинѣ»; пусть Ѳ. Л. Морошкинъ, П. Г. Бутковъ, Н. В. Савельевъ и другіе знатоки—историческою критикою разъясняютъ матеріалы, собранные и напечатанные другими: вамъ что за дѣло!—говорите одинъ «спасибо» за издержки, употребленныя на *печатаніе* книги, другимъ за *труды историческіе*, которыми разъясняется наша древность, съ отдаленнѣйшей эпохи бытія Русскаго народа до самыхъ временъ Петра Великаго.

—Но стóитъ ли хлопотать много о древности? не напрасные ль труды предприняли Морошкинъ, Савельевъ и другіе — разъяснять отдаленнѣйшую эпоху Русскаго народа? Чѣмъ тогда была наша земля? дикою пустынею, которую надобно было еще только животворить! Такъ признали всѣ послѣдовавшіе за Карамзинымъ писатели, сказалъ одинъ юноша-поэтъ.

—Да кто же эти *всѣ*? Сочинитель «Исторіи Русскаго народа»? но его мнѣніе имѣетъ ли какой нибудь вѣсъ въ исторической литературѣ?.... Михаилъ Петровичъ Погодинъ? но онъ уже на-половину отказался отъ подобныхъ мнѣній..... Петръ Григорьевичъ Бутковъ? но онъ уже рѣшительно присталъ, въ семъ отношеніи, къ Славянской шко-

лѣ, и ревностно защищаетъ значительную степень гражданской образованности нашихъ предковъ.... Кто же еще? развѣ укажете намъ еще на Погодинскаго сотрудника, г-на Куника, сочиняющаго по-нѣмецки; но его книжечка, наскоро снятая изъ всѣхъ прежнихъ диссертацій, защищавшихъ миимо-Скандинавское происхожденіе Руси, можетъ ли пользоваться авторитетомъ? Издатель «Маяка» до очевидности разоблачилъ степень *логической твердости историческихъ свѣденій* молодаго *сочинителя*, трактующаго высокимъ слогомъ, на Нѣмецкомъ *діалектѣ*, о томъ: *«чьего духа сыны были* Варяги» (Маякъ. 1844, Августъ, т. XVI, гл. IV, стр. 55—59), и проглядѣвшаго сквозь темную тучу философскихъ умозрѣній — ясное и опредѣленное свидѣтельство Арабовъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ».... Ну, такъ, повторяю: *кто* же противъ? Погодинъ и Куникъ! двое!.... А въ защиту *сколько?* Бутковъ, Макаровъ, Морошкинъ, Вельтманъ, Савельевъ, Святный, и даже Булгаринъ. Послушайте, *я* Максимовичъ, Венелинъ, прочту вамъ нѣсколько отмѣченныхъ мною мѣстъ изъ его «Россіи»; онъ судитъ о степени гражданственности нашихъ предковъ — очень благоразумно, основательно и справедливо:

Большая часть законовъ, составляющихъ Правду Русскую, собранную при Ярославѣ и сыновьяхъ его (между 1016 и 1020 годами) существовали *прежде*, ибо въ Новгородѣ было народное правленіе, котораго отличительная черта есть управленіе по закону, утвержденному народомъ на вѣчѣ. Самъ Ярославъ созывалъ вѣче прежде изданія Русской Правды, когда просилъ помощи у народа противу брата своего Святополка. Въ Правдѣ Русской есть много статей, касающихся единственно до внутренняго управленія Новагорода и его области, а это доказываетъ, что тѣ статьи были древняя принадлежность Новгорода, и только для полноты законодательства внесены въ общее законоположеніе земли Русской. Основаніе Русской Правды есть Славянское, точно такъ же, какъ и основаніе Кормчей книги (законовъ церковныхъ) есть восточное каѳолическое.....

Хотя древнѣйшіе наши законы (Правда Русская) собраны и списаны почти чрезъ двѣсти лѣтъ по утвержденіи Рюрикова владычества, но, *большая часть этихъ законовъ существовала гораздо прежде.* Въ Правдѣ Русской есть такіе законы, которые существомъ самаго предмета доказываютъ свою древность и мѣстность. У Русскихъ Славянъ, какъ намъ уже извѣстно, были города и области до пришествія Варяговъ: Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Черниговъ и множество другихъ. Люди, живущіе въ

городахъ и производящіе торговлю, не могутъ быть безъ законовъ и безъ письменъ или условныхъ знаковъ для начертанія того, что должно служить правиломъ для всѣхъ гражданъ. Слѣдовательно, по естественному ходу дѣлъ въ родѣ человѣческомъ, Русскіе Славяне до пришествія Варяговъ имѣли свои законы, по главнымъ отдѣленіямъ законодательства, т. е. 1. Въ отношеніи къ личной безопасности каждаго гражданина. 2. Касательно правъ собственности. 3. Относительно правъ сословій и 4. Предписаніе формъ судопроизводства. — Безъ этого не могло бы существовать никакое общество. — Въ Правдѣ Русской мы находимъ, по всѣмъ этимъ предметамъ, признаки *самостоятельнаго, кореннаго законодательства*, котораго не могли составить Норманы, потому что оно отзывается духомъ нашего племени и сверхъ того, существовало и даже по нынѣ существуетъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ (·).....

Нынѣшняя Россія, населенная *многочисленными* Славянскими племенами, *производила обширную торговлю* съ четырехъ сторонъ, или четырьмя торговыми путями, чрезъ посредство Славянскихъ и инородческихъ купцовъ: (1 торговый путь былъ по Волгѣ, въ Каспійское море; 2-й по Днѣпру въ Черное море; 3-й, Сѣверный; 4-й по Балтійскому морю). Купецъ былъ городской торговецъ, а гость торгующій по чужимъ городамъ, т. е. разъѣзжающій по рѣкамъ и дорогамъ, и остающійся въ городѣ до тѣхъ поръ, пока не продастъ товара. Какъ города могутъ держаться только одною торговлею, то множество городовъ въ древней Руси, доказываетъ обширное ея развитіе. Знаменитѣйшіе города Славянскіе, Кіевъ и Новгородъ, столицы двухъ главныхъ союзовъ, были важнѣйшими торговыми мѣстами. Торговали въ старину не иначе, какъ караванами или флотиліями, потому что въ тогдашнее время не было безопасности ни на сушѣ, ни на водахъ; купцы и ихъ люди шли на торговлю, какъ на войну, вооруженные. Гости т. е. странствующіе купцы, пользовались большимъ уваженіемъ и у своихъ и у чужихъ племенъ.....

Русская исторія начинается *мореходствомъ* и *судоходствомъ* Славянъ. Они пошли за море, приглашать Рюрика на княженіе. Наслѣдникъ Рюрика, Олегъ, собравъ войско изъ Варяговъ, Чуди, Новгородцевъ, Мери, Веси и Кривичей, отправился, по Днѣпру, въ Кіевъ. Оскольдъ и Диръ ходили прежде изъ устья Днѣпра къ Константинополю по Черному морю, а послѣ ихъ ходили, тѣмъ же путемъ, Олегъ и Игорь; слѣдовательно, мореходство и судоходство было уже *въ полномъ развитіи* (по тогдашнему времени) у Русскихъ Славянъ. Кругъ весьма справедливо замѣчаетъ, что изъ словъ Олега людямъ Оскольда и Ди-

(·) Слѣды древнихъ обычаевъ, внесенныхъ въ Правду Русскую, сохраняются не только въ писанныхъ законахъ: въ Статутѣ Литовскомъ, въ Правахъ Чехскихъ краля Вацлава, въ Статутѣ Виленскомъ и т. п., но даже въ обычаяхъ крестьянъ Бѣлорусскихъ и губерній Западно-россійскихъ: въ отношеніи наслѣдства, касательно вдовъ и т. п.

ра, должно заключить, что Русскіе Славяне ходили и прежде моремъ въ Константинополь: разумѣется, что если бъ путешествіе въ Грецію было дѣло необыкновенное и рѣдкое, то Олегъ не сталъ бы говорить объ этомъ, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ правителяхъ Кіева. Изъ этихъ же словъ Олега видно, что для торговли ходили не иначе, какъ флотиліями и вооруженные, потому что Кіевляне почли дружину Олега гостями, ибо Оскольдъ и Диръ пришли на берегъ, не подозрѣвая измѣны.

Константинъ Багрянородный, говоря о семи Русскихъ судахъ, находившихся въ Греческомъ флотѣ (въ 935 году), называетъ ихъ Карабіа, Карабосъ. Очевидно, что это Русское слово *корабль*. Вѣроятно, древніе корабли Новгородскіе строились почти такъ же, какъ нынѣшнія суда Русскія, называемыя ладьями, для плаванія по Чудскому озеру; онѣ походятъ на раковину, съ развальными боками, и сжаты къ концамъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ полукруглую крышу, изъ досокъ, для охраненія товара отъ дождя. Ладьи эти почти такой же величины, какъ Голландскіе корабли, ходятъ по бурному озеру и по рѣкамъ, имѣющимъ не болѣе трехъ саженъ глубины. Архангелогородскія суда могли уже усовершенствоваться, отъ подражанія чужеземнымъ кораблямъ; но на Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ, дѣло ведется по-старинѣ, ибо Русскіе крестьяне не любятъ нововведеній, когда они не приносятъ очевидной пользы. На ладьѣ, употребляемой для плаванія по Чудскому озеру, можно смѣло идти въ море, разумѣется не отдаляясь слишкомъ отъ береговъ, какъ дѣлали предки наши Славяне, равно какъ и Норманы.

Греки разсказываютъ чудеса о *смѣлости* Русскихъ Славянъ, на морѣ. Въ XVII и XVIII вѣкахъ, мы видѣли Запорожскихъ казаковъ, которые на ладьяхъ, съ выдолбленнымъ дномъ и съ плетеными бортами, или съ привязанными связками камыша и вѣтвей къ бокамъ судна, ходили чрезъ Черное море изъ устья Днѣпра въ Трапезунтъ и къ берегамъ Анатоліи (*). Новгородцы пускались по Ледовитому морю къ устью рѣки Оби на своихъ ладьяхъ. И въ наше время Русскій мореходъ (**) удивилъ всѣхъ моряковъ Европейскихъ, прибывъ на ладьѣ изъ Архангельска въ Петербургъ.

Изъ лѣтописей видно, что народъ *крѣпко держался старины*, а въ то время не такъ легко было заставить разсѣянныя племена пуститься на опасную стихію и научить людей мореходству, когда каждый воинъ долженствовалъ быть искуснымъ гребцомъ, умѣть плавать, управлять парусами и рулемъ, сражаться въ ладьяхъ и даже строить ихъ. Всему этому не выучили бы Варяги Русскихъ Славянъ, прежде двухъ или трехъ

(*) Описаніе Украйны *Боплана* и современныя Польскія сочиненія.—Замѣтимъ, что Запорожскіе козаки, до конца—почти XVIII вѣка, называли себя также Козарами, см. Жур. Мин. Народ. Просв. Іюнь, 1838.

(**) Пашинъ.

поколѣній, а между тѣмъ Оскольдъ, Диръ, Олегъ и Игорь по первому призыву находятъ охотниковъ идти въ море. Разсказъ о переходѣ Олега сухимъ путемъ, на судахъ, подъ парусами, не долженъ удивлять насъ: вѣроятно, суда поставлены были на катки и перетаскиваемы волами, (какъ нынѣ дѣлается на волокѣ изъ Волги въ Донъ) или людьми; при сильномъ вѣтрѣ Олегъ, можетъ быть, велѣлъ поставить паруса. Въ наше время выдуманы въ Англіи повозки, съ парусами. Перетаскиваніе судовъ по волокамъ было издревле употребляемо всѣми народами, но употребленіе парусовъ при этомъ, вѣроятно была новость, замѣченная лѣтописцами.

Не изъ ложнаго патріотизма, но *по убѣжденію* утверждаемъ мы, что *Русскіе Славяне знали мореходство и судоходство столько же, какъ и сами Скандинавы*, и что *Славяне*, какъ Поморскіе такъ и Русскіе, *не научились отъ нихъ ни мореходству, ни судостроенію*: по этимъ предметамъ у Архангелогородцевъ и другихъ приморскихъ жителей, существуютъ понынѣ *всѣ техническія выраженія, коренныя Славянскія*, для названія всѣхъ снастей, всѣхъ движеній судна, всѣхъ работъ на немъ и даже главныхъ вѣтровъ (·). Если бъ Петръ Великій захотѣлъ создать *свой морской языкъ*, то ему не надобно было занимать много словъ у Голландцевъ и Англичанъ, а надлежало бы только ввести въ морской словарь тѣ слова, которыя употреблялись у нашихъ предковъ.

Мѣстоположеніе края опредѣлило преимущественный образъ войны. Русскіе Славяне, жившіе въ IX вѣкѣ, между лѣсами и болотами, въ странѣ, орошаемой множествомъ рѣкъ и озеръ, примыкая къ морю, были отъ природы пѣшіе воины и мореходы.

Нашъ Несторъ, подобно всѣмъ лѣтописателямъ своего времени, говоря о язычникахъ, изобразилъ ихъ мрачными красками, и только соплеменниковъ своихъ, Полянъ Кіевскихъ исключилъ изъ общаго разряда. Нѣтъ сомнѣнія, что Новгородскіе Славяне, часть Кривичей, Поляне и вообще племена, жившія по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, были въ то время *гораздо образованнѣе нежели предполагаютъ*, основываясь на словахъ пр Нестора. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Бѣлоруссы и жители западныхъ губерній (т. е. простолюдины губерній Минской и Гродненской) были даже *богаче*, нежели нынѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, *смышленѣе*. Польское и Литовское владычество свело ихъ на послѣднюю ступень образованности: Великороссіянинъ въ сравненіи съ ними кажется теперь человѣкомъ другаго, высшаго племени. Доказательствомъ, что торговыя племена были не дикари, служатъ предметы роскоши, вывозившіеся въ тогдашнюю Россію изъ Константинополя и съ Востока; *образованность*—родная сестра *торговли*. Разумѣется, что тогдашней образованности мы не смѣшиваемъ съ нынѣшнимъ просвѣще-

(·) Чего не достаетъ въ живомъ языкѣ, то сохранилось въ лѣтописяхъ.

нѣмъ, и что тогдашняя образованность весьма далека была отъ нынѣшней. Однакожъ народъ, въ которомъ жены украшались золотыми издѣліями и жемчугомъ: народъ, вымѣнивавшій парчу, шелковыя и бумажныя ткани, виноградныя вина, нѣжные плоды юга и пряности; *этотъ народъ* хотя могъ быть непросвѣщенъ и грубъ, но *не былъ уже дикъ*, и зналъ гражданственность. Въ торговлѣ надлежало вести счеты и распредѣлять время, сообразно лѣтосчисленію другихъ народовъ, слѣдовательно, торговыя племена имѣли *свою Ариѳметику* и *Календарь*. Первое доказывается кореннымн Славянскими названіями извѣстныхъ чиселъ (·), мѣръ и вѣса (··); второе, кореннымн названіями мѣсяцевъ и дней въ недѣлѣ (···).—Сверхъ того, торговля, ведущая за собою довольство, должна была породить и поддерживать нѣкоторыя *ремесла*, какъ то: кузнечное и плотничное дѣло, скорнячество и т. п. Искусство *крашенья холста*, а можетъ быть и домашняго сукна, должно быть весьма древнее, ибо по имени нашей Русской кошенили, *червца*, названъ мѣсяцъ. Простолюдины въ Бѣлоруссіи и въ западныхъ губерніяхъ (т. е. Кривичи), находящіеся нынѣ на гораздо низшей степени образованности, нежели Великороссіяне, умѣютъ составлять главныя краски для домашняго обихода; а до присоединенія этихъ губерній къ Россіи, жители того края добывали *желѣзную руду* изъ своихъ болотъ, и дѣлали желѣзо. Необыкновенная простота и неискусство въ выдѣлкѣ металла и въ производствѣ работъ, можетъ послужить доказательствомъ того, что ремесла перешли къ простолюдинамъ по преданіямъ, отъ праотцевъ.—Мы не знаемъ, гдѣ Славяне добывали мѣдь, но видимъ, что они имѣли котлы, для варенія пива, о которыхъ упоминается въ древнѣйшихъ нашихъ сказкахъ.— Русскіе Славяне, подобно всѣмъ сѣвернымъ народамъ, по-видимому, не знали искусства выдѣлывать кирпичъ (····); они строили домы и общественныя зданія изъ дерева. Изъ дикаго камня и изъ плитняка Славяне и сосѣди ихъ, Чудь и Литва

(·) *Славяне* считали только до ста тысячъ.—У западныхъ *Славянъ*, послѣ каждыхъ ста тысячъ, прибавляется слово *кроць*, то же, что наше *кратъ* (напримѣръ, много-кратъ) пѣнць-*кроць* сто тысѣнны (по-польски) т. е. пять *кратъ* (или пять разъ) сто тысячъ и т. д. Вѣроятно, *милiонъ* называли: десять *кратъ* сто тысячъ.—*Тма* значило десять тысячъ. *Копа* пятьдесятъ.

(··) Кореоъ, лукно. кадь, четверикъ, локоть, верста и т. п.

(···) См. любопытное изслѣдованіе объ этомъ предметѣ П. П. Боричевскаго въ «Маякѣ» 1841, Ч. XIII.

(····) Можетъ ли это быть, когда вся Русь искони славилась умѣньемъ дѣлать глиняную посуду? а горшки обжигать, похитрѣе—кирпичей! горчешные своды издавна были извѣстны на югѣ Россіи. Изъ чего же клали Русскія печи, столь необходимыя по климату. Вѣдь нужда — великій учитель! а нашъ климатъ въ древности былъ еще суровѣе нынѣшняго.

или Латыши, складывали только ограды или городскія стѣны, не употребляя при этомъ извести, но набивая промежутки между камнями деревомъ и землей.—Кажется, что Нѣмецкое слово *штейнъ* (stein) и Славянское *стѣна*, происходятъ отъ одного корня, въ глубочайшей древности. Но большая часть Славянскихъ городовъ, въ первую эпоху, обнесены были деревянными стѣнами, или срубами, и частоколомъ.—Извѣстно, что въ Нѣмецкой Германіи (между Рейномъ и Везеромъ) не было городовъ, до временъ Карла Великаго, когда во всѣхъ Славянскихъ земляхъ были уже *значительные торговые и укрѣпленные города*. Весьма замѣчательно, что почти всѣ древніе Славянскіе города построены на возвышеніяхъ, на горахъ и холмахъ, а древніе Нѣмецкіе города строились въ долинахъ, у подножія горъ, въ котлищахъ (in Kessеln). Это историческій памятникъ цѣли постройки городовъ, у обоихъ народовъ, и слѣды гражданскаго ихъ состоянія. Карлъ Великій и его наслѣдники начали строить города для того, чтобъ собрать народъ въ большихъ массахъ, въ одно мѣсто; для удобнѣйшаго имъ управленія, и для содержанія народа въ послушаніи, строились на возвышеніи, надъ городомъ, замки или бурги, гдѣ обитали графы или феодалы съ своею стражей. Славяне, напротивъ того, строили города для защиты собственной независимости, и потому выбирали тѣ мѣста, которыя въ Германіи принадлежали правителямъ народа.

—И такъ, сами теперь видите, что предки наши были *не дикари* Савельевъ правду говорилъ: «народъ промышленный и торговый, естественно, долженъ былъ знать искусство письменъ. Этотъ логическій выводъ совершенно подкрѣпленъ недавними открытіями академика Френа, которыя убѣдили всѣхъ, что наша Славянская Русь имѣла въ древности *свои* письмена, не похожія ни на сѣверныя руны, ни на глаголическую, ни на кирилловскую азбуку. Образецъ этихъ *Русскихъ* письменъ, сохраненный Арабомъ Недимомъ, относится къ 987 году по Р. Х., слѣдовательно, къ правленію Святослава; и такъ, съ достовѣрностью можно полагать, что наши древнія письмена вышли изъ употребленія послѣ окончательнаго принятія Христіанства Русскою землею при Владимірѣ, когда съ принятіемъ Болгарскихъ переводовъ Священнаго Писанія вошла въ употребленіе и азбука Болгарская, употребленная Кирилломъ и Меѳодіемъ. — Въ Красной Руси, въ Разгорчѣ, Трухановѣ, Верхнемъ Синеводскѣ и другихъ мѣстахъ Галиціи, сохранились подобныя же надписи (·); но ключь къ древнимъ Русскимъ

(·) Москов. Наблюдатель, 1836, Ч. VII. стр. 298.

письменамъ утраченъ, и мы смотримъ на нихъ, какъ на египетскіе іероглифы, не постигая ихъ значенія.»

—Судя по тѣмъ отрывкамъ, которые мы слышали, нынѣшній и прежній вечеръ, представители Славянской школы совсѣмъ не такіе съумасшедшіе люди, какими усиливалась ихъ представить «Сѣверная Пчела.»

—Кажется. Но загляните въ «Сѣверную Пчелу» 1844 года, No. 222: если повѣрить автору «Журнальной всякой всячины», то нѣтъ нелѣпицы, которой бы не утверждали защитники Славянскаго направленія.

—Я не читалъ этого нумера,—сказалъ мой товарищъ, и думаю, что подобныя выходки сдѣланы не самими издателями, которымъ Славянство не должно быть чуждо, но какимъ либо малосвѣдущимъ сотрудникомъ, а они только изъ снисхожденія помѣстили такую статейку.... Редакторы очень лестно изъявили *свое* мнѣніе о трудахъ «Малка» по Славянской Исторіи; если угодно, я могу вамъ отыскать въ «Сѣверной Пчелѣ» безпристрастный отзывъ Ѳ. В. Булгарина о трудахъ Н. В. Савельева.

—Очень обяжете! сказали многіе. — Сдѣлайте одолженіе!

—Въ которомъ году это было? спросилъ хозяинъ.

—Въ 1840 году, въ разборѣ «Малка». Прикажите принесть «Сѣверную Пчелу», я мигомъ отыщу эту статейку, написанную авторомъ «Россіи».

Принесли «Сѣверную Пчелу» 1840 года; скоро, мой товарищъ нашелъ *исколюе*, и торжественно развернувъ страницу 354 (*№* 89, Апрѣля 23 го), началъ читать:

«Статья г-на Савельева доказываетъ, что *авторъ серіозно занимается предметомъ*, и имѣетъ въ Исторіи *отличныя свѣдѣнія*. Въ этомъ первомъ отдѣленіи своего труда, авторъ болѣе основывается на мнѣніи знаменитаго Славянскаго ученаго, Шафарика, который хотя и объявлялъ прежде, что не должно вполнѣ довѣрять всѣмъ показаніямъ Грековъ и Латиновъ о Славянахъ, но, для избѣжанія упрека Нѣмецкихъ ученыхъ, самъ, большею частью, основался на показаніяхъ Грековъ и Римлянъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Славянскія Древности.» Мы уже говорили (см. «Россія») о томъ, съ какою осторожностью должно принимать мнѣнія древнихъ объ этомъ предметѣ, потому что въ нихъ находятся противоположныя показанія, и что, говоря о древнихъ Славянахъ, надобно искать слѣдовъ ихъ существованія въ извѣстіяхъ о народахъ, съ которыми древніе писатели смѣшивали, несправедливо, Сла-

вянъ. Все это доказано нами въ нашемъ сочиненіи «Россія,» и мы съ удовольствіемъ видимъ, что г-нъ Савельевъ, *съ величайшею осторожностью принимаетъ показанія древнихъ*, и смотритъ на предметы Славянскими глазами. Вообще, это прекрасная статья, дѣлающая честь автору. Жаль только, что гг. редакторы, безъ всякой причины, лишили ученую статью ссылокъ, и тѣмъ отняли у нея часть ея силы и важности; въ ученыхъ статьяхъ ссылки необходимы, и ученое отдѣленіе «Маяка» не должно лишать себя, добровольно, ученой важности и достовѣрности. Просимъ г-на Савельева продолжать свой *прекрасный трудъ*.»

—Вотъ какъ отзывался Ѳаддей Венедиктовичъ о Савельевѣ,—сказалъ торжественно мой пріятель. Авторъ «Россіи» призналъ, что Николай Васильевичъ *серіозно занимается предметомъ*, имѣетъ въ Исторіи *отличныя свѣдѣнія*, съ *величайшею осторожностью* принимаетъ показанія древнихъ и *смотритъ* на предметы *Славянскими глазами*; что *прекрасныя статьи* Савельева приносятъ *честь автору*, и что необходимо *продолжать* этотъ *прекрасный трудъ*. — Чего же вамъ болѣе? Сѣтованіе на редакторовъ было справедливо, и за-то послѣдующія статьи Савельева помѣщены въ «Маякѣ» со всѣми цитатами; слѣдственно, редакція «Маяка» съ своей стороны признала требованіе Булгарина справедливымъ и по возможности старалась исполнить ихъ на самомъ дѣлѣ. Кто же, послѣ этого, осмѣлится упрекать автора «Россіи» въ неблаговоленіи къ благороднымъ усиліямъ молодыхъ ученыхъ—возсоздать *героическій* періодъ бытія Русскаго народа, котораго повелители владычествовали отъ Ледовитаго моря и Бѣлаго до Синяго или Адріатическаго...

—Это изумительно, сказалъ хозяинъ. Отозвавшись въ 1840-мъ году такъ *справедливо* о характерѣ занятій Н. В. Савельева, послѣ просьбъ *продолжать* такой *прекрасный трудъ*, тотъ же самый Ѳаддей Венедиктовичъ въ 1844 году пишетъ о томъ же самомъ «прекрасномъ трудѣ» уже совершенно противное.

Онъ развернулъ «Сѣверную Пчелу» 1844 года, 30 Сентября, N 222, стр. 885, и началъ читать:

Надъ Европой всегда носятся какія нибудь идеи, или въ видѣ грозныхъ тучъ, или въ видѣ свѣтозарнаго облака, а весьма часто изъ различныхъ идей, старыхъ и новыхъ, составляют-

ся *миражи* (·). Эти-то *миражи* всего чаще воспламеняютъ юношество и доводятъ иногда и зрѣлыхъ людей до высшей степени энтузіазма и даже фанатизма. Вотъ теперь появился обольстительный *миражъ* и на Славянскомъ горизонтѣ, и породилъ въ умахъ ученыхъ Славянскихъ западныхъ и югозападныхъ племенъ идею странную (idée baroque) и даже, позвольте сказать, смѣшную: идею *панславянизма*, т. е. общности Славянскаго міра! Есть на земномъ шарѣ народы Германскаго, Цельтическаго, Пелазгическаго, Аравійскаго, Монгольскаго, Кавказскаго *или Индійскаго* (?), Малайскаго племени, но было бы не только странно, даже смѣшно, если бъ *Греки и Италіянцы*, Французы (Франки) и Баварцы, Саксонцы и Англичане хотѣли называться земляками и родичами потому только, что они за тысячи лѣтъ предъ симъ составляли *одно племя*!

—Позвольте васъ остановить, сказалъ одинъ посѣтитель: неужели Булгаринъ не шутя думаетъ, вопреки мнѣнію Сенковскаго и другихъ новѣйшихъ оріенталистовъ, будто бы изъ *Индіи* вышли народы Кавказскаго племени? неужели онъ воображаетъ, что Греки и Итальянцы въ древности составляли *одно* племя? неужели ему неизвѣстно, что Греческій языкъ и древній Итальянскій (Латинскій) совершенно различны? а если языки различны, то и народы, ими говорившіе, также различны....

Всѣхъ народовъ Славянскаго племени считаютъ приблизительно до шестидесяти шести съ половиною милліоновъ, но, извините, господа *панславянисты*, Боснякъ, Вендъ, Сорабъ, и проч., не земляки мнѣ, а если съ родни, то уже не *седьмая вода на киселѣ*, какъ твердитъ Русская пословица, а милліонная водица, и кровное родство между нами давно исчезло. Братья мои, земляки и родичи—это сорокъ пять милліоновъ Русскихъ Славянскаго племени и около двадцати милліоновъ Русскихъ разныхъ племенъ, Нѣмецкаго, Монгольскаго, Финскаго и прочихъ племенъ, составляющихъ *Русское Государство*.

—Позвольте опять перервать васъ, сказалъ тотъ же. То, что́ вы сію минуту прочли, доказываетъ, что Булгаринъ остановился на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми угощалъ публику въ своей «Россіи», и ни на шагъ не подвинулся впередъ. Онъ пишетъ, что «народовъ Славянскаго племени считаютъ приблизительно до 66½ милліоновъ.»—значитъ, ему не извѣстенъ новый славный

(·) «Mirage, феноменъ, происходящій отъ отраженія свѣта, представляющій на горизонтѣ предметы *не существующіе*.» См. Французско-Русскій Словарь Эртеля. (*Ѳ. Б.*)

трудъ Шафарика: «Славянское Народописаніе,» переведенное на Русскій языкъ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ, помѣщенное цѣликомъ въ «Москвитянинѣ» и потомъ изданное отдѣльно въ прошломъ 1843 году. По *новѣйшимъ* свѣдѣніямъ, оффиціальнымъ и частнымъ, Шафарикъ насчелъ не «шестьдесятъ шесть», но безъ малаго «семьдесятъ девять» милліоновъ: бездѣлица—ошибочка въ *тринадцать милліоновъ*.

—Это можно сей часъ узнать, сказалъ хозяинъ; досталъ «Славянское Народописаніе» въ Русскомъ переводѣ, развернулъ 140 и 141 стр. и началъ читать: «Русскихъ Славянъ 53, 502,000, въ Ракусіи (Австріи) 16,791,000 Славянъ, въ Пруссіи 2,108,000, въ Турціи 6,100,000, въ Краковѣ 60,000; всѣхъ вообще: 78,691,000.»

—А извѣстна ли вамъ рецензія Чешскаго подлинника Шафариковой книги, помѣщенная профессоромъ Срезневскимъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1843, No 4)? Срезневскій совершилъ самъ путешествіе по Славянскимъ землямъ и, не соглашаясь въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ съ Шафарикомъ относительно распредѣленія племенъ по нарѣчіямъ, полагаетъ число всѣхъ Славянъ въ Европѣ всего около 80,000,000: треть народонаселенія цѣлой Европы! — Значитъ, Болгаринъ не читалъ ни книги Шафарика, которымъ восхищается, ни статьи профессора Срезневскаго, лично обозрѣвшаго Славянскія земли.

—Слѣдственно, авторъ «Россіи» *ничего новаго* не знаетъ; слѣдственно, онъ уже *почилъ* на *своихъ* лаврахъ, относительно изученія Славянства, и почиваетъ спокойнымъ сномъ невѣдѣнія современныхъ свѣдѣній.

—Ну, не льзя сказать, чтобы *спокойнымъ* сномъ—ему во снѣ грезятся удивительнѣйшія чудеса, и онъ объ нихъ извѣщаетъ въ «Сѣверной Пчелѣ.»

—На примѣръ?

—А вотъ, вы сами сейчасъ слышали, что родство измѣряется разстояніемъ мѣста, и Босякъ, Словенецъ (понѣмецки Вендъ), Сорабъ (при-Балтійскій Сербъ) и прочіе Славяне уже не родня Русскимъ Славянамъ, и хотя ихъ *языки, донынѣ еще сходные*, доказываютъ *родство племенное*, однакожь, для Болгарина, это «кровное родство «уже» *давно* исчезло.»

—Почему же?

—Булгаринъ не говоритъ причины. Вообще, *доказывать* онъ не любитъ; это не по его части: «довольно-ста и *нашего* авторитета!» — Онъ просто объявилъ: «братья *мои*, земляки и родичи — это 45,000,000 Русскихъ Славянскаго племени и около 20,000,000 Русскихъ *разныхъ племенъ*, Нѣмецкаго, Монгольскаго, Финскаго и прочихъ племенъ, составляющихъ Русское Государство». Тутъ онъ смѣшалъ два, совершенно различныя понятія: *политическое единство* разноплеменныхъ народовъ, живущихъ подъ однимъ скипетромъ, и *кровное родство* единоплеменныхъ народовъ, живущихъ порознь, отдѣльно, подъ разными скипетрами. Русскій Славянинъ, Польскій Славянинъ, Болгарскій Славянинъ, Сербскій Славянинъ, Словенскій (южно-Австрійскій) Славянинъ, Чешскій Славянинъ—все это *родные братья*, хотя исповѣдуютъ разную вѣру и находятся въ разныхъ государствахъ, *родичи* потому, что *говорятъ донынѣ одинакими языками*, происходящими отъ одного корня, а происхожденіе отъ одного корня и есть *родъ*, *родство*.

—Авторъ «Россіи» видимо смѣшалъ слова: *земляки*, *родичи* и *братъ*. Вы, напримѣръ, Александръ Васильевичъ (сказалъ одинъ изъ гостей обращаясь ко мнѣ) приходитесь мнѣ *земляки*, но совсѣмъ не *родичи* и не *братъ*; вашъ дядюшка, Г. П., родившійся и донынѣ живущій въ Парижѣ, не *земляки* вамъ и не *братъ*, но *родственникъ*; а вашъ братецъ, отправившійся въ наши Американскія владѣнія, вамъ уже не братъ по логикѣ Булгарина, и не родичь вамъ, потому что живетъ подъ другимъ небомъ, за нѣсколько тысячъ верстъ—онъ вамъ—извините—милліонная водица. Крестьянинъ вашъ Жмудинъ-Литвинъ, не разумѣющій по-Русски, (по-Славянски) Татаринъ вашъ кучеръ, Нѣмецъ работающій на васъ сапоги въ Петербургѣ, и кухарка-Чухонка Финскаго племени, живущіе подъ одною кровлею съ вами: вотъ, по логикѣ автора «Россіи», ваши *братья* и *родичи*.

Всеобщій хохотъ.....

—Но мы вѣкъ не кончимъ, если станемъ разбирать по ниточкѣ *логическую* связь этой забавной статейки. Продолжаю чтеніе Булгарина:

Изысканіе Славянскихъ древностей, изслѣдованіе Славянскихъ языковъ, правовъ и обычаевъ разныхъ Славянскихъ

племенъ, полезно и похвально въ ученомъ отношеніи, но примѣненіе всего этого къ гражданскому и политическому современному быту Славянскихъ племенъ—*смѣшно* и нелѣпо, потому именно, что несбыточно и противно здравому смыслу, и самому физическому очертанію странъ, обитаемыхъ различными Славянскими поколѣніями. Однако жъ, идея *панславянизма* до-того омрачила умы нѣкоторыхъ Славянскихъ ученыхъ, что изъ ученыхъ ихъ изслѣдованій родились чудовищныя гипотезы, представляющія всѣхъ насъ въ странномъ видѣ предъ безпристрастнымъ и хладнокровнымъ судомъ Европейскаго ученаго міра. Главная черта всѣхъ сихъ панславянскихъ писаній—нестерпимое хвастовство, основанное на самыхъ тлѣнныхъ началахъ, на *этимологіи*, на отдѣльныхъ рѣченіяхъ въ лѣтописяхъ, на отысканныхъ лоскуткахъ бумаги въ архивной пыли какого нибудь магистрата, на сказочныхъ небылицахъ, и т. п.

—Все это однакожъ, не относится къ изслѣдованіямъ нашихъ Русскихъ ученыхъ, потому что они въ политику не мѣшаются, предоставляя ее благоразумію и опытности своего правительства.

—А что касается до *чудовищныхъ гипотезъ*, то Булгаринъ совершенно правъ....

—Какъ такъ?

—Да, совершенно правъ, и въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ могъ бы указать на *свою* «Россію»..... Что можетъ быть *чудовищнѣе гипотезъ*, будто пришли къ намъ Готы изъ Скандинавіи, Гунны изъ Монголіи, Обры изъ Туркестана, Болгаре изъ Чухонщины и Туркестана, и всѣ мгновенно (по щучьему велѣнью) превратились въ *Славянъ*? что можетъ быть *несбыточнѣе, противнѣе здравому смыслу*? Неужели *здравый смыслъ* позволитъ говорить, подобно Булгарину: «такъ какъ всѣ эти народы были намъ *чужеплеменные*, то мы и не должны ихъ почитать *чужими*?» Гдѣ вы найдете болѣе *хвастовства*, чужими открытіями, выданными смѣло за свое, на примѣръ о Литовскомъ племени? Гдѣ вы найдете болѣе *этимологіи*, начиная хоть съ *кастрата*, соединеннаго въ одно лицо съ comes castrensis, и оканчивая превращеніемъ имени *Русь* въ *коневью землю*, ибо-де ross по-Нѣмецки значитъ *конь*?..... Не правъ ли, послѣ того, Булгаринъ, утверждая, что подобныя гипотезы могутъ насъ представить въ *странномъ* видѣ передъ Европою?

—Правъ! правъ! правъ!

—Но позвольте продолжать его статейку въ «Сѣверной Пчелѣ»:

Шафарикъ, Копытарь, Ганка, Юнгманъ и нѣкоторые другіе Богемскіе ученые, люди дѣльные и основательные, разработываютъ руду Славянской Древней Исторіи съ похвальною племенною любовью, раскрывая нашу *дикую древность* и озаряя ее свѣтомъ ученой критики.

—Ну, такъ и видно, что статейка направлена противъ книги «Россія». Тамъ вѣдь, ужъ мы это читали, Булгаринъ доказывалъ, что Славяне *не были* дикари, а тутъ «Сѣверная Пчела» называетъ Славянскую древность *дикою*.

—Должно быть, Булгаринъ *забылъ*, что писалъ въ книгѣ, и потому въ газетѣ такъ напротиворѣчилъ самому себѣ. Не самъ ли онъ утверждалъ въ «Россіи», что «*большая часть* нашихъ законовъ существовала гораздо прежде Ярослава»; что «Россія производила *обширную торговлю*, имѣла *множество городовъ*»; что «Русскіе Славяне знали мореходство и судоходство», имѣли *свой* морской языкъ, и вообще «*не были* уже *дики*, но знали гражданственность».—А теперь, изъ желанія противорѣчить, что́ проповѣдуетъ Булгаринъ?....

Но полезные ихъ труды не всѣми одинаково поняты, а заманчивостью своею воспламенили множество..... какъ бы ихъ назвать..... положимъ, ученыхъ minores, т. е. мало или недоученыхъ, которые, чтобъ блеснуть своими познаніями и отличиться Славянофильствомъ, пишутъ такія вещи, что право ... читать совѣстно!

—Да, послѣ разысканій Венелина, Морошкина, Савельва, Святнаго, Буткова (тамъ, гдѣ онъ говоритъ не о происхожденіи Руси), *право*, *читать совѣстно* гипотезы, выстроенныя Булгаринымъ въ его «Россіи», и этимологическія находки, разсыпанныя щедрою рукою въ этой книгѣ о Коневьей землѣ...

—Милостивые Государи! Честно и похвально любить и уважать своихъ праотцевъ и своихъ родителей, но это не избавляетъ васъ отъ обязанности быть правдивыми; иначе, вмѣсто добра, вы повредите славѣ вашихъ предковъ. Положимъ, вашъ отецъ былъ храбрымъ капитаномъ и взялъ штурмомъ баттарею: дѣло похвальное, которымъ вы можете гордиться; но если вы станете провозглашать, что вашъ отецъ былъ генераломъ и взялъ штурмомъ крѣпость,

эта ваша неправда повредитъ славѣ вашего отца, и омрачитъ блистательный его подвигъ. Вашъ дѣдъ былъ только умный человѣкъ, а если вы станете хвалить, что онъ былъ притомъ и ученый, когда это не правда—васъ *уличатъ въ искаженіи истины*, и смѣшное падетъ съ васъ на память вашего дѣда. Вашъ прадѣдъ владѣлъ порядочною вотчиною, и былъ въ родствѣ съ хорошими фамиліями, а если вы нахвастаете, что онъ обладалъ цѣлымъ княжествомъ и былъ въ родствѣ съ Вѣнценосцами, вы унизите неправдою подлинное достоинство вашего предка.

—Все это правда, но это ни сколько не относится къ ученымъ изысканіямъ о старинѣ Славянской.

Нынѣшніе славянофилы, думая итти по слѣдамъ Шафарика и Ганки, до того превозносятъ Славянское племя, что нельзя удержаться отъ смѣха. По ихъ мнѣнію, все, что только есть великаго, все сдѣлано Славянами, и не только всѣ великіе мужи—Славяне, но и почти всѣ Европейскіе народы происходятъ отъ Славянъ!

—Да, *кто* же эти безумные Славянофилы? назовите хотя одного! *кто* утверждалъ, будто бы «все что только есть великаго», совершенно одними Славянами? *кто* утверждалъ, будто бы «всѣ великіе мужи» были только изъ Славянъ? *кто* утверждалъ, будто бы «почти всѣ Европейскіе народы» Славянскаго происхожденія? При подобныхъ нелѣпостяхъ, конечно, «не льзя удержаться отъ смѣха» — я согласенъ съ Булгариномъ; но вѣдь подобныхъ нелѣпостей никто и не говорилъ: мы, вотъ перебрали труды разныхъ ученыхъ нашихъ, особливо труды Савельева въ Малкѣ,—объ нихъ-то и рѣчь,—право же, онъ трудится и больше всѣхъ и осмотрительнѣе всѣхъ и счастливѣе всѣхъ нашихъ Русскихъ ученыхъ; но и подобнаго такимъ вопіющимъ нелѣпицамъ ничего у него нѣтъ: откуда же онѣ взялись? — Ихъ выдумалъ самъ Булгаринъ, да самъ же потомъ и «изволилъ тѣшиться» надъ *собственною* выдумкой!

—Но *выдумка* (говоря собственными словами Ѳаддея Венедиктовича) развѣ «избавляетъ отъ обязанности *быть правдивымъ*»? А когда «васъ *уличатъ въ искаженіи истины*», то «смѣшное» не должно ли тогда пасть на искажителя чужихъ мыслей, опровергающаго въ «Сѣверной Пчелѣ» *собственныя нелѣпицы*?

—Кто открылъ Америку? Христоферъ Колумбъ, родомъ Генуэзецъ, скажете вы. Не правда! Ну, если хотите ги-

потезъ, положимъ, что Финикіяне или даже Карѳагеняне занесены были туда бурею..... Не то! — Теперь доказываютъ, что Норманны знали Америку и даже имѣли въ ней свои поселенія еще въ XII, XIII и XIV вѣкахъ..... Опять не то! Открытія Норманновъ скрываются въ мракѣ вѣковъ, а вѣрно то, по словамъ Славянофиловъ, что Америку (именно Лабрадоръ) открылъ, за шестнадцать лѣтъ до Колумба, еще въ 1476 году, Славянскій кормчій Иванъ Скольный (Johannes Scolnus или Scolva), находившійся въ службѣ Датскаго Короля Христіерна II. Мало этого! Кто изобрѣлъ книгопечатаніе? Нѣмецъ Іоганъ Гутенбергъ. Извините—книгопечатаніе открылъ Славянинъ Иванъ Кутногорскій, родомъ изъ Кутна или Кутной Горы (Kuttenberg), Богемскаго города (·). Не вѣрите? Загляните въ книгу Historya Litteratury Polskiey Michała Wiszniewskiego, Krakow, Tom. III, stron. 92—99 (··) Впрочемъ, мы вовсе не намѣрены отвергать этихъ предположеній, хотя и желали бы имѣть болѣе доказательствъ. Почему же люди Славянскаго происхожденія не могли открыть Америки, подобно Генуэзцу, и изобрѣсть книгопечатаніе, подобно Нѣмцу, когда Славянинъ Коперникъ (···) (безспорно Славянинъ) утвердилъ систему міра, и когда столько другихъ знаменитыхъ мужей Славянскаго племени красуются въ Исторіи Наукъ XVI и XVII вѣковъ на западѣ. Дѣло болѣе нежели возможное, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что наше племя ни сколько не уступаетъ другимъ племенамъ въ умѣ и геніяльности, хотя оно со второй половины XVII вѣка и поотстало въ просвѣщеніи отъ другихъ западныхъ народовъ.

—Авторъ соглашается, что множество «знаменитыхъ мужей Славянскаго племени красуются въ исторіи наукъ»; «не отвергаетъ», что Иванъ Скольный открылъ Америку за 16 лѣтъ до Колумба, и что изобрѣтатель книгопечатанія былъ Иванъ Кутногорскій, котораго Нѣмцы прозвали Іоганномъ Гутенбергомъ; называетъ это все «дѣломъ болѣе нежели возможнымъ», а книгу г-на Вишневскаго, утверждающаго все это, «весьма дѣльною и ученою»; но вмѣсто благодарности Польскому ученому за такія любопытныя указанія, платитъ лишь одними насмѣшками.... Спрашивается: гдѣ же спра-

(·) Говорятъ, онъ по-Нѣмецки прозвался Куттенбергомъ, а Надрейнскіе Нѣмцы, по своему произношенію, исказили названіе, произнося букву *К* какъ *Г*. — (Замѣчаніе Ѳ. Б.)

(··) Весьма дѣльная и ученая книга. Авторъ не утверждаетъ вышеприведенныхъ гипотезъ о Скольномъ и Кутногорскомъ, но только цитируетъ показанія другихъ. — (Ѳ. Б.)

(···) Копръ или Коперъ, по-Польски значитъ укропъ. — (Ѳ. Б.)

*

ведливость, если *весьма дѣльную* и *ученую* книгу будутъ осмѣивать—безъ всякихъ доказательствъ—за то лишь, что она представляетъ много новаго? *почему же* (повторю собственными словами Булгарина), почему же *люди Славянскаго происхожденія не могли изобрѣсть книгопечатаніе* и *открыть Америку*, за 16 лѣтъ до Колумба, когда и Остъ-Индію открыли прежде Васко-де-Гамы также Славяне, именно: мы, Русаки...

—Какъ такъ? возможно ли? можетъ ли быть?

—А вы и забыли Карамзина? Разверните VI томъ втораго изданія его «Исторіи Государства Россійскаго»; въ послѣдней главѣ (на стр. 366 и 367) онъ говоритъ: «доселѣ географы не знали, что *честь одного изъ древнѣйшихъ*, описанныхъ *Европейскихъ путешествій въ Индію* принадлежитъ *Россіи* Іоаннова вѣка. Нѣкто Аоанасій Никитинъ, Тверской житель, около 1470 года, былъ *по дѣламъ купеческимъ* въ Деканѣ и въ королевствѣ Голькондскомъ. «Мы имѣемъ его записки». Изложивъ вкратцѣ содержаніе этого замѣчательнаго памятника древности, Карамзинъ сказалъ въ заключеніе: «можетъ быть, Іоаннъ и не свѣдалъ о семъ любопытномъ странствіи: но крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія *въ XV вѣкѣ* имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что Индійцы слышали о ней *прежде*, нежели о Португаліи, Англіи. Въ то время, когда Васко-де-Гама *единственно мыслилъ* о *возможности* найдти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ *уже купечествовалъ* на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о догматахъ ихъ вѣры»... Видите ли, что и славою открытія Остъ-Индіи Европейцы должны *подѣлиться* съ Славянами, и именно: съ нами, съ Русскими.

Отыскивать подвиги предковъ, возстановлять ихъ славу, припоминать новымъ поколѣніямъ ихъ подвиги и заслуги—дѣло похвальное, честное и даже нужное, и потому-то ученые мужи западныхъ Славянскихъ племенъ, каковы Шафарикъ, Копытарь, Ганка и другіе, пріобрѣли *славу* и *уваженіе* въ цѣломъ ученомъ мірѣ; но когда это Славянолюбіе было перенесено къ намъ, въ Россію, оно тотчасъ перешло за предѣлъ умѣренности. Цитаты и собственныя имена, взятыя на выдержку изъ древней и средней исторіи, замѣнили истинную ученость; *этимологія*, приблизительное *сходство звуковъ* въ словахъ, или созвучія, приняты за неоспоримыя доказа-

тельства, предположенія или *гипотезы* за основныя истины, и любовь къ предкамъ выказалась однимъ хвастовствомъ.

—Все это очень хорошо примѣняется къ сочиненію Булгарина: въ его «Россіи» какъ уже доказано Савельевымъ, всѣ существенныя мысли заняты у другихъ ученыхъ; всѣ же собственныя мнѣнія Булгарина суть только: *можетъ-быть, вѣроятно, полагаю*, такъ прекрасно опровергнутыя и поправленныя критикомъ. Къ изслѣдованіямъ же П. В Савельева ничего этого не льзя приложить, ибо самъ же Булгаринъ сознался, что П. В. Савельевъ «*серіозно занимается предметомъ* и *имѣетъ* въ исторіи *отличныя свѣденія*»; что онъ «*съ величайшею осторожностью* принимаетъ показанія древнихъ и смотритъ на предметы Славянскими глазами»; что «*прекрасныя*» статьи П. В. Савельева «*дѣлаютъ честь автору*»; и въ заключеніе самъ же «*просилъ* продолжать прекрасный трудъ». Въ сочиненіяхъ *прекрасныхъ*, обнаруживающихъ *отличныя свѣденія*, *величайшую осторожность* и *серьёзное занятіе* предметомъ, въ сочиненіяхъ *дѣлающихъ честь автору*, не можетъ быть ни цитатъ и собственныхъ именъ, взятыхъ на выдержку и замѣняющихъ истинную ученость, ни приблизительнаго сходства звуковъ вмѣсто доказательствъ, ни гипотезъ вмѣсто основныхъ истинъ, ни пустаго хвастовства любовью къ предкамъ, словомъ: ни одного изъ тѣхъ свойствъ, какими отличается извѣстная книга о *Конёвьей землѣ*, спрѣчь о Россіи....

—Вотъ что называется: «съ больной головы да на здоровую!» замѣтилъ одинъ изъ гостей. Не самъ ли Булгаринъ всего менѣе опирался на свидѣтельство древнихъ? не онъ ли всего болѣе увлекался и строилъ отважныя *гипотезы* на *этимологическихъ* созвучіяхъ? —Напротивъ,—сказалъ хозяинъ,—едва ли кто сравнится съ Савельевымъ въ строгости и вѣрности его системы. Вотъ путь, который онъ самъ предписалъ себѣ:

Надо, наконецъ положить твердое основаніе исторической критикѣ. Какъ въ математикѣ неизвѣстное получается помощію извѣстныхъ, данныхъ, чрезъ посредство опредѣленныхъ *отношеній* между извѣстнымъ и неизвѣстнымъ: такъ точно и въ Исторіи, Критика должна сперва хорошо узнать: 1. Время чисто-историческое, о которомъ уже нѣтъ споровъ; 2. Неизмѣнныя *отношенія* между историческими явленіями, давши-

ми и недавними; 3. Призвать здравую Логику; такимъ образомъ, въ основаніе всему положится *фактъ, дѣйствительное событіе*, а не произвольное мечтаніе.

—Вотъ что писалъ П. В. Савельевъ, въ Февральской книжкѣ Маяка 1844 года (т. XIII гл. III, стр. 126). Спрашиваю всѣхъ безпристрастныхъ людей: у *кого* изъ нашихъ современниковъ, не исключая и самого Шафарика, положены въ основаніе такія дѣйствительно *твердыя основанія*? и *кто*, съ большею вѣрностію, слѣдовалъ по этому пути, ни на шагъ не уклоняясь отъ фактовъ и логики? Да, послѣ Венелина, Савельевъ долженъ безспорно занять *первое мѣсто* въ ряду нашихъ критиковъ, по строгости *исторической логики*, и «Маякъ» справедливо радуется его произведеніями, достоинство которыхъ признаютъ извѣстнѣйшіе наши ученые. Но Булгаринъ смѣло продолжаетъ нападеніе на собственныя свои выдумки:

Загляните въ наши журналы «Маякъ» и «Москвитянинъ»: вы увидите тамъ такія вещи, что ученому Нѣмцу не приснится ничего подобнаго! (*Что же? въ добрый часъ!*) Вы найдете: 1) что всѣ языки въ мірѣ происходятъ отъ языка Славянскаго; 2) что почти вся Европа принадлежала Славянамъ; 3) что храбрѣйшіе изъ всѣхъ племенъ Германскихъ и Цельтическихъ—Славяне, превратившіеся въ Нѣмцевъ и Французовъ, Испанцевъ и Итальянцевъ.

—Добросовѣстный критикъ, обвиняя «Маякъ» и «Москвитянинъ» въ подобныхъ нелѣпостяхъ, долженъ бы указать на томъ, главу и страницу журнала, въ которомъ нашелъ такую несообразность съ Исторіею и Логикою. Булгаринъ не сдѣлалъ этого, потому что *не могъ сдѣлать*; а не могъ этого сдѣлать—именно по той простой причинѣ, что въ «Маякѣ» *никогда не было писано подобныхъ нелѣпицъ*. Не угодно ли сличить параллельныя мѣста? Взгляните въ ту же Февральскую книжку (1844, т. XIII, гл. III, стр. 113 — 116). Булгаринъ увѣряетъ, будто бы по мнѣнію Маяка, *всѣ языки въ мірѣ* происходятъ отъ *Славянскаго;* а въ «Маякѣ» Савельевъ говорилъ вотъ что:

Основа и грамматическое строеніе языка доказываетъ *родство Славянъ* съ другими коренными обитателями Европы: Греками, Латинами, Тевтонами и Литовцами; сравненіе же Азіятскихъ языковъ показало, что Славянскій языкъ имѣетъ наибольшее сродство съ Санкритскимъ. Правда, есть

нѣсколько созвучныхъ съ Славянскими словъ и между прочими языками Азійскими, Семитическаго корня, какъ напримѣръ, въ Арменскомъ, даже Еврейскомъ, и нѣкоторыхъ другихъ; но такихъ словъ очень мало, и сходство между ними весьма отдаленное; напротивъ, коренныя слова языковъ Славянскаго, Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и Литовскаго, по наблюденіямъ Филологовъ, удивительно сходны и легко сравниваются одни съ другими: образованіе и производство словъ, ихъ соединеніе, склоненіе существительныхъ, степени сравненія прилагательныхъ, спряженіе глаголовъ — все это, сравниваемое въ древнѣйшихъ формахъ, показываетъ *удивительную близость этихъ языковъ и ихъ взаимное сродство*, такъ что нѣкоторые объявили даже Греческій языкъ вѣтвію Славянскаго, другіе Латинскій (на пр. Соларичъ), третьи Литовскій (Тунманъ), а четвертые производили Славянскій языкъ отъ котораго либо изъ нихъ. Все это *заблужденія, произшедшія отъ одностороннаго взгляда на предметъ*, но между тѣмъ *основная мысль: о тѣсной взаимной связи этихъ языковъ, о взаимномъ сродствѣ ихъ, совершенно справедлива* и доказываетъ въ тоже время, что Славянскіе народы развились въ сосѣдствѣ Грековъ, Латиновъ, Тевтоновъ, Литовцевъ, когда языки ихъ развились хотя самобытно, однакожъ съ сильнымъ вліяніемъ одного на другой.

—То ли это? Николай Васильевичъ разсуждаетъ о *сродствѣ* Славянскаго языка съ прочими *Европейскими*; а Булгаринъ увѣряетъ, будто бы «*всѣ языки въ міръ происходятъ* отъ Славянскаго».

—Такъ значитъ, и въ-прямь Булгаринъ *самъ* все это выдумалъ.

—Да, равно какъ другое мнѣніе, будто бы «вся почти Европа принадлежитъ Славянамъ»; Савельевъ утверждалъ совсѣмъ не то, говоря (на той же 113 стр):

Изъ 240-хъ милліоновъ жителей, населяющихъ Европу, около 80-ти (·) принадлежитъ Славянскому племени, которое такимъ образомъ составляетъ почти ⅓ всего Европейскаго народонаселенія; слѣдственно, по многочисленности, Славяне *значительно превышаютъ каждое* изъ прочихъ Европейскихъ племенъ *отдѣльно взятое*: Тевтонское или Нѣмецкое (которому причисляется и Скандинавское), Романо-Латинское (занимающее Италію, Пиринейскій полуостровъ, Францію, Молдавію, Валахію), Литовское или Латышское, Скипетарское или Албанское, Эллинское или Греческое, Иберійское племя Басковъ и проч. Жилищами Славяне занимаютъ почти ⅔ Европы, отъ Бѣлаго моря до Адріатическаго; въ лицѣ же могущей представительницы своей, Россіи, Славянское племя повелѣваетъ сѣверною Азіею

(·) По исчисленію Шафарика 78,691,000.

Сибирью), и частію сѣверо-западной Америки. Въ эти части свѣта оно проникло уже на памяти Исторіи; и такъ, *въ Европѣ должно отыскивать коренное обиталище Славянскаго племени.*

—Точно также несправедливо, будто бы Малку, т. е. *Савельеву* принадлежитъ мысль, что *всѣ храбрѣйшіе* народы Германіи и Кельтики *принадлежатъ Славянамъ*: все это выдумано «почтеннѣйшимъ» критикомъ. Савельевъ утверждалъ, опираясь на *доказательства*, что восточная Germania (Братовщина) была населена Славянами, а западная Тевтонами или Нѣмцами, и что оба эти народа были въ Германіи туземцы; отъ Кельтовъ онъ также строго отличилъ Славянъ, но имя Galli (пѣтухи) не всегда означало Кельтовъ—весьма часто распространялось и на Славянъ, на примѣръ: Венетовъ Адріатическихъ и Бойевъ или Чеховъ: въ этомъ Савельевъ уже ни сколько не виноватъ. Венетовъ же Адріатическихъ признаютъ Славянами: и Венелинъ, и Шафарикъ, и Суровецкій, и даже самъ Булгаринъ; а мнѣніе Энея Сильвія, Крантція и другихъ писателей, что Бои-то и суть Чехи (Богемскіе Славяне), неопровержимо подкрѣплено изысканіями П. Г. Буткова.—Выслушайте, что писалъ П. В. Савельевъ о племенахъ, населяющихъ и населявшихъ Германію:

Въ Германіи,—странѣ между Вислою и Рейномъ, по опредѣленію Тацита,—все народонаселеніе принадлежитъ *тремъ племенамъ*: на западѣ Тевтонскому или Нѣмецкому; на востокѣ Тевтонскому и Славянскому, на юго-востокѣ Тевтонскому, Славянскому и Мадярскому или Венгерскому. — Турецкое племя Мадяровъ утвердилось на берегахъ Дуная и Тисы во второй половинѣ IX вѣка, послѣ покоренія Закарпатской Руси и Словенъ съ Словаками; слѣдовательно, до половины IX вѣка, или до прихода Мадяровъ въ юго-восточную Германію, въ ней находилось только два собственно Европейскіе народа: *Славяне и Нѣмцы*; и оба должны быть признаны *туземцами Германіи.*

—Вотъ какъ *логически* полагаетъ дѣло П. В. Савельевъ, справедливо осмѣявъ силлогистику прежнихъ Нѣмецкихъ писателей: «кто *храбръ*, тотъ *вѣроятно* былъ *Нѣмецъ*». Булгаринъ *вывернулъ* эту мысль *наизнанку*, примѣнилъ ее къ Славянамъ и приписалъ Савельеву.... Такъ ли долженъ поступать честный критикъ?... Но выслушаемъ дальнѣйшія обвиненія въ нелѣпостяхъ, которыя намъ великодушно раскрываетъ Булгаринъ, «*по долгу знающаго* и *правдиваго*» критика, увѣряя, будто бы онъ вычиталъ въ «Малкѣ»:

4) Что Славяне разрушили Римскую Имперію и заставили откупаться дряхлую Византію. — 5) что даже Атила, вождь дикихъ Гунновъ, *бичь Божій*, былъ истый Славянинъ, — 6) что мы, Славяне, покорили, устроили весь міръ, основали всѣ царства въ Европѣ и, наконецъ, разыгравъ великую всемірную драму, поклонились чинно публикѣ, пожелали всѣмъ добраго здравія, сошли со сцены и скрылись въ толпѣ народовъ, гдѣ теперь отыскиваютъ насъ «Москвитянинъ» и «Маякъ»

—Относительно четвертаго обвиненія, «Маякъ» очень справедливо могъ бы отвѣчать: «почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Вы обвиняете не только меня, но и *самаго себя*, ибо не *вы* ли утверждали въ «Россіи», что «не взирая на *превратныя* изложенія дѣла, *Славяне занимаютъ одно изъ первыхъ* мѣстъ *между народами, разрушившими Римскую Имперію*»? слѣдственно, сами добровольно отказываетесь отъ лучшей мысли въ вашей книгѣ.

—Относительно пятаго обвиненія, Булгаринъ долженъ раздѣлить оное вмѣстѣ съ «Маякомъ», ибо, говоря объ Атилѣ, не онъ ли самъ написалъ: «съ удивленіемъ находимъ мы въ Приковомъ описаніи *Гунновъ* изображеніе правовъ *Славянскихъ*, существующихъ даже по нынѣ, въ простомъ народѣ, и обычаевъ, которымъ слѣдовали въ *Россіи* при Царяхъ». Но «Маякъ» поступилъ откровенно: онъ прямо пошелъ на бой за истину; авторъ же «Россіи» сознавшись, что *не льзя вѣрить*, будто бы Гунны переселились отъ Китайской стѣны, все таки повелъ ихъ изъ Монголіи, хотя послѣ и вздумалъ заставить ихъ переродиться въ Славянъ—*гипотеза* ни на чемъ не основанная, потому что никто и никогда не зналъ объ этой мнимой переплавкѣ изъ Монголовъ въ Славянъ.

—Относительно же шестаго обвиненія, будто «мы Славяне устроили *весь міръ* и основали *всѣ* царства въ Европѣ», позвольте замѣтить, что все это опять *сочинено* критикомъ. Савельевъ только доказывалъ, что Россія, Восточная Германія и Балканскій полуостровъ съ древнѣйшихъ временъ были населены племенами Славянскими. И все это доказано *логически*, выведено математически вѣрно, такъ что послѣдующія доказательства только развиваютъ и поясняютъ мысль эту. И въ подтвержденіе этой истины читайте стр. 117—122 (гл. III) въ той же Февральской книжкѣ.

Въ Европѣ, коренномъ обиталищѣ Славянскихъ племенъ лежитъ Россія и Польша; въ Германіи живутъ они, перемѣшиваясь съ Нѣмцами и Мадярами (Венграми); на Балканскомъ полуостровѣ, перемѣшиваясь съ Албанцами или Скипетарами, Эллинами или Греками, Румунами (потомками Гетовъ и Римлянъ въ Валахіи и Молдавіи) и Оттоманами или Турками: *станемъ же снимать со всего этого пространства позднѣйшіе слои народонаселенія*, тогда мало по малу откроется для насъ, какіе народы должно признать *туземцами* и какіе *пришлыми*, позднѣйшими поселенцами.

Въ Европейской Россіи, кромѣ Славянскаго народонаселенія, очень значительно народонаселеніе Финское на сѣверѣ и Татарское въ странахъ примыкающихъ къ Волгѣ и ниже къ Каспійскому морю. Татаре, (которые сами себя называютъ Турками) заняли Волжскую сторону большею частію во время страшнаго своего нашествія на Россію, въ XIII вѣкѣ подъ предводительствомъ Монгольской династіи Чингиса; до того времени Турецкое народонаселеніе по Волгѣ было не слишкомъ значительно и находилось подъ властію Болгарскаго Владавца, котораго Арабскіе писатели называли Царемъ Славянъ (Малекъ-эль-Саклабъ, rex Selabinorum). Финны исконн обитали на сѣверѣ: въ отдаленнѣйшей древности они были извѣстны Римлянамъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ обитаютъ и нынѣ; ученый Лербергъ показалъ, что ниже Ладожскаго озера Финское племя никогда не жило. Выходецъ изъ нашей Руси, Мадяровъ или Угровъ (иначе Венгровъ) напрасно вздумали было нѣкоторые писатели причислять къ Финскому племени: языкъ ихъ доказываетъ противное. Профессоръ Пожонской (Пресбургской) Римско-Католической Академіи, Григорій Данковскій (Gregor Dankowsky), разбирая составъ Мадярскаго языка, показалъ, что въ немъ коренныхъ словъ: 4668, а изъ нихъ Славянскихъ 1898, Мадярскихъ (сродныхъ съ Турецкими) 962, Греческихъ 889, Латинскихъ 334, Нѣмецкихъ 228, Итальянскихъ 268, Французскихъ 25, Еврейскихъ 4, Финскихъ же ни одного, чѣмъ и опровергаются всѣ неосновательныя предположенія о Финскомъ происхожденіи Мадяровъ. Отбросивъ позднѣйшіе напливы, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій, и проч. остается масса первобытнаго языка Мадяровъ, Славянская и Турецкая; граматическое жь строеніе Венгерскаго языка доказываетъ, что онъ принадлежитъ къ семейству Турецкихъ нарѣчій, почему Византійцы постоянно и называли Венгровъ Турками. Это кочевое Турецкое племя, бывшее подъ властію Донскихъ Козаровъ, по предложенію Императора Арнульфа удалилось въ Паннонію въ концѣ IX вѣка; но родственныя Мадярамъ поколѣнія Комановъ или Половцевъ (которыхъ часто смѣшивали съ Печенегами) удалились за Карпаты только уже послѣ Батыева нашествія, въ концѣ первой половины XIII вѣка. Кочевья этихъ Турецкихъ(Мадярскихъ) поколѣній извѣстны были Геродоту; слѣдственно за исключеніемъ ихъ, все остальное

пространство между Ладожскимъ озеромъ, Волгою и Чернымъ моремъ (т. е. весь Велико-Россійскій и нынѣшній Новоро-Россійскій край) населяли Русскіе Славяне, какъ бы ихъ ни величали Греки: Чужаками (Скиѳы), Ящероглазыми (Савроматы), Чернокафтанниками (Меланхлены), Длинноголовыми (Макрокефалы), Собачьими-головами (Кинокефалы) и другими подобными именами, въ числѣ которыхъ однакожь попадаются и настоящія, переведенныя съ Русскаго на Греческій, и сохраненныя Геродотомъ, какъ на пр. названія Полянъ (Георги), Древлянъ (Гилеи), обитателей Конскихъ-водъ (Каллипиды), жителей Ахиллова Бѣга (Дромиты) (*) и проч. Этотъ выводъ исторической логики въ полнѣ подтверждается и другими соображеніями здравой критики.

На Балканскомъ полуостровѣ владычествующее народонаселеніе, хотя самое немногочисленное, составляютъ Османскіе Турки; имъ подвластны: Ромуны (Волохи, часть которыхъ отъ рѣки Молдавы приняла названіе Молдаванъ), Славяне (Болгаре и Сербы) Скипетары или Албанцы (Арнауты), Эллины или Греки.—Османскіе Турки начали утверждаться въ Европѣ съ половины XIV вѣка и окончательно завоевали страну ту въ половинѣ XV столѣтія; слѣдовательно, до XIV вѣка на Балканскомъ полуостровѣ находились: по обѣ стороны горъ Гемуса Славяне (Болгарскія и Сербскія поколѣнія); за Дунаемъ Румуны, на юго-западѣ къ Адріатическому морю Скипетары, на югѣ Эллины; послѣднія два племени, Эллинское (Греческое) и Скипетарское (Албанское, древне-Македонское) всегда были туземцы этого полуострова; племя Латино-Романское (Волохи, Молдаване) начало составляться отъ соединенія Латино-Римскихъ поселенцевъ съ Славянскими туземцами (Гетами, Даками) со втораго вѣка по Р. Х. Когда же появилось племя Болгаръ, занявшихъ почти всю восточную часть Греческой Имперіи отъ Дуная до Солуня включительно, и Сербовъ, за-

(*) Ахиллъ, по ясному свидѣтельству древнихъ, былъ не Грекъ, но Скиѳъ, нашъ соотечественникъ. Вотъ подлинныя слова Льва Діакона (кн. IX, гл. 6): «Арріанъ въ своемъ Периплѣ говоритъ, что Ахиллъ, сынъ Пелея, былъ *родомъ Скиѳъ* и родился въ Мирмекіонѣ, небольшомъ городкѣ на берегу Азовскаго моря; за властолюбіе и жестокость изгнанный Скиѳами изъ своей родины, онъ переселился въ Ѳессалію. Покрой его *одежды*, его *русые волосы* и *голубые глаза*, ясно подтверждаютъ это извѣстіе объ его происхожденіи».—Авторъ Естественной Исторіи человѣческихъ поколѣній, Histoire Naturelle des races humaines (Paris, 1816) Демулень, руководимый свидѣтельствомъ Арріана и Льва Діакона, говоритъ «Скиѳское происхожденіе Ахилла объясняетъ какимъ образомъ произошли названія: *Ахиллова острова* близъ устья Днѣпра, *Ахилловой гробницы* въ 120,000 шагахъ отъ этого острова, и *Ахиллова бѣга* (Dromos Achilli—отсюда Dromitae), берега отъ устья Днѣпра до залива Карцинитскаго (Carcinitis) или Перекопскаго.»—

нявшихъ Сербію, Боснію, Иллирію, Черногорію и Герцеговину? Александрійскій математикъ Паппъ, жившій въ концѣ IV вѣка, пишетъ, что одну изъ шести Оракійскихъ областей, самую обширнѣйшую, уже населяли 25 поколѣній Славянскихъ; но, если и признать—какъ думаетъ г-нъ Чертковъ—Оракійцевъ за племя Славянское, то все же возникаетъ вопросъ: по какой причинѣ народъ даже въ Солунѣ называетъ себя Болгарами, когда власть Болгарскихъ государей не простиралась на тѣ области? Если же Болгаре тамъ поселились, соединясь съ туземными Славянскими обитателями, то когда это воспослѣдовало? Въ VIII, VII, VI столѣтіяхъ Византійцы ничего не говорятъ о вторженіи въ тѣ страны Болгарскаго народонаселенія; слѣдовательно, появленіе Болгаръ въ юго-восточныхъ предѣлахъ Византійской имперіи должно отнести по крайней мѣрѣ къ IV и V-му вѣкамъ, т. е. именно къ тому времени, когда бушевалъ въ тѣхъ странахъ народъ, извѣстный у Грековъ подъ именемъ Гуновъ и Обровъ или Аваровъ.

—Можно ли сойти ниже, до такой несправедливости въ оцѣнкѣ истинъ сейчасъ предложенныхъ, и математически-точно доказанныхъ сравненіемъ свидѣтельствъ древнихъ и среднихъ вѣковъ? истинъ, съ которыми и самъ Булгаринъ не могъ бы не согласиться, если бы не извратилъ ихъ такъ безжалостно, равно какъ и слѣдующее обвиненіе, взводимое на «Москвитянинъ» и «Маякъ»:

Особенно милъ Маякъ! По рѣшенію Маяка, Германцы, занимающіе середину Европы—маленькое племя, нѣчто въ родѣ нашихъ Самогитовъ или Литовцевъ, которые несправедливо дали свое названіе Литвы Западной Руси!

—Неуже ли «Маякъ» утверждалъ, будто бы Нѣмецкое племя также малочисленно, какъ Литва на Жмуди (въ Самогитіи)? Это ужь въ самомъ дѣлѣ черезъ чуръ.

—Но указалъ ли Булгаринъ, *гдѣ* говорено было объ этомъ? спросилъ одинъ юнопша. Я со вниманіемъ изучалъ разысканія Савельева, и, признаюсь, не помню, чтобы онъ гдѣ нибудь утверждалъ подобную нелѣпость.

—По этому-то Булгаринъ и не могъ указать страницы, *гдѣ* Савельевъ писалъ, будто бы Нѣмцы занимаютъ такой же *маленькій уголокъ* въ нѣсколько уѣздовъ, какъ Литовская Жмудь или Самогитія.

—Савельевъ утверждалъ, что вся Западная или Рейнская Германія, Ютландскій полуостровъ и Скандинавскій заняты были съ древнѣйшихъ временъ племенами Тейт-

шеровъ, или Тевтоновъ или Нѣмцевъ; по вдвиженіе ихъ въ Восточную или Великую Германію, населенную Славянами, извѣстно по исторіи: оно послѣдовало уже при наслѣдникахъ Карла Великаго. Только.

—А вотъ я сей часъ найду это отдѣленіе. Въ Февральской же книжкѣ 1844 года, Т. XIII, гл. III, стр. 123—126) Савельевъ писалъ:

Нѣмецкія племена, которыя сами по себѣ зовутъ Тейтшерами, какъ уже сказано, *заселяютъ сплошь страну при-Рейнскую*, и не смотря на *множество* мѣстныхъ названій, могутъ быть раздѣлены на два поколѣнія: сѣверное или Саксонское и южное или Швабское; кромѣ того, *значительная отрасль Нѣмецкаго племени*, съ незапамятныхъ для исторіи временъ, занимаетъ *Датскій полуостровъ съ ближними островами*, и *Скандинавской полуостровъ* т. е. Швецію съ Норвегіею. Съ неизвѣстныхъ временъ отдѣлясь отъ родичей, Датско-Скандинавское племя понынѣ остается въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ особое цѣлое. Саксоны, съ X вѣка начавшіе утверждаться въ Великой Германіи, въ V вѣкѣ слѣдственно заселяли только свою коренную отчизну; и въ самомъ дѣлѣ, Орозій свидѣтельствуетъ, чѣо Саксонское племя занимаетъ только низовья Рейна до устья Везера, т. е. ту страну, въ которой, по свидѣтельству Римлянъ, обитали Тевтоны, Teutoni, Teuchteri (Tenchteri] т. е. Teutscher'ы, какъ они сами себя называютъ. Швабское племя, занимающее часть Швейцаріи, Баденъ, Виртембергъ, Баварію, находится на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ, по свидѣтельству Римлянъ, жили Alamanni и Nemetes. Слѣдственно, тотъ народъ, который самъ себя зоветъ Тейтшерами, тогда какъ жители Галліи называютъ его насмѣшливымъ именемъ Аламанами, а Славяне Нѣмцами, искони вѣковъ занималъ страны при-Рейнскія или Западную Германію; а такъ какъ великое вдвиженіе Нѣмецкаго племени въ Восточную Германію совершилось только въ теченіи IX—XIV вѣковъ, то ясно, что разсуждать о Нѣмецкихъ племенахъ, жившихъ будто бы въ Восточной Германіи въ VIII-мъ вѣкѣ, или VII, VI, V, IV, *когда они еще не переселялись туда* противно здравой исторической логикѣ.

—Гдѣ же *маленькое* Нѣмецкое племя? то ли доказываетъ «Малкъ,» что показываетъ Булгаринъ? можно ли человѣку ученому до такой степени искажать истину! Вся западная Германія, по Рейну, *сплошь* заселенная Нѣмцами, да *значительная отрасль* ихъ родичей на Датскомъ полуостровѣ съ ближними островами и на Скандинавскомъ полуостровѣ—нѣтъ, это уже куда не «маленькое» племя, и такое пространство куда побольше уголка Жмудьскаго ...

—Но вѣдь Булгаринъ не остановился на этомъ: выдумавъ историческую и географическую нелѣпость о *маленькомъ* Нѣмецкомъ племени, равномъ только Жмуди (Самогитіи), и приписавъ это *собственное* твореніе тому человѣку о которомъ прежде говорилъ, что онъ «имѣетъ въ Исторіи *отличныя свѣдѣнія*,» Булгаринъ продолжаетъ *сочинять* критическій романъ, то есть небылицу, перемѣшивая ее для бо́льшей вѣроятности и съ правдою:

Франки, Саксонцы, Баварцы, Австрійцы, Прусаки—Славяне *чистой крови*, по мнѣнію Маяка!

—Такъ ужъ и видѣнъ *историческій романистъ*: вѣдь, по понятію Булгарина, историческій романъ *дѣлается* очень легко—взялъ оттуда, взялъ отсюда, остальное выдумалъ, и конецъ дѣлу! и готово! По этому рецепту написанъ и разборъ трудовъ Н. В. Савельева, ученаго, о которомъ самъ же писалъ, что «авторъ *серіозно* занимается предметомъ, съ *величайшею осторожностью* принимаетъ показанія древнихъ, смотритъ на предметъ Славянскими глазами,» и пишетъ «*прекрасныя* статьи, *дѣлающія честь*» ему.

—Это непостижимо! воскликнулъ одинъ юноша. Савельевъ утверждалъ только, что Эрц-герцогство Австрійское и Королевство Прусское возникли на *Славянской* землѣ, въ которой поселились *Тевтоны* или *Нѣмецкія племена:* развѣ это *не правда?* развѣ это не *исторически достовѣрно?* и развѣ донынѣ въ Восточной Германіи не видимъ *Славянъ* вмѣстѣ съ *Нѣмцами?* но Нѣмцы остаются Нѣмцами, Славяне Славянами, и Саксоновъ, Баварцевъ, Австрійцевъ и нынѣшнихъ Пруссаковъ Савельевъ не называлъ *Славянами чистой крови:* это выдумка г-на Булгарина!

—Да чего же вамъ лучше, вы сами читали у Булгарина мѣсто, гдѣ онъ говоритъ то же самое (*):

«Если бы въ это время (при нашествіи Гуновъ) между Славянами родился другой Карлъ Великій, мужъ подобный Петру Великому, то безъ сомнѣнія могущественная *Славянская Имперія* была бы не въ Россіи, какъ нынѣ, а въ прежней Восточной Имперіи, и столицею ея была бы Византія.....

«Новое сильное доказательство того, что Славяне превышали числомъ всѣ племена, во время нашествія Гуновъ, Обровъ и Болгаръ, въ мѣстахъ, гдѣ могущество ихъ было на высо-

(*) См. мое первое.

чайшей степени, Славянскій языкъ попыкѣ господствующій, или слѣды его неизгладимы въ языкѣ туземцевъ и въ названіяхъ рѣкъ, селъ, городовъ, урочищъ.

«И такъ, Славяне занимаютъ одно *изъ первыхъ мѣстъ* между народами, разрушившими Римскую Имперію. Такъ точно *Славяне составляютъ теперь главную силу* Австрійской Монархіи, хотя объ нихъ вовсе не упоминается въ исторіи при подвигахъ Австрійцевъ, а только въ Статистикѣ и Географіи при исчисленіи разнородныхъ племенъ, составляющихъ Государство. *Древняя слава имени* Славянскаго придавлена невѣжествомъ лѣтописцевъ; а новая сосредоточена въ нашей матери, Россіи.....

—Нашелъ же такой черный стихъ на Булгарина: на самаго себя поднялъ руки....

Савельевъ вотъ что говорилъ о племенахъ Нѣмецкихъ:

Западная Германія, или Рейнская, сплошь заселена *неслѣшанными племенами Нѣмецкими*; Восточная Германія,—куда относимъ Австрійскую имперію, Саксонское королевство и Прусское государство,—заселена *двумя* главными племенами, Славянскимъ и Нѣмецкимъ, сосѣдя у Вислы съ Литовскимъ племенемъ, занимающимъ юго-восточный берегъ Балтики. Часть земли Словенъ, покоренная Карломъ Великимъ, заселена была съ того времени *южнымъ Нѣмецкимъ племенемъ*, которое съ IX вѣка стало совершенно *искоренять туземцевъ*; кромѣ этого собственно эрцгерцогства Австрійскаго, во всѣхъ прочихъ частяхъ Австрійской имперіи Славянское народонаселеніе (Словене, Чехи, Моравы, Русины, Хорваты и проч.) значительно превышаетъ Нѣмцевъ. Въ странахъ по Эльбѣ (Лабѣ) когда появились Тевтоны, исторія знаетъ несомнѣнно: тамошнія Славянскія племена Сорабовъ (Сербовъ), со временъ Тевтонскихъ наслѣдниковъ Карла Великаго, особенно же съ X вѣка, постепенно были покоряемы *Нѣмцами-Саксонами* (*) и въ нѣкоторыхъ областяхъ въ теченіи восьмивѣковой зависимости *совсѣмъ онѣмечены*. Подвигаясь далѣе, Саксоны завоевали къ концу среднихъ вѣковъ все южное Балтійское поморье; Велетское (Полабское) и Сорабское славянское народонаселеніе мало по малу было истребляемо, и теперь,—уже въ *Нѣмецкихъ* владѣніяхъ: Бранденбургѣ, Померапіи, Мекленбургѣ, Люнебургѣ, Голштиніи и Ганноверѣ—всѣ говорятъ по-Нѣмецки (**). И такъ до появленія южныхъ Нѣмцевъ или

(*) Отчего страна та и получила названіе *Саксоніи*. Послѣ Вердюнскаго же договора, въ половинѣ IX вѣка, границею Нѣмецкихъ маркграфствъ были рѣки Сала и Эльба; въ странахъ по сю сторону Эльбы Нѣмцы стали утверждаться по немногу только съ половины X вѣка, съ основаніемъ маркграфствъ: Мейсенскаго въ Мисніи, Саксонскаго въ землѣ Сорабовъ и Шлезвигскаго въ странахъ Поморскихъ Славянъ.

(**) Въ странѣ Славянскаго племени Липовъ, въ Люнебургскихъ областяхъ, *долѣе всего держалось Славянство*; въ первой половинѣ прошедшаго

Швабовъ въ землѣ Словаковъ въ IX вѣкѣ, и Сѣверныхъ Нѣмцевъ или Саксоновъ въ Великой Сербіи и Поморьѣ въ X вѣкѣ, вся Восточная Германія была заселена племенами Славянскими; ясно, что Нѣмцы, начавшіе здѣсь утверждаться съ IX и X вѣковъ, были племя пришлое, а Славянскія племена Поморянъ, Сорабовъ, Чеховъ, Закарпатскихъ Русиновъ, Словенъ были туземцы въ Великой Германіи, какими бы именами ихъ ни называли чужестранцы; слѣдственно войска, набиравшіяся между народами Великой Германіи и выходившія отсюда въ южную Европу въ VIII, VII, VI, V, IV, III, II и I вѣкахъ по Р. Х., принадлежали къ которымъ нибудь изъ этихъ Славянскихъ племенъ, хотя бы иноплеменники называли ихъ не Велетами а Weltae, не Сербами а Servetii, не Ляхами а Ligi, не Чехами а Sigi, Zigi, Ziginni, не Крайнцами, а Carni и проч. Такъ заставляетъ принять историческая логика, и выводъ ея въ полнѣ подтверждается соображеніемъ свидѣтельствъ древнихъ и среднихъ вѣковъ.

—Нечего сказать: Булгаринъ умѣетъ *передѣлывать* чужія мысли! узнать не льзя: такъ все измѣнено!

—Но въ томъ отрывкѣ, который вы прочли, говорится только о поселеніи Нѣмецкаго племени въ Восточной Германіи и образованіи Нѣмецкаго Эрц-герцогства Австрійскаго среди Словенъ, и Нѣмецкаго королевства Прусскаго среди Балтійскихъ Сербовъ; о Славянской литургіи, которая держалась за Эльбою даже до 1751 года, слѣдственно до половины прошлаго вѣка; наконецъ, о покоренія и прочихъ Славянскихъ племенъ, Чеховъ, за-Карпатскихъ Русиновъ и другихъ. А Булгаринъ утверждалъ, будто бы и *Франки*, и *Саксоны*, и *Баварцы* суть *Славянской чистой крови*, по мнѣнію Малка.

—Это опять собственная выдумка, Ѳаддея Венедиктовича или онъ совсѣмъ не понималъ того, что читалъ. Шлецеръ призналъ, въ своей Nordische Geschichte (стр. 234), что Франконія съ VIII вѣка уже является какъ страна *Славянская*; покорители Галліи были Франки; слѣдственно, они вышли изъ Франконіи: ясно! А такъ какъ изъ

вѣка въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще можно было встрѣтить Славянскій языкъ и Славянскіе нравы; въ 1751-мъ году, *въ послѣдній* разъ, тамъ проповѣдывали на Славянскомъ языкѣ. Линоны принуждены были принять Нѣмецкихъ учителей и проповѣдниковъ: 1751 wurde hier zum letzenmal slavich gepredigt, dann bekamen die Linonen deutsche Schulmeister und Prediger. См. замѣчательную статью die schlavisch-germanische Völkermischung (Allgemeine Zeitung. 1841. № 141, мая 21.)

грамматъ и лѣтописей, равно изъ *существовавшихъ еще* во время Шлецера *Славянскихъ слѣдовъ*—извѣстно достовѣрно, что Франконія была населена *племенемъ Славянскимъ*, то ясно, что и покорители Галліи были именно Франконскіе Славяне. Вотъ почему лѣтописи среднихъ вѣковъ и утверждали, что Франки не понимаютъ Алламанновъ или Нѣмцевъ, что языки ихъ совершенно различны: разумѣется – Нѣмецъ не пойметъ Славянина и обратно. Профессоръ Морошкинъ, увлекшись созвучіемъ Sac-labi и Sac-sones, призналъ было Саксоновъ Славянами, въ слѣдствіе чего и Франковъ не понимавшихъ по-Саксонски объявилъ Нѣмцами; Савельевъ прямо возсталъ противъ этого, (въ главѣ о Франкахъ, и жителяхъ Vindiliciae):

Есть имена книжныя и есть имена народныя: то имя только и принадлежитъ народу, которымъ онъ самъ себя называетъ—прочія всѣ книжныя: писатель ошибочно можетъ распространять и сокращать предѣлы, занимаемые какимъ либо племенемъ, но это будетъ ошибка писателя, не болѣе. Согласенъ, что низовье Лабы (Эльбы) и далѣе вся страна до Одера занята была Славянами, именно Поморянами (въ общемъ смыслѣ); согласенъ, что коренное населеніе сихъ земель было Славянское, а не Тевтонское; но не должно также забывать, что: 1) Сорабы, вторгавшіеся въ 780 году, дѣйствовали какъ союзники побѣжденнаго Карломъ Витекинда Саксонскаго, который, по родственнымъ связямъ съ Германскими Славянскими Домами, долго скрывался въ странахъ по-Лабскихъ и за-Лабскихъ. По усмиреніи Сорабовъ выступаютъ: 2) Велеты, какъ союзники опять Витекинда, и послѣ 885 года Карлъ Великій долженъ былъ дѣйствовать противъ Короля Драговита, который, видя опустошеніе своей земли, раззоренной Карломъ въ 889 году, принужденъ былъ просить мира, обязавшись платить ежегодную дань; такимъ образомъ, по-Лабскіе и за-Лабскіе Славяне (Сорабы и Велеты), обративъ на себя оружіе Карла, какъ *союзники* Саксоновъ, были *смѣшиваемы въ понятіи лѣтописцевъ* съ сими послѣдними, разумѣется, *несправедливо*, потому что 3) *въ эпоху чисто-историческую* мы не находимъ *ни одного Славянскаго племени, которое само себя называлобъ Саксами, Саксонами, тогда какъ съ древнѣйшихъ временъ донынѣ, племемъ Саксоновъ называютъ себя Тевтоны, Тейтшеры, Нѣмцы.* Хотя это племенное имя сѣвернаго Нѣмецкаго народа замѣнилось повсюду мѣстными названіями: Голандія (Hochland, Holland), Нидерланды (Nieder-land, Низовье), Вестфалія, Ганноверъ и проч. и удержалось только на Сорабіи, которая, бывъ окончательно завоевана Тевтонскими преемниками Карла Великаго, могла считаться прочнымъ владѣніемъ ихъ лишь со временъ Генриха Саксонскаго, наполнившаго ее Нѣмецко-Саксонскими поселен-

цами въ укрѣпленныхъ бургахъ (*): однако жь это было въ половинѣ X вѣка, да и тутъ *Саксонами* назывались не Сорабы, а *Нѣмецкіе ихъ завоеватели и онѣмечившіеся ихъ друзья и подданные.* И такъ народное употребленіе лучше всего обнаруживаетъ, какъ заблужденіе тѣхъ лѣтописцевъ, которые по-Лабскихъ Славянъ называли Саксонами, такъ и ошибку почтеннаго Московскаго профессора, который увлекся созвучіями между Saxones (Sac-sones) и Sac-labi, Sc-lavini, хотя между всѣми этими именами *сходство* звуковъ *совершенно случайное.*

По этому, историческая Логика, сообразивъ все выше изложенное, заставляетъ принять Саксоновъ VIII и IX столѣтій Сѣверно-Нѣмецкими племенами, не смотря на то, что имя ихъ ошибочно было распространяемо на ихъ Славянскихъ союзниковъ, Велетовъ и Сорабовъ. Если же Франки IV, V, VI и VII столѣтій не принадлежали къ Аламанамъ (Швабамъ) или южнымъ Нѣмецкимъ племенамъ, а между тѣмъ, по сознанію Шлецера, жители Франконіи съ VIII вѣка являются Славянами: то ясно, что Франки выходившіе въ Галлію въ IV и V вѣкахъ, должны имѣть народное сродство не съ Нѣмцами, между которыми не видимъ никакого племени Франковъ, но съ тѣми Франками, которые искони жили во Франконіи, а съ VIII вѣка извѣстны какъ племя Славянское.

—Видите ли какъ *логически* изложено дѣло о Франкахъ! Вотъ почему въ Латинскихъ грамматахъ Франкскихъ королей всѣ слова Франкскія безъ объясненія понятны

(*) Такимъ образомъ совершено было *онѣмеченіе* того края; многіе благородные Сорабы принуждены были перемѣнить свое имя на Нѣмецкое, другіе приняли Нѣмецкія прозвища отъ имени своихъ вотчинъ; родоначальники древнѣйшихъ Нѣмецкихъ фамилій въ Сорабіи, Лузаціи, западной Прусской Силезіи и Мекленбургѣ были *Славяне, волею и неволею онѣмечившіеся.* Славянское окончаніе *ъ* замѣнили Нѣмецкимъ *tz*, Славянское *овъ* Нѣмецкое *au*, Славянскія *инъ* или *ы* Нѣмецкимъ *y*; такъ изъ Славянскихъ именъ и прозвищъ явились онѣмеченные Kokeritz, Konneritz, Nostitz, Miltitz, Nesemuschl и проч. (Смотри Geschichte des Kurstaates und Königr. Sachsen, von E. W. Böttiger, т. I, стр. 134 и др.). Въ *Лейпцигѣ* (Липецкѣ) еще въ 1327 году *говорили по-Славянски*; но въ концѣ XIV вѣка въ Сорабіи уже запрещено было судебное употребленіе Славянскаго языка. Впрочемъ только въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, именно съ 1723 года, совершился окончательный переходъ всѣхъ Славянскихъ элементовъ въ Нѣмецкіе, слѣды чего замѣтны какъ въ Славянскомъ оттѣнкѣ Нѣмецкой одежды Саксонскаго крестьянина, такъ и въ Славянской мягкости и нѣжности верхне-Саксонскаго нарѣчія, возникшаго на Славянской почвѣ. Въ Галлѣ потомки Сорабовъ, соловары, хотя говорятъ по-Нѣмецки; однако по старой ненависти къ Нѣмцамъ, не принимаютъ къ себѣ въ товарищество ни одного Нѣмца, хотя не запрещаютъ жениться на Нѣмкахъ. (Allgem. Zeit. 1841.)

Славянину. Савельевъ представилъ, не десять, не двадцать, а *сотни* такихъ словъ. Онъ показалъ потомъ (въ отвѣтѣ В. В. Игнатовичу), что и весь *политическій бытъ* Франковъ совершенно Славянскій; обратилъ въ свою пользу остроумное объясненіе О. П. Сенковскаго, что слово allod есть просто wallod (володѣніе, владѣніе, по-польски wloda), и съ удивительною легкостію объяснилъ названія династій королей Міровеева племени. Если Франки были Славяне, то нѣтъ ничего страннаго, что короли носили имена Славянскія. Когда *извѣстно*, что родоначальникъ Франкскихъ королей носилъ Славянское имя *Маркомiръ* (Marcomir), то Савельевъ уже ни чуть въ томъ не виноватъ; равно и въ томъ, что его сынъ былъ *Вяромундъ* (Pharomund). Имя Pharomund не существовало у Нѣмцевъ, а между тѣмъ у Славянъ отыскивается прототипъ его, *Вяромундъ*: виноватъ ли въ томъ Савельевъ? — «Такъ по этому Франкскій Король Pharomund есть нашъ братъ Славянинъ *Вѣромундъ*, точно также какъ *Жигимундъ*?» восклицаетъ удивленный Булгаринъ. — Да, точно также, ибо наше слово *вѣра* произносится на западѣ wiara (*вяра*).

По мнѣнію «Маяка», *Веймаръ* это Славянскій Воймiръ («о, вей міръ!»—восклицаніе жида); *Баренть* — это нашъ Барутъ или Берутъ; *Бранденбургъ*—Брянборъ; *Мюнхенъ*—нашъ Мниховъ; *Радштадъ*—Радградъ.

—Это ужъ изъ рукъ вонъ!.... какъ это ученый Ѳ. В. не смѣкнулъ дѣломъ, что это возстановленіе искаженныхъ Нѣмцами именъ Славянскихъ, принадлежитъ не Маяку, не Савельеву, а Шафарику, котораго такъ боготворитъ самобытный г-нъ Булгаринъ. Всѣ эти имена стоятъ на *Шафариковой картѣ Славянскихъ земель*. Знать Ѳ. В. и не видалъ этой важной и необходимой для историковъ и географовъ карты....

—Да какъ же вы хотите, чтобъ онъ смотрѣлъ на Slovansky Zemevid od P. i. Safarika, изданный v Prase 1842 года. Этотъ «Славянскій землевидъ» приложенъ къ Чешскому подлиннику новѣйшаго сочиненія Шафарикова «Славянское Народописаніе», которое переведено Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ и также издано съ Чешскою картою: разумѣется, подлинника г-нъ Булгаринъ и не читалъ, а за переводъ и не принимался, по-

тому что слишкомъ хорошо знакомъ съ Бодянскимъ по его критической статьѣ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (1836) о книгѣ «Россія въ историческомъ отношеніи».

—Сей часъ мы достанемъ эту карту, сказалъ хозяинъ. Посмотримъ, какъ Славяне зовутъ эти города, хотя уже и онѣмеченные. Vojmir, Barut, Branibor, Muichov: такъ чему жь удивляется Булгаринъ? Даже вмѣсто нѣмецкаго названія *Лайбахъ* онъ тутъ увидитъ Ljubijana, вмѣсто *Аграмъ* просто Zagreb, вмѣсто *Лейпцигъ* Lipsko, вмѣсто *Дрезденъ* Drazdany и проч. Что же дѣлать, если наши Славянскіе братья въ Германіи *до нынѣ* такъ зовутъ *старинные города свои*, которыми овладѣли Нѣмцы? Ни Шафарикъ ни Савельевъ тутъ не виноваты ни душой ни тѣломъ: одинъ поставилъ на картѣ Славянскаго міра и названія Славянскія, а другой употребилъ это въ дѣло при своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ; Булгаринъ, не зная *какъ* называются у Славянъ эти города, вообразилъ, что Савельевъ *самъ* это *выдумалъ*, и чтобы унизить Русскаго ученаго—превознесъ Чешскаго, у котораго будто бы нѣтъ ничего подобнаго — тогда какъ Русскій ученый цѣликомъ все это заимствовалъ у Чешскаго.

—Смѣлость удивительная! Ссылаться на Шафарика, для обвиненія Савельева въ выдумкѣ, тогда какъ вся разница въ томъ только, что у Шафарика эти названія выставлены буквами Латинскими, а у Савельева Русскими....

—Но Булгаринъ тутъ не остановился. Послушайте, что далѣе онъ *сочиняетъ* для утѣхи читателей «Сѣверной Пчелы»:

1) Галлы, по мнѣнію Маяка, такъ же пестые Славяне, и назывались Голые, или, какъ говорится, Голь. У насъ есть поговорка: «голь хитра на выдумки, и не потому ли Французы такъ изобрѣтательны!—2) Эту Славянскую *голь* прозвали послѣ пѣтухами, потому что они *пѣтушились, надѣвъ Римскіе плащи*, и Маякъ называетъ ихъ плащеносными пѣтухами, въ противоположность пѣтуховъ-шароварниковъ (амъ?). 3) И такъ нынѣшніе Французы двойные Славяне, потому что Галлы (наша голь) и Франки—Славяне; вотъ почему мы такъ любимъ Французскій языкъ и вообще Французовъ! еслибъ это знали Французы до 1812 года, вѣрно не пришли бы разорять отечество своихъ братьевъ. Но вѣдь и Италія населена Славянами: Лигурія—это Лугурія; Таврины (Taurini), заграждавшіе путь Аннибалу чрезъ Альпы, это наши Туровцы.

—Такъ *изворотить смыслъ* разбираемаго сочиненія могъ только одинъ творецъ «Выжигина»! Онъ увѣряетъ, будто бы имя Galli значитъ, по мнѣнію Малка, *голь* и происходитъ отъ Русской пословицы «голь хитра на выдумки»; но Савельевъ отъ роду не говорилъ подобной нелѣпицы: ему и въ мысль не приходило объяснять *Латинское* слово *Русскою пословицею*. Онъ показалъ, что имя Galli было употребляемо слишкомъ въ обширномъ значеніи, распространялось и на Кельтовъ и на Краинцевъ и на Венетянъ и на Чеховъ или Бойевъ; а Краинцы (Carni), Венетяне (Veneti) и Бойи (Boji) суть племена *Славянскія;* слѣдственно Gallами Римляне звали и Кельтовъ и *Славянъ*. Конечно, Булгаринъ не больно силенъ въ Латинскомъ языкѣ, смѣшиваетъ Comes Castrensis (начальника лагеря) съ *кастратомъ*, но все же вѣдь могъ бы онъ достать Латинскій лексиконъ и пріискать затрудняющія его слова. Пусть онъ возметъ хоть «Карманный Латино-Русскій словарь, составленный А. Болдыревымъ» (1840); тамъ на стр. 174 онъ прочелъ бы: «gallus, i, m. *пѣтухъ*.» Виноватъ ли Савельевъ, что имя Galli значитъ по-русски *Пѣтухи?*

—Но зачѣмъ же онъ состроилъ смѣшную гипотезу, будто бы Славянская голь надѣла Римскіе плаши и нѣтушилась? зачѣмъ выдумываетъ страшныя названія: *плащеносные, шараварники?*

—А скажите: читали вы статьи Савельева? — спросилъ Петербургскаго поэта Московскій юноша-студентъ.

—Да, я просматривалъ ихъ...

—То-то и бѣда, что вы только *просматривали* ихъ, повѣривъ на слово Булгарину, и *прослотрѣли* все существенное потому, что изслѣдованія Савельева надобно *изучать*, а не переглядывать, какъ «Россію въ историческомъ отношеніи». При внимательномъ чтеніи, вы увидѣли бы, что все это выдумки сочинителя «Россіи».

—Можетъ ли быть?

—Не *можетъ быть*, а дѣйствительно *есть*. Савельевъ никогда самъ не выдумывалъ названій; онъ только *перевелъ* тѣ прозвища, которыя давались *Римлянами* обитателямъ Верхней Италіи. Но онъ не виноватъ, что Латинское прозвище galli braccati по-Русски значитъ *пѣтухи шараварники*, а другое прозвище galli togati *пѣтухи плащеносные;* не виноватъ и въ томъ, что Булгарину

неизвѣстны слова: bracca, ae, или: braccae, arum по-русски *шаровары*, *порты*, braccatus *одѣтый въ шаросары*, toga togae, *плащъ*.

—Не почему же *такъ* ихъ прозвали Римляне?

—Это и старался *объяснить* Савельевъ двумя причинами: мѣстною, географическою, и общимъ обычаемъ сосѣдей давать ругательныя прозвища другъ другу; и что очень замѣчательно, объясненіе Савельева совпало съ объясненіемъ извѣстнаго Славянista Коллара. Позвольте я вамъ отыщу это. Въ Февральской же книжкѣ (1844, т. XIII, гл. III, стр. 148) Савельевъ писалъ:

Славянское племя Чеховъ, извѣстное у иноплеменниковъ подъ именемъ Богемцевъ, искони обитало на сей землѣ, и было извѣстно даже Геродоту подъ своимъ собственнымъ именемъ (Sigi, Zigi, Siginni, Ziginni), между тѣмъ какъ Римляне эту Чехію называли Богеміей, страною Бойевъ или Квадовъ. Правда, Римскіе писатели называли ихъ *Галлами*; но имя *Галловъ* было распространяемо у Римлянъ на весь Европейскій западъ, даже на Адріатическихъ Венетовъ съ Крайнцами, въ славянствѣ которыхъ уже нѣтъ ни какого сомнѣнія. Помпоній Мела, указывая на Адріатическое море, именно говоритъ, что Крайнцы и Венеты населяютъ Галлію Тогату: Sinistra parte Adriatici maris Carni et Veneti colunt Togatam Galliam (*), тогда какъ Полибій опредѣлительно говоритъ, что Венеты *отличаются* отъ Галловъ *языкомъ*. Ясно, что имя Галловъ употреблялось древними *слишкомъ въ обширномъ значеніи*, распространяясь на всю Западную Европу, и потому *не всегда* можетъ служить указаніемъ на *племенное* отношеніе.

—Положивъ, такимъ образомъ, въ основаніе разысканій *фактъ*, что Римляне звали Gall'ами *и Славянъ* (а не однихъ Кельтовъ), Савельевъ приступилъ въ «Отвѣтѣ Игнатовичу» къ объясненію: *откуда* могло явиться это прозвище? Въ Сентябрьской книжкѣ «Маяка» (1844, т. XVII, гл. III, стр 42—43), онъ такъ объяснилъ свои мысли:

Языкъ обитателей Велето-Сербскаго Кута, разумѣется, долженъ былъ сходствовать съ языкомъ иноплеменныхъ южныхъ народовъ, именно: Словенскихъ Крайнцевъ и Бенетянъ, которыхъ Римляне *въ насмѣшку* называли Плащеносными Цѣтухами, Galli Togati, а *не въ смыслъ одинаковости произхожденія* съ жителями Кельтики (между Пиринеями и Рейномъ),—ибо

(*) Помпоній Мела lib., II., стр. 4.

языкъ тѣхъ и другихъ былъ совершенно различный, по свидѣтельству Полибія, утверждающаго, что Veneti gens vetustissima in Italia et alia a Gallis utentes lingua, т. е. «Веneты народъ древнѣйшій въ Италіи, говорящій другимъ языкомъ, нежели Галлы.» И такъ *почему же* этихъ туземцевъ Верхней Италіи прозвали Римляне Gall'ами, Пѣтухами, равно какъ и Кельтовъ между Пиринеями и Рейномъ? Просто, по причинѣ одинаковой пѣтушиной задорности, съ которою оба эти народа осмѣливались тревожить Римскія владѣнія; другая причина была слѣдующая: Верхнюю Италію прорѣзываетъ въ разныхъ направленіяхъ цѣпь высокихъ лѣсистыхъ Альповъ; а высокія горы, покрытыя лѣсомъ, выражаются у Славянскихъ народовъ однимъ словомъ: *голы*—это слово, донынѣ существующее у Карпатской Руси и Словенцевъ, дало производныя: *Голяне* или *Голене*, мѣстное прозвище Лужицкихъ Сербовъ. и *Головитатели*, *Головиты* (обитатели *голъ*), мѣстное прозвище Альпійскихъ Словенцевъ, изъ чего Римляне сдѣлали имя Helveti, Helvetii, а въ насмѣшку Galli т. е. Пѣтухи (·).

(·) Sinistra parte Adriatici maris *Carni* et *Veneti* colunt Togatam *Galliam*, говоритъ Помп. Мела, II; сар. 4 —О различіи ихъ языка отъ настоящихъ Кельтовъ см. Polib. II, 17.—Древніе любили давать сосѣднимъ прозвища насмѣшливыя; такъ напримѣръ. Греки, *живо* утвердившись на Аппенинскомъ полуостровѣ, назвали жителей *телятами*: Italia dicta, quod magnus *italos* i. e. boves habet (Festus); напротивъ, Латинскія племена назвали своихъ *отважныхъ* сосѣдей въ сѣверной или верхней Италіи *Galli* (*Пѣтухи*). Эта пѣтушья земля (Gallia) называлась *Плащеносною* (Gallia Togata, отъ toga, *плащъ*), *Ближнею* (Gallia Citerior) и *Предъ-Альпійскою* (Gallia Cis-Alpina), въ отличіе отъ настоящей Кельтической, которую Италіянцы прозвали Пѣтушьею землею *За-Альпійскою* (Gallia Trans-alpina), *Дальнею* (Ulterior), а жителей вообще *Шароварниками* (Galli Braccati) и *Длинноволосыми* (Comati). Завоеватель той отдаленной Пѣтушьей страны, Юлій Цезарь, основываясь на *различіи языковъ*, раздѣлилъ ее на три части: I. Бельгическую на сѣверо-востокѣ у Рейна, II. Кельтическую (при Августѣ Лугдунскую) въ срединѣ до Ролана и Гарумны, и III. Поморскую или Аквитанскую, между Гарумною и Пиринеями на сѣверо-Западѣ; завоеванная прежде Римлянами, IV, юго-восточная часть называлась Нарбонскою.—Страбонъ сохранилъ преданіе о родствѣ Дально-Пѣтушьихъ Венетовъ съ Адріатическими Венетянами: (hos ego Venetos (ad Oceanum Belgiae) existimo Venetiarum in Adriatico sino esse autores (nam fere omnes Galli, qui in Italia sunt, ex Transalpinis eo immigraverint, ut Boji et Sennones) cum Paflagonis, quia illi quoque Henetі sive Veneti appelantur. (Strabo, I, 4). Древніе не сохранили намъ изъ языка Адріатическихъ Венетовъ ничего кромѣ собственныхъ именъ, и то весьма искаженныхъ—хотя каждый Славянинъ безъ долгаго изслѣдованія узнаетъ въ нихъ *свое*, опредѣлитъ корень и значеніе слова; только Плиній замѣтилъ, что растеніе

—И надобно сказать правду, замѣтилъ хозяинъ: объясненіе И. В. Савельева чрезвычайно хорошо полсняетъ нѣкоторыя событія Римской исторіи, на примѣръ: нашествіе Gall'овъ на Римъ, которое доселѣ никѣмъ не было представлено въ такомъ разительно-ясномъ видѣ.

—Да-съ, продолжалъ юноша: подтвержденіе новыми доказательствами мысли Венелина, что Etrusci суть Rhetі (Словене) проливаетъ яркій свѣтъ на событія древности. Савельевъ прекрасно разобралъ мнѣнія знаменитаго Нибура объ этомъ предметѣ, и показалъ, что Діонисій правъ утверждая, что Etrusci, удалившіеся обратно изъ средней Италіи, въ свои Rhet'ійскія Альпы, сами себя называли Rasena ибо часть сѣверныхъ сосѣдей Италіи, *Словиновъ*, по-гречески Rhet'овъ, донынѣ себя называетъ именно такъ: *Резіяне*; обзоромъ же Славянскихъ племенъ, жившихъ и между Кельтами, раскрыта истинная причина нашествія Славянъ и Кельтовъ на Римъ, подъ *общимъ* для обоихъ племенъ именемъ Gall'овъ.

—Но все какъ-то странно слышать объясненія мѣстности тѣхъ странъ языкомъ Славянскимъ.

—Впрочемъ, сказалъ одинъ изъ гостей: тутъ главное *фактъ*. Если доказано, что въ Верхней Италіи жили *Кельты и Славяне*, и если древніе сами свидѣтельствуютъ, что Taurini одного происхожденія съ Lygur'ами, Lygures же совершенно *отличны отъ Кельтовъ*, то ясно, что изъ этихъ объясненій Плинія и Страбона *необходимо* должно вывесть заключеніе о *Славянскомъ* происхожденіи всѣхъ трехъ племенъ. Тутъ не этимологія, а *здравомысліе*, *Логика*; корнесловіе здѣсь уже должно явиться второстепеннымъ, хотя также важнымъ, подтвержденіемъ мысли Савельева. И посмотрите, какъ естественно, безъ всякой натяжки, возстановляется древняя географія, не смотря на ужаснѣйшую порчу собственныхъ именъ Римлянами и варварами переписчиками среднихъ вѣковъ!—Что же *страннаго* находитъ

halus у Венетовъ Адріатическихъ называется cotones: у Западныхъ Славянъ (какъ утверждаетъ Варшавскій ученый Суровецкій) это растеніе и донынѣ именуется kotowka. Не смотря на порчу именъ какъ Римлянами такъ и переписчиками среднихъ вѣковъ, Славянская форма названій Верхней Италіи и отчасти Галліи, *засвидѣтельствованная Страбономъ*, легко возстановляется въ первобытной ясности.

Булгаринъ въ словахъ И. В. Савельева (т. XVII, гл. III, стр. 45) о Туринцахъ или Туровцахъ:

Туровцы, Taurini, заграждавшіе путь Аннибалу чрезъ Альпы, по свидѣтельству Страбона и Плиніи, были одного происхожденія съ южными своими сосѣдями, Лугарями; на западѣ они граничили съ Греческими Альпами (Alpes Grajae). У этихъ За-паданскихъ Пѣтуховъ были города: Mantua (ср. Мунтиміръ и жен. Мѣнта), Cremona (Кремнина, Кремль), Bedriacum (отъ бедро), Comum (Холмъ), Mediolanum (Миланъ), Ticinum (Тычинъ) нынѣ Павія.—Страна *Лигурія*, Liguria, получила названіе отъ жителей, *Лугарей*, Lygures, которые были, по свидѣтельству Страбона, совершенно отличны отъ Кельтовъ. Лугари здѣсь распространялись по морскому берегу до Альпійскихъ горъ; города Лугарскіе: Genua (сравните наши слова: жена, жнива); Luna (Луна), нынѣ Каррара; Luca (лука=лѣсъ, у насъ Великіе Луки). Другіе Galli-Rheti (Словенскіе Пѣтухи), —которые сами себя называли *Расѳуаі* (*Расины*, по Рейхлиновскому произношенію, Rhasenae по Эразмовскому), а у Латинскихъ племенъ слыли подъ именемъ Тусковъ (Tusci)—пробрались далѣе, покорили себѣ Тирренію (Tyrsenia, Tyrrhenia) и основали тамъ 12 *воеводствъ*, какъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій (*ηγεμονίαι*), въ числѣ которыхъ одно называлось прямо *Русскимъ*.

—Гдѣ же тутъ сказано, что *вся Италія населена Славянами*?

—Тутъ нѣтъ, и нигдѣ нѣтъ, ибо все это *выдумано* самимъ Булгаринымъ; а что въ *верхней Италіи* дѣйствительно жили и отчасти донынѣ живутъ Славяне, то это также неоспоримо. Пусть хоть прочтетъ г-нъ Булгаринъ въ «Москвитянинѣ» статьи профессора Срезневскаго о Фріульскихъ Славянахъ и о путешествіи Коллара.

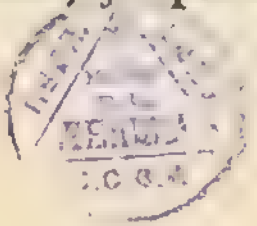
—Ну, а гдѣ же тутъ сказано, будто *нынѣшніе Французы* суть *двойные Славяне*?

—И этого также у Савельева нѣтъ.

—Значитъ, Булгаринъ опять *сочинилъ*, и *свое* произведеніе приписалъ И. В. Савельеву.

—Значитъ такъ.

—Но вотъ забавное обстоятельство, сказалъ хозяинъ: не зная по-гречески, Ѳ. В. не зналъ, что греческое имя Rheti по-русски значитъ *Словене*, и если древніе говорятъ, что народъ извѣстный у Итальянцевъ подъ именемъ Etrusci, у Грековъ назывался Rhet'ами (Словенами),



то ясно, что и всѣ названія Etrusc'ихъ воеводствъ должны быть объясняемы языкомъ *Славянскимъ*. Савельевъ и объяснилъ всѣ названія, какъ не льзя удачнѣе. Но Булгаринъ, не видя этой послѣдовательности *логической*, вообразилъ, будто здѣсь у Савельева все основано *только* на *созвучіяхъ*, и съ полнымъ торжествомъ воскликнулъ:

А вотъ еще кое что милѣе. Въ книжкѣ XXXIII Маяка, отд. Матер. стр. 46 напечатано: «Словенскіе Пѣтухи (сирѣчь Голь, Галлы), завоевавъ часть Средней Италіи (Тирренію), дозволили въ одномъ изъ покоренныхъ городовъ учредить *торгъ виномъ*, изъ чего Итальянцы и составили имя Torgvini (торгъ-вина) или Torquinii. И такъ городъ Торквинии—виноторговля, а Тарквиній—виноторговецъ! за это Маякъ стопъ тоста!

—Но чтожь прикажете дѣлать, если *такъ*? Савельевъ привелъ объясненія Страбона, Овидія, Цицерона, и видя явную несообразность ихъ толкованій, прибѣгнулъ къ *Титу-Ливію*, и на *основаніи* этого славнаго писателя, *объяснилъ* имя Tarquinii языкомъ *Славянскимъ*, и имѣлъ полное право, ибо Etrusci, по свидѣтельству Ливія были Rheti (Словене). Не Нѣмецкимъ же языкомъ объяснять названіе Словенскаго города!

На югѣ ближе къ Риму, было также учреждено четыре воеводства: Tarquinii,—имя данное городу, по мнѣнію Страбона, отъ баснословнаго Лидійцина Таркона, который будто бы способствовалъ господину Тирренну построить 12 городовъ; по мнѣнію Цицерона и Овидія, отъ небывалаго Таргеса, который будто бы произошелъ отъ глыбы земли, отдѣленной плугомъ одного пахаря, и научилъ Этрусковъ предсказаніямъ; но мнѣ кажется, тутъ надобно вспомнить слова Тита Ливія (V, 33: eam gentem, traditur fama, dulcedine frugum, maximeque vini, nova tum voluptate, captam, Alpes transisse), изъ которыхъ можно съ вѣроятностію заключать, что Galli—Rheti, (Словенскіе пѣтухи), завоевавъ часть Средней Италіи (Тирренію) дозволили въ одномъ изъ покоренныхъ городовъ учредить *торгъ виномъ*, изъ чего Итальянцы и составили имя Torgvini (Torquinii).

—Но неужели *городъ* могъ называться *торгомъ*?

—А почему же нѣтъ? Посмотрите въ «Корнесловъ Русскаго языка», составленный покойнымъ Шишковымъ: вы найдете, что даже и у насъ слово *торгъ* меж-

ду прочимъ означаетъ «*лѣсто*, на которомъ продаются товары». Вотъ почему и у насъ есть городъ *Торгъ* или въ уменьшительной формѣ *Торжёкъ*, а у нашихъ сопле-менниковъ, Краинскихъ Словенцевъ, былъ богатый при-морскій торговый городъ, который назывался *Торгостъ* (Торгъ-гость), послѣ покоренія Римлянами извѣстенъ былъ у завоевателей подъ именемъ Tergeste, а нынѣ у Славянъ называется *Тргестъ*, а у иноземцевъ *Трiестъ*. Припомните, что *гостями* назывались купцы иноземные; слѣдственно самое названіе показываетъ, что этотъ приморскій городъ былъ рынокъ (торгъ) для куп-цовъ иноземныхъ (гостей); также точно, другой торго-вый городъ былъ мѣстомъ складки своихъ винъ, подоб-но какому нибудь Порто, Бордо, Коньяку и проч. Но Булгаринъ, не понимая этого, и думая, что уже своимъ тостомъ убилъ «Маякъ», восклицаетъ:

Но что значитъ *торгъ-винный*, или Тарквиній, когда и самъ Титъ-Ливій, краснорѣчивый Римскій историкъ, *такой же Славянинъ*, какъ и самъ издатель Маяка! Римскій историкъ, по рѣшенію Маяка, назывался *Тиръ-Ливцо*, изъ чего Римляне сдѣлали Тита-Ливія.

— На видимой *опечаткѣ* Булгаринъ воздвигъ огром-нѣйшее обвиненіе, и торжествуетъ! Имя Тита-Ливія упо-миналось въ статьяхъ П. В. Савельева разъ двадцать; изъ Римской Исторіи Тита-Ливія приводились мѣста нѣ-сколько разъ *по-латинѣ*; кромѣ того, помѣщено было въ «Маякѣ» же біографическое извѣстіе о Титѣ-Ливіи, и *нигдѣ онъ не названъ Славяниномъ*. Но Савельевъ не вино-ватъ же, что Падуа, названная своими Rhet'ійскими (Сло-венскими) жителями отъ сосѣдняго *водопада*, была городъ Словенскій, хотя въ послѣдствіи и *олатинѣлъ*. Савель-евъ превосходно представилъ, *какими средствами* Римское правительство при Августѣ умѣло *олатинить* большую часть Дунайскихъ городовъ Словенскихъ, хотя и не ус-пѣло окончательно искоренить Славянства, что свидѣ-тельствуется именами Славянскихъ божествъ, которымъ воздвигались храмы и алтари даже во время Діоклитіа-на: Бѣл-богъ или *Бѣленъ* (Belen), *Чартъ* (Chartus), Пе-рунъ или *Беронъ*-громовержецъ (Beron-tonans), *Гуслянъ* (Guslan), *Ладо* (Lato, Latobius), *Бѣдай* (Bedajus) и проч.— Какъ же послѣ этого не догадаться, что если 20 *разъ*

стоитъ *Титъ-Ливій*, а 1 разъ *Тиръ-Ливцо*, то этотъ одинъ разъ есть *опечатка*, ибо Славянину-то нигдѣ его не называлъ Савельевъ, а напротивъ ясно и опредѣленно выразился о средствахъ къ *олатинѣнію* покоренныхъ Словенскихъ городовъ: «постоянно слѣдуя этой системѣ, Римляне успѣли уже если не *совершенно олатинить*, по крайней мѣрѣ *упрочить за собою* Приморскую Словенію. Венетская или при-островная земля, названная Venetiae, *получила на-половину Итальянскихъ жителей*» и проч. (Маякъ, 1844, Сент. XVII, гл. III, стр. 52).—Но Булгарину захотѣлось опять отличиться *сочиненіемъ*, и онъ не задумался выдумать, будто бы по мнѣнію Маяка «самъ Титъ-Ливій такой же *Славянинъ*, какъ и самъ издатель Маяка», будто бы онъ назывался *Тиръ-Ливцо*, «*изъ чего Римляне сдѣлали Тита-Ливія.*» Все это выдумки Булгарина, которыя и въ голову не приходили П. В. Савельеву, и надъ которыми самъ ихъ творецъ достойно распотѣшился передъ читателями «Сѣверной Пчелы.»

—Но за чѣмъ же Савельевъ тогда не обличилъ его въ такой *вѣжливой* придиркѣ къ *опечаткѣ*? Савельеву стоило только вполнѣ выписать слова свои, и всякій безпристрастный читатель увидѣлъ бы, какъ *искусенъ* г. Булгаринъ давать *совсѣмъ другой смыслъ* словамъ разбираемаго автора, и выворачивать ихъ на изнанку посредствомъ невинной приставки собственныхъ выдумочекъ.

—А *я* нахожу, сказалъ хозяинъ, что Савельевъ очень умно поступилъ, не желая тратить время на пустую полемику; отъ *ученаго состязанія* съ людьми *учеными* онъ вѣдь не отказывался: свидѣтельствомъ тому его «Отвѣтъ» Игнатовичу; а вѣдь Булгаринъ выдумывалъ подобныя нелѣпости только для того, чтобъ *разслѣшить* читателей: въ этомъ, какъ сей часъ увидите, онъ и самъ сознается. Увѣренный, что уже достигъ такими средствами предположенной цѣли, онъ такъ заключилъ свою статейку въ «Сѣверной Пчелѣ:»

Мы сперва думали, не находя никакихъ историческихъ или письменныхъ доказательствъ во всѣхъ этихъ нелѣпостяхъ (*такъ что «нелѣпостяхъ,» но сочиненныхъ не П. В. Савельевымъ, а самимъ, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ*), что это просто шутка, мистификація, насмѣшки надъ старинными этимологами, производившими «Вавилонъ» отъ «бабьяго-лона» и

«Навуходоносоръ» отъ «небу-угодный царь;» но, видя, что эта Славянофонія (*выдуманная вами*) безпрерывно продолжается (!), мы изумились; это какой-то историческій бредъ), (*такъ точно, Ѳ. В.: но вѣдь вы свои собственныя выдумки приписали г–ну Савельеву; слѣдственно, не ему, а вамъ по праву принадлежитъ этотъ, справедливо вами названный* историческій бредъ), который хотя и безвреденъ, но оскорбителенъ для истинной науки (*такъ точно: очень оскорбителенъ*), дѣлая изъ нея посмѣшище (!) и представляя Русскую ученость въ арлекинской одеждѣ. Вѣдь есть же люди, которые вѣрятъ въ этотъ бредъ (*принадлежащій по праву не Савельеву, а сочинителю, то есть вамъ; къ сожалѣнію точно есть люди, которые вѣрятъ въ этотъ бредъ*) и даже печатаютъ похвальные стихи (*а!!!*) въ Маякѣ же (*а!!!*) авторамъ этихъ чудосплетеній (*вотъ что! впрочемъ успокойтесь, Ѳ. В.; къ автору этихъ чудосплетеній, то есть къ вамъ, похвалныхъ стиховъ еще никто и никогда не писалъ; правда, помѣщено въ Маякѣ посланіе, только не къ вамъ, а къ двумъ молодымъ писателямъ.* Вотъ почему мы почли нашею обязанностью (!) обратить вниманіе публики на эту исторію, вывороченную на-изнанку (*браво Ѳ. В.! чудесно вывернули на-изнанку мысли г. Савельева! Ваше сочиненіе въ Сѣверной Пчелѣ по сущей справедливости можно называть исторіей вывороченной на изнанку*), которая имѣетъ точно такое же достоинство, какъ и Энеида вывороченная на изнанку, а именно, что она смѣшна (*точно–съ: ужасно смѣшна*)!

—Не далеко же уйдетъ Ѳ. Б. съ такимъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла. У Савельева разысканія о древностяхъ Славянскихъ занимаютъ въ пяти годахъ «Маяка» добрыхъ листовъ 30 печатныхъ, и составляютъ одно цѣлое, коего части взаимно одна другою поддерживаются и выясняются, а Ѳаддей Венедиктовичъ вообразилъ, будто бы возможно—и его силъ будто бы хватитъ—огромный трудъ, снискавшій автору вниманіе и благодарность всѣхъ безпристрастныхъ ученыхъ, уничтожить *двумя столбцами* «Сѣверной Пчелы.»

—Да то ли еще! Позвольте, я вспомнилъ... Пожалуйте мнѣ Сѣверную Пчелу за 1844... кажется тамъ... вотъ, сейчасъ. Точно, здѣсь, нашелъ.—Не угодно ли прослушать: 22 Января 1844, N 17, собственныя слова Ѳаддея Венедиктовича:

«Вотъ передъ нами свѣтится Маякъ! Это Журналъ современнаго просвѣщенія, искусства и образованности въ духѣ народности Русской. Издатель С. О. Бурачекъ, человѣкъ ученый, благонамѣренный, пылкій патріотъ, волею и неволею воору-

жилъ противу себя большое число литераторовъ и почти всѣ журналы... Маякъ содержитъ въ себѣ *драгоцѣнныя сокровища по части Русской Исторіи* (статьи Савельева), Статистики, Этнографіи (народописанія) и Филологіи; и въ этомъ отношеніи едва ли какой другой изъ Русскихъ частныхъ журналовъ сравнится съ нимъ. Еще одно важное обстоятельство заключаетъ въ себѣ Маякъ: онъ издается въ духѣ Религіозномъ, въ духѣ Православія, и это стремленіе (tendance) составляетъ основную характеристику журнала. Для Русскихъ людей, которые съ осторожностью почерпаютъ просвѣщеніе *изъ бездны западнаго просвѣщенія* и поглощаютъ его уже *профильтрованный* чрезъ Русскій духъ, *Маякъ*—сущій кладъ!... Признаемъ въ Маякѣ *благонамѣренность* и *прямое* стремленіе къ *истиннымъ пользамъ* нашего Отечества. Маяку, какъ журналу ежемѣсячному, имѣющему много мѣста, предстоитъ благородный и полезный подвигъ—*опровергать всѣ ложныя теоріи и косые взгляды!*

—Послѣ этого, можно ли искуснѣе посягать на самаго себя! и надо же было подъ этотъ вызовъ первому Булгарину подвернуться съ своими *ложными теоріями* Русской старины, съ своими *косыми взглядами* на истины вѣковыя, легкомысленно смѣшанныя, по *духу бездны западнаго* просвѣщенія, съ *предразсудками и суевѣріями*! И какъ хорошо эти Нѣмецкія ложныя теоріи и косые взгляды западной бездны, *профильтрованы* въ отчетѣ Маяка, въ «Прибавленіи къ его отчету», (Ноябрь, 1844) и въ критическихъ статьяхъ Савельева!

—Да, воля ваша, это грустно!

—Выдумывать обвиненія, да и тѣшиться надъ ними! И вотъ до чего доводитъ журнальная зависть къ чужому успѣху: хочешь-не-хочешь, противорѣчь собственному приговору о томъ же самомъ авторѣ, и выставляй почти-сумасшедшимъ того, о комъ прежде говорилъ, что «имѣетъ *отличныя свѣдѣнія* въ Исторіи, принимаетъ показанія древнихъ съ *величайшею осторожностью*, смотритъ на предметы Славянскими глазами!»—называй «чудосплетеніями» то, что прежде выставлялъ какъ «*прекрасныя* статьи, *дѣлающія честь автору*,» какъ «*прекрасный* трудъ,» заставляющій «*просить о продолженіи!*» какъ «*драгоцѣнныя сокровища*, сущій *кладъ*!» возглашай о «дикости» Славянъ, то есть: проповѣдуй въ «Пчелѣ» самыя тѣ понятія, которыя такъ удачно самъ же опровергнулъ въ «Россіи.» Горькая участь, «выворачивать на-изнанку» мысли разбираемаго автора, *выдумывать* нелѣпости и потомъ

ослѣпивать собственныя свои выдумки!—Жалкая участь! особенно, если писатель не забылъ, что и для *него* настанетъ потомство!

—А чѣмъ же инымъ доказать свое желаніе—повредить чужому изданію, и отомстить за правдивую, почтительную, но дѣльную критику Савельева, обличавшаго фантазіи автора «Россіи».

—И вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать мнѣніе тѣхъ, которые подозрѣвали, что лучшія мѣста книги «Россія» принадлежатъ не самому Ѳаддею Венедиктовичу, а прочимъ участникамъ въ его трудѣ: на пр. о томъ, что не льзя вѣрить, будто бы Гунны переселились отъ Китайской стѣны, что Славяне при Балтійскіе и Русскіе не были дикари и проч. Еслибъ эти мысли вышли изъ сознанія самого Булгарина, еслибъ онѣ составляли живую принадлежность его системы, то не сталъ бы онъ провозглашать въ «Сѣверной Пчелѣ» мнѣнія уже опровергнутыя имъ же въ «Россіи». Но Ѳаддей Венедиктовичъ объявилъ самъ, что сотрудникомъ его былъ г-нъ Ивановъ (нынѣ Казанскій профессоръ): *кому* же изъ нихъ принадлежатъ лучшія мнѣнія, которыми только и держалась книга «Россія», теперь уже для всѣхъ понятно.... Не сталъ бы Ѳ. В. порицать Савельева за тѣ же мнѣнія, которыя исповѣдовалъ *самъ*—если бы дѣйствительно эти мысли принадлежали не г-ну Иванову, а Ѳаддею Венедиктовичу....

—Да; Ѳ. В. положилъ себѣ писать критики такъ, чтобъ имъ никто не вѣрилъ. Вѣдь самъ же онъ предобродушно сознавался въ «Сѣверной Пчелѣ» по случаю «Уголино» (сперва расхваленнаго, а потомъ разруганнаго), что критики его пишутся: похвальныя—ради *хлѣбосольства*, бранныя—за *чужеприходство*.

—Но вѣдь такія критики вполнѣ достигаютъ своей цѣли: имъ не вѣрятъ, ихъ не уважаютъ....

Послѣ этого разговоръ естественно уклонился отъ Исторіи къ Журнальнымъ фокусъ-покусамъ. Сознаюсь, я не принималъ въ немъ участія: боялся, не равно стѣны подслушаютъ и передадутъ Сѣверной Пчелѣ—тогда и мнѣ не здобровать! А правду сказать, препоучительный разговоръ: какъ бы хорошо было, если бы всѣ гг. скорописцы-фельетонисты прислушались къ нему. Сколько истинъ спасительныхъ, назидательныхъ, залегло бы въ

ихъ критическія души, и послужило бы къ возвышенію Русской Журнальной Критики въ глазахъ людей просвѣщенныхъ и желающихъ добра и успѣховъ Русской письменности! Самъ Ѳаддей Венедиктовичъ убѣдился бы, что на Руси много грамотныхъ людей, которые слѣдятъ за всѣмъ *внимательно*, сами все *повѣряютъ*, и горько наказываютъ въ общемъ мнѣніи лживыхъ и неправедныхъ судей! Не мѣсто въ этомъ письмѣ приводить весь тотъ разговоръ; но окончательный выводъ его считаю за весьма полезное помѣстить здѣсь:

—Знаете ли, сказалъ одинъ изъ почтенныхъ любителей Русской Словесности, я, право, готовъ даже писать къ Ѳаддею Венедиктовичу. Вѣдь эти господа воображаютъ, что всѣ мы стоимъ въ ихъ кабинетѣ за стуломъ, и съ вѣрою и страхомъ читаемъ изъ за ихъ плеча все то, что сливается съ ихъ пера и печатается безъ справокъ, безъ оглядки; я готовъ написать вотъ что: «Знаете ли вы, мм. гг., всеобщую психологическую черту всего человѣчества?—Вотъ она: *бѣднякъ* надрывается казаться *богачемъ*, *трусъ* болѣе всѣхъ кричитъ о своей *храбрости*, *лгунъ* горой стоитъ за свою *правдивость*, *безсовѣстный* то и дѣло превозноситъ свою *добросовѣстность*, *пристрастный* свое *безпристрастіе*, *недоучка*—такъ и ставитъ лицемъ на показъ свою *ученость*. Короче, всякій тѣмъ-то именно и старается щеголять, чего за душой у него мало, или и вовсе нѣтъ. Таково уже *міровое* свойство всѣхъ сыновъ падшаго Адама.» Потрудитесь же, мм. гг., примѣнить эту общую теорію къ своимъ частнымъ, животрепещущимъ свѣжестью новизны, *недѣлимымъ* фактамъ индивидуальнаго *печатнаго* сознанія въ *куловствѣ* и *чужеприходствѣ* вашихъ критикъ; и хоть разъ на всегда убѣдитесь въ другой, не менѣе важной истинѣ: что вы тщетно стараетесь эти пробѣлы или недомыки истины, правды, совѣсти и проч. и проч. — восполнять своими любимыми припѣвами въ каждой статьѣ:

«По долгу *безпристрастнаго* критика, мы...

«Публика привыкла вѣрить *правдивости* нашихъ словъ, а потому...

«Мы не принадлежимъ *ни къ какой партіи* и судимъ всегда и обо всемъ *независимо*...

«Мы никогда не беремся судить о томъ, чего *не знаемъ*...

«Поступая всегда въ своихъ критикахъ добросовѣстно, мы..

И прочая и прочая. Суета суетъ! Прятать по заячьи голову, когда все туловище *наружу*....

Наконецъ разговоръ возвратился на свой Историко-литературный путь:

—А что это за похвальные стихи, за которые такъ разгнѣвался Ѳаддей Венедиктовичъ?

—Вы видѣли, какіе нашлись Ѳедору Лукичу Морошкину и Николаю Васильевичу Савельеву пристрастные судьи: одни не захотѣли *разсуждать* самостоятельно, сознать великія достоинства своего народа, а другіе хотѣли отмстить за скромное указаніе ошибокъ въ «Россіи»; но за то явились этимъ ученымъ и защитники, а въ молодомъ поколѣніи и поклонники.

—Да, это приноситъ честь нашему юношеству. Говорятъ, что стихотворное посланіе къ *Ѳ. Л. Морошкину и Н. В. Савельеву*, напечатанное въ Петербургскомъ какомъ-то журналѣ, написано однимъ изъ здѣшнихъ студентовъ, и что подъ именемъ *Утиса* скрылся даровитый питомецъ нашего Московскаго университета.

—Кто же онъ? кто?.....

—А гдѣ были напечатаны эти стихи? спросилъ одинъ изъ гостей. Не «въ Отечественныхъ ли Запискахъ?» Тамъ вѣдь было нѣсколько статей Морошкина.

—Нѣтъ, въ «Маякѣ», въ которомъ помѣщены его Историко-критическія изслѣдованія о Славянахъ и Руси. Стихи очень хороши и обнаруживаютъ самостоятельное дарованіе автора.

—Ихъ можно найдти, сказалъ хозяинъ. Они были напечатаны нынѣшнимъ лѣтомъ въ Августѣ мѣсяцѣ (·). Но прежде чѣмъ станемъ читать ихъ, я разскажу забавное обстоятельство: поэтъ, какъ самъ объясняется въ концѣ, вмѣстѣ съ Морошкинымъ и Савельевымъ, говоритъ о ихъ предшественникѣ, Венелинѣ, называя его *великимъ геніемъ*: имя, которое тотъ дѣйствительно заслуживаетъ, какъ основатель новой, или вѣрнѣе *возстановитель древней* исторической школы, искони существовавшей въ Россіи до Байера, такъ невѣжественно имъ оподозрѣнной, школы, которую такъ легкомысленно отвергали всѣ до Венелина. Морошкинъ и Савельевъ разодвину-

(·) Маякъ, 1844, т. XVI, гл. 1, стр. 17—19.

ли во многомъ первоначальный планъ Венелина, но честь *первенства* все-таки принадлежитъ ему, какъ первоначальнику новѣйшихъ розысканій; Савельевъ прекрасно выразилъ свою признательность къ своему другу и руководителю, въ надгробной надписи, о которой просили его Одесскіе Болгаре (·). Къ этой надписи относятся и послѣдніе стихи посланія. — Не сочувствуя *глубокому значенію* этой трогательной надписи (которую даже М П. Погодинъ назвалъ *прекрасною*), не возможно понять смысла многихъ стиховъ; а наши мѣлкіе литераторцы, застрѣльщики знаменитаго Ѳ. В. Булгарина, не понявъ ничего, или *не хотѣвъ* понять, отнесли эпитетъ Венелина, «великій геній» къ лицу Морошкина и Савельева, назвали поэта льстецомъ и, въ досадѣ, что не *ихъ патрона* хвалятъ, посыпали тупыми насмѣшками и на Венелина, и на Морошкина, и на Савельева, и на псевдонимъ автора посланія...

(·) Одесскіе Болгаре, собравъ подписку на сооруженіе памятника Юрію Ивановичу Венелину, обратились къ Н. В. Савельеву — съ просьбою: написать надгробіе тому, кто избралъ его продолжателемъ трудовъ своихъ (хотя завѣщаніе покойнаго и донынѣ еще не исполнено). Этотъ памятникъ, заказанный въ Италіи, и присланный изъ Одессы въ Москву, поставленъ на могилѣ Венелина, въ Даниловскомъ Монастырѣ. «Пусть хотя хладный мраморъ послужитъ выраженіемъ пламенной признательности ихъ къ покойнику, и доказательствомъ, что Болгаре умѣютъ цѣнить услуги, оказанныя ихъ отечеству,»-пишетъ благородный представитель ихъ, В. Е. Априловъ. Памятникъ состоитъ изъ большой колонны, украшенной урною съ крестомъ; на подножіи слѣдующая надпись (Н. В. Савельева) золотыми буквами:

На первой сторонѣ:

Юрію Ивановичу Венелину
Одесскіе Болгаре.
1841.

На другой сторонѣ:

Родился 1802, скончался 1839 года.

На третьей:

Напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славномъ, могущественномъ племени Болгаръ, и пламенно желалъ видѣть его возрожденіе.

На четвертой:

Боже Всемогущій! Услыши молитву раба твоего!

Въ Академическихъ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1842 года (22 Февраля, № 33) исчислены имена почтенныхъ Одесскихъ Болгаръ, которые участвовали въ подпискѣ для сооруженія памятника Ю. П. Венелину.

—Теперь неугодно ли выслушать посланіе къ Морошкину и Савельеву?

—Очень обяжете!—Прочтите! прочтите!

—И такъ начинаю: поэту приходитъ на мысль воспоминаніе о свѣжей могилѣ того, кто палъ въ борьбѣ за *истину*, и о *напрасныхъ* усиліяхъ враговъ Венелина—подавить въ зародышѣ сѣмя *исторической правды*, мученикомъ которой погибъ Юрій Ивановичъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ поэтомъ являются смѣлые продолжатели Венелинскаго дѣла, и, проникнутый восторгомъ, онъ обращается къ нимъ:

Напрасно все: вашъ *понятъ* трудъ
И оцѣненъ великій геній (·)!
Всѣ толки мелочныхъ сужденій
Ужь никогда не потрясутъ
Глубокихъ вашихъ умозрѣній.
Была пора: *чужимъ умомъ*
Жила Россія молодая;
Но совершился переломъ—
Теперь пришла чреда иная,
И *дума Русская*, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
Вдругъ свѣтлымъ брызнула ключемъ!
Давно *дней нашихъ* честь и славу
Господь избавилъ отъ враговъ:
И Шведы помнятъ про Полтаву,
И Туркамъ штыкъ нашъ не въ забаву
Блестѣлъ средь Измаильскихъ рвовъ;
И знаютъ: богатырь сѣдой
Въ поляхъ Италіи чудесной,
На Альпахъ, въ выси поднебесной
Пронесся гибельной грозой;
И страшный день Бородина,
Москвы пожаръ, Березина,
Подъ Лейпцигомъ трехдневный бой,
И день Парижа роковой
Всѣмъ будутъ памятны;—и Праги
Забытый штурмъ своей чредой

(·) Юрій Ивановичъ Венелинъ.

Напомнилъ мощный сынъ отваги,
Паскевичъ, сѣвера герой.
Теперь мы славны, но и *славу*
Пора намъ *предковъ* защитить—
Аттилы грозную державу
Во всемъ величьи воскресить:
Да, да, Славянъ рукою твердой
Себѣ востокъ онъ покорилъ,
И величавый, мощный, гордый,
Нагайкой Западу грозилъ;
Да, да, Козаки удалые
Не бѣглецовъ различныхъ сбродъ,
То наши *Руссы коренные*,
Славянъ могучихъ древній родъ.
Да, да, пора Нѣмецкихъ мнѣній
Кривые толки разобрать,
И *свѣтомъ истины* прогнать
Густую тму *пустыхъ* сомнѣній. —
И вотъ здѣсь въ мраморѣ блистаетъ,
Въ Москвѣ ролной, безсмертный ликъ;
И камень, кажется, вѣщаетъ:
«Славянскій міръ могучь, великъ!» (*)
И вотъ вашъ умъ глубокой думой
Временъ даль темную проникъ,—
И міръ Славянскій грозный, чудный,
Изъ глубины вѣковъ возникъ....
Хвала тебѣ, Венелинъ славный!
Ура, Морошкинъ-Славянинъ!
Савельевъ, Руси Православной
Неутомимый, вѣрный сынъ!
Нѣтъ, ваша слава не затмится,
Вашъ трудъ *великій* не умретъ;
Имъ правда всюду водворится (**)
И плодъ обильный принесетъ!

—Гдѣ же исполненіе надеждъ поэта, что *великій* трудъ юныхъ нашихъ Славянистовъ не умретъ, что ихъ усиліями водворится повсюду правда—и Славянскія племена

(*) См. выше, надпись на памятникѣ Венелину.

(**) Разумѣется правда *историческая*.

займутъ свое мѣсто въ Исторіи паденія державнаго Рима.

—Гдѣ?-сказалъ привѣтливый хозяинъ,-въ твореніяхъ современныхъ ученыхъ. Да вотъ, недалеко ходить: Александръ Ѳомичъ Вельтманъ и Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, прежде были ревностные защитники мнѣній Шлёцера, а теперь стали жаркими поборниками исторической правды, и ратуютъ за честь и славу Славянщины.

—Вы забыли еще одного ученаго, замѣтилъ мой товарищъ, нашего Петербургскаго жителя, Петра Григорьевича Буткова, котораго мнѣнія во многомъ уже сблизились съ ученіемъ Славянской школы.

—Ваша правда,-отвѣчалъ хозяинъ: Петръ Григорьевичъ могъ бы принесть великую пользу Отечественной Исторіи, если бъ рѣшился пожертвовать гипотезой о Чухоно-Лапландскихъ Ботническихъ Скандинавахъ-Рюсахъ, и принесть ее въ жертву *истинѣ*, опирающейся на историческую логику и положительное свидѣтельство Арабовъ, что «Варенги суть Славяне изъ Славянъ». Впрочемъ, у васъ есть въ Петербургѣ и еще ученый, котораго голосъ былъ бы очень важенъ: я разумѣю Ивана Петровича Шульгина, безспорно — трудолюбивѣйшаго изъ Русскихъ профессоровъ; въ то время, когда прочіе его товарищи только молчали, онъ первый указалъ на заслуги Гизо́ и пустилъ въ ходъ многія свѣтлыя мысли его относительно исторіи Западной Европы. Это уже заслуга! И какъ бы хорошо было, если бъ Иванъ Петровичъ тѣмъ же разумнымъ своимъ *Русскимъ* здравымъ смысломъ приведенъ былъ къ сознанію важнѣйшихъ истинъ раскрываемыхъ теперь историческою критикою....

—И столь пріятныхъ для нашего *народнаго* чувства, замѣтилъ я... Трудами Венелина, Морошкина, Савельева, для насъ воскресаетъ *славное* прошедшее, которое донынѣ было прикрыто *умышленными* сомнѣніями поклонниковъ Байера, увѣрявшихъ насъ, будто древніе Руссы были не Русскіе Славяне, а какіе-то Скандинавы, хотя Скандинавскій ученый, Тунманъ, и принужденъ былъ сознаться, что Шведы или Скандинавы никогда не называли себя Русью...

—Я увѣрялъ, продолжалъ хозяинъ, что Иванъ Петровичъ, показавшій столько *логичности* въ своей книгѣ о характерѣ и содержаніи Новой Исторіи, столько Русскаго *чувства* и *разума*, непремѣнно соединится съ нашею

Славянскою школою, какъ скоро вникнетъ въ труды защитниковъ старобытности Славяно-Руссовъ въ предѣлахъ нашего отечества: этого требуютъ Истина, Логика и Любовь къ нашему славному Отечеству.

Говоря это, хозяинъ отыскалъ и раскрылъ октябрьскую книжку Маяка (1844), въ которой помѣщено *Письмо* М. Н. Макарова *къ Профессору Императорскаго Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкину* (*) — Выслушайте, что́ между прочимъ пишетъ Михаилъ Николаевичъ, самъ нѣкогда раздѣлявшій мнѣніе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси; посмотрите, какъ торжественно отрекается онъ отъ заблужденій Байеро-Шлецеріанцевъ, въ дружескомъ посланіи къ г-ну Морошкину:

Съ большимъ удовольствіемъ я читалъ и перечитывалъ все ваше сочиненіе: *думъ* въ немъ «треба великая!» Съ тою же думою прочелъ и ученое предисловіе трудолюбиваго г-на Савельева. Не знаю, что́ говорятъ о васъ и о немъ наши *закаленцы* въ Скандинавоманію, погрязшіе въ болотѣ сказокъ (сагъ) Исландскихъ; но что́ бы ни говорили они, какъ бы ни глумились надъ полезными трудами, а *истина* возметъ свое: историческая правда, за которую возстали вы съ г-мъ Савельевымъ, рано или поздно, восторжествуетъ и воцарится на обломкахъ нелѣпой въ основаніи системы Скандинавскаго происхожденія (якобы) Рюрика и его Руси. На 1-й, 4-й, 5-й, да и почти на всѣхъ 17 страницахъ Предисловія г-на Савельева, *очевидно* обнаружены *несправедливыя притязанія* нѣкогда будто бы непогрѣшительныхъ (касательно нашей Исторіи) умовъ Нѣмецкихъ. Чистотою своихъ доказовъ Н. В. Савельевъ, развѣ только предъ глухимъ, да слѣпымъ не успѣлъ разрушить *Скандинавской* системы нашего быта, описаннаго, въ свое время, столь пресловуто Байеромъ и Шлёцеромъ... А самъ же Шлёцеръ укорялъ Байера незнаніемъ Русскаго языка (**), чѣмъ самымъ укоряли, при словѣ о бытѣ нашемъ, и другіе чужеземцы другъ друга: Славяно-Русское слово до сей поры, еще никому какъ-то изъ нихъ не давалось! Совсѣмъ тѣмъ они всегда читали и донынѣ читаютъ наши лѣтописи, смыслъ которыхъ, иногда, и самимъ роднымъ знатокамъ нашего языка идетъ не подъ силу! Понятное чтеніе Русскихъ лѣтописей, требуетъ знанія не только настоящей употребительной Русской печатной рѣчи, но даже и *самаго короткаго знакомства* съ общимъ *областнымъ* нашимъ говоромъ—этого знакомства еще нѣтъ между нами, и я смѣло

(*) Маякъ 1844. Т. XVII. гл. VI. стр. 55—59.

(**) Предисловіе къ «Историко-критическимъ изслѣдованіямъ о Руссахъ и Славянахъ», Ѳ. Л. Морошкина. стр. 3.

говорю, что ни одна изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей никѣмъ не была прочтена какъ должно.

Вы, почтеннѣйшій Ѳедоръ Лукичь, и Н. В. Савельевъ, теперь попадаете *скорѣе другихъ* на очищеніе многихъ нашихъ фактовъ историческихъ,—и *многіе ученые*, вмѣстѣ со мною *питаи полное уваженіе къ вашимъ любопытнымъ изысканіямъ*, болѣе другихъ довольные ими, спрашиваютъ: неужели и по трудахъ вашихъ, сильно подкрѣпленныхъ вашимъ ученымъ союзникомъ, неужели продолжится еще грозное владычество разномыслія о первоначальной Руси? неужели эта странная революція, затѣянная, какъ видите, только плохими знатоками роднаго языка нашего, и теперь еще не смирится? неужели и въ этомъ случаѣ появятся какіе нибудь храбрецы (даже изъ Русскихъ) какъ мы видѣли, укрѣпленные въ свою защиту (и по изобрѣтеніи пушекъ) одними рогатками? неужели мода, нѣмечить насъ, въ основаніи подрытая, разоблаченная во всей наготѣ однимъ изъ поклонниковъ Байеровыхъ, справедливо указавшимъ на цѣль и намѣреніе Шлецерово, неужели—повторяю—мода стараться онѣмечить начало Руси, будетъ находить приверженцевъ между Русскими, такъ называемыми, учеными историками? неужели и послѣ трудовъ Н. В. Савельева, говорю его же словами (*) будутъ еще жить между нами фанатическіе поклонники Байеро-Шлецеровъ? А за тѣмъ и нашъ родный Адамъ властей нашихъ, ясный Соколъ—Рорыкъ, или какъ принято Рюрикъ, не скажется самъ, что если бы онъ породился Нѣмцемъ,—слѣдовательно и незнающимъ ни языка, ни обычаевъ Славяно-Руссовъ,—то, не покоривъ ихъ силою, никогда бы не могъ по доброй ихъ же волѣ, быть и властелиномъ надъ ними? «Я пришелъ въ Русь,» (пусть такъ говоритъ онъ же) «только съ двумя братьями и съ дружиною малою, что свидѣ«тельствуютъ вамъ, дѣти мои, сами историки ваши; то какъ бы «мнѣ, еслибъ я былъ Нѣмецъ, безъ доброй воли вашей, стать «противъ необъятныхъ силъ цѣлаго вашего народа? какъ бы «мнѣ нѣмому (по словамъ вашихъ скандинавистовъ и всѣхъ «вообще поклонниковъ Исландскихъ бредней), какъ бы мнѣ по«пасть въ законно-верховные ваши властелины?» Но даже и такая выходка едва ли бы могла образумить слѣпыхъ, обожателей Байеровыхъ, которые никакъ не хотятъ обсудить дѣла, природу вещей. Силою и хитростію владѣли престоломъ многіе: Датскій Христіернъ, Французскій Наполеонъ, нашъ Отрепьевъ, Англійскій Кромвель (хотя и не носившій царскаго титула) и многіе другіе: волею или неволею, а народы имъ повиновались, по силою обстоятельствъ: царство беззаконныхъ разрушалось, владычество ихъ было не прочно; народы уничтожали власть похитителей и—опять принимались за свое же, родное, законное! Точно то же было бы и съ Рюрикомъ, еслибъ онъ въ

(*) Тамъ же стр. 6 и проч.

самомъ дѣлѣ былъ Нѣмецъ-Скандинавъ, а не нашъ единоплеменникъ, Славянинъ при-Балтійскій.

Никакой народъ, а предпочтительно нашъ Славяно-Русскій, по доброй волѣ не покорится себя ни кому чужому. Говоря также собственно о своихъ, вы, любезнѣйшій Ѳедоръ Лукичъ, какъ Русскій и духомъ и дѣломъ, навѣрное знаете, что даже самыя деревни наши, приселки, сельцы, селы, до *чужихъ* выборовъ совсѣмъ не лакомы: если нужно выбрать себѣ начальника, то всегда выбираютъ изъ *своихъ*, спрѣчь: изъ своего же села, изъ своей деревни. Нашему простому люду, не испорченному легкомысліемъ Француза, аль заоблачной думой Нѣмца, въ дѣлѣ законномъ, какъ бы ни было, а вездѣ вынь да положи—*родное*. И вотъ я слышу, теорія наша возбушевала—«Рюрика какъ Варяга, можетъ быть (!), дала намъ великая сила Нѣмецкая.» Охъ ужъ это всегдашнее *можетъ быть*! да куда же по Рюрикѣ вдругъ исчезла эта *ужасная* для насъ *сила*? почему же она, дѣйствуя и располагая нашими всюды и повсюды, какъ хотѣла, ни одной крохи не оставила намъ Нѣмецкой? Димитрій Самозванецъ и гораздо сильнѣйшій крошечной кучки, будто бы Нѣмцевъ, Варягъ нашихъ, ничего же не могъ изъ насъ сдѣлать, на пользу онѣмеченья? Сами Татаре, властвуя нами въ продолженіи двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, не отатарили же насъ! Господи Боже мой! А Рюрикъ?... чего-чего, по указу историковъ нѣмечины, съ нами не надѣлалъ (862–879)! Посмотрите-ко, онъ-де пустилъ къ намъ Тіуновъ, Виры, Губы, Гридни, говорятъ поклонники Байера. Не буду того доказывать, что изъ приведенныхъ здѣсь четырехъ будто бы Норманскихъ словъ, два вполнѣ Славяно-Русскія; но выслушаемъ другія сомнѣнія этихъ господъ. «Можетъ быть Варяги и были Вагры» (замѣчаютъ скептики о нашихъ Варягахъ, одноплеменныхъ съ нами Славяно-Руссами), «но подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и шли чрезъ «нашу землю въ Грецію Норманны? подумали ль толковники, что для Норманновъ не остается уже никакого имени?»—Отвѣчаю: подумали; ибо Нѣмецкіе люди, каждаго сѣвернаго Европейца прямо называли Норманномъ; и вотъ они, *такіе-то Норманны*, приходили и къ намъ, внутрь Руси, и шли чрезъ Русь въ Грецію: шли они изъ своихъ Славяно-Русскихъ гнѣздъ изъ-за Новгорода, изъ Поморья, словомъ изъ всей Сѣверной Славянской Крайны, гдѣ они гнѣздились, и откуда они, какъ удалый и храбрый народъ Поморскій, ѣзжали и въ Англію, и въ Голландію, и въ Испанію, и всюду, даже въ Америку; мы же къ нимъ, особенно Новогородцы, Псковичи, какъ къ сопленнымъ намъ братьямъ, ходили безъ опасенія.—И то сказать: отвѣчать на всѣ мѣлочные вопросы не достанетъ никакихъ милъ, да и скучно: односторонникъ людей убѣдить невозможно,—и потому рѣшаюсь продолжать свое:

Послѣ Татаръ прошли у насъ опять вѣки, и одинъ только Петръ Великій, тоже по крови ближайшій потомокъ перваго

нашего Сокола Рюрика (·), учась самъ чужимъ языкамъ, началъ кое какъ знакомить насъ съ языкомъ Нѣмцевъ! да и онъ, много ли успѣлъ въ этомъ случаѣ? Только около себя, съ десятками къ себѣ близкихъ; а не болѣе—это вѣрно!

По Варяги были и на полднѣ Руси!

Именно были—это *наши же* народъ съ другаго Поморья: Черноморцы—наша Черн. Лучше всѣхъ намѣкалъ о нихъ Эверсъ—такъ умно писавшій о тождествѣ Козаровъ и Руси, хотя по недостатку данныхъ и превратившій этихъ нашихъ Козаковъ.... въ Турковъ.

На то и другое изъ сказанныхъ нами Варяжничествъ, рѣшительнѣе другихъ нападаютъ: П. Г. Бутковъ, М. П. Погодинъ и нѣкоторые послѣдователи того же мнѣнія, душевно желающіе видѣть Варяго-Руссовъ не только Нѣмцами, но даже Чухною; они всѣхъ тѣхъ, кто допускаетъ къ намъ Славянство, называютъ скептиками, а въ доказательство своихъ мнѣній приводятъ перетолкованныя по своему мѣста изъ лѣтописей, и осыпаютъ безчисленными вопросами (особенно же г. профессоръ Погодинъ). Но всѣ наши лѣтописи, безъ словарей народныхъ, въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ своихъ, почти не объяснимы; такъ на примѣръ, даже Карамзинъ, какъ писатель свѣтскій, не понялъ въ нихъ самого простаго, какъ давно извѣстнаго слова *буйвище*, означающаго кладбище, погостъ! Младшіе, или новѣйшіе по Карамзинѣ, изыскатели значеній нашихъ древнихъ словъ, рылись и доселѣ роются о бытѣ и словѣ Русскомъ въ Нѣмцахъ—труда ихъ много; да они не достигли еще и того, что у насъ есть родныя слова: *варить*, *варю*, *свара*, нынѣ ссора, свалка, а прежде союзъ, и оттого *сварялись*—сдружились; этими словами видимо произведены: *варяжничество*, *варникъ*, *варлеъ* и проч.

—Словопроизводство Макарова очень сходно съ мнѣніемъ Круга, замѣтилъ мой товарищъ. Въ той книжкѣ, которую привезъ я вамъ изъ Петербурга, найдете разсужденіе Круга о Варягахъ (··). Ошибаясь въ главномъ, признавая Варяговъ Скандинавами, вопреки положительному свидѣтельству Арабскихъ писателей, что «Варенги

(·) Дѣло о Рюрикѣ можетъ почитаться окончательно рѣшеннымъ, ибо предположенія о мнимо-Ютландскомъ его происхожденіи мастерски опровергнуты Академикомъ Руссовымъ (Маякъ 1844, Апрѣль, Т. XIV гл. IV, стр. 56—66); а что имя Ruric значило *Соколъ*, доказано О. М. Бодянскимъ и Н. В. Савельевымъ (Маякъ, 1844, Іюль, Т. XVI, гл. 3, стр. 59—61, прим. 70)

(··) Чтенія Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ за 1849 и 1850 года. Отдѣленіе наукъ Историческихъ, Филологическихъ и Политическихъ. Книжка I. стр. 10—13.

суть Славяне изъ Славянъ», то есть славнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ Славянскаго племени,—нашъ академикъ прекрасно объяснилъ изъ Русскаго языка имя Варяговъ. Кругъ утверждалъ, что «имя Vaeringiar получило право гражданства на Сѣверѣ только чрезъ возвратившихся изъ *Греціи* Варяговъ», а «сѣверные воины, ходившіе въ Грецію, служить тамъ наемниками, по большей части состояли въ службѣ князей *Русскихъ*, чрезъ земли коихъ они должны были проходить: почему весьма вѣроятно, что они имя, подъ которымъ слыли въ *Россіи*, перенесли съ собою и въ *Грецію*.» Имя же *Варязи* или *Варяги* происходитъ, по мнѣнію Круга, отъ Славянскаго глагола *варяю*, которымъ въ Евангеліи переводятся греческіе *φθάνω*, *προφθάνω*, *προάγω*, *προλαμβάνω*, *προκαταλαμβάνω*, *προέρχομαι*, *κατασπεύδω*, *ηγεομαι ὑπερβαίνω*, заключающія въ себѣ понятіе *предупредить*, быть *проворнѣе другаго*, а потому имя Варяговъ означаетъ *скорыхъ пловцевъ*, и переводилось у Византійцевъ чрезъ *Δρομιται*.

—Мнѣніе нашего академика очень правдоподобно. Съ Макаровымъ и Кругомъ въ этомъ случаѣ можно согласиться, отвѣчалъ хозяинъ; но Макаровскія объясненія именъ, встрѣчающихся въ Олеговомъ договорѣ и въ Игоревомъ, признаюсь, для меня довольно натянуты: что имена искажены—въ этомъ уже не остается никакого сомнѣнія, но и объяснить ихъ съ Жидовскаго, Турецкаго и другихъ языковъ—едва ли возможно; вѣдь у Нестора нѣтъ ни слова о Жидкахъ и Туркахъ на службѣ Варяго-Русскихъ князей.

—А къ этому присоедините еще важное обстоятельство, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ: г-нъ Макаровъ долженъ бы приводить указанія (цитаты) на источники, изъ которыхъ онъ заимствуетъ свои объясненія.

—Да пора бы уже перестать, замѣтилъ другой, толковать о выходѣ Славянъ изъ Индіи: подобно А. Ѳ. Вельтману и Ѳ. Л. Морошкину, г-нъ Макаровъ не хочетъ отказаться отъ началъ Индостанскихъ, а это совершенно ошибочно. Оріенталисты давно уже надъ этимъ смѣются: Абель-Ремюза, Раскъ и нашъ О. И. Сенковскій показали ученымъ не-оріенталистамъ, что выходъ племенъ совершался не изъ Индіи, а обратно; что сама природа положила преграду выселенію народовъ изъ Индіи и Китая;

что не было никакихъ побудительныхъ причинъ, которыя вытѣснили бы оттуда туземцевъ; что туземные языки Индійскаго полуострова не имѣютъ никакого сходства съ Санскритскимъ, который самъ составлялъ отрасль древняго Персскаго или Зендскаго, и занесенъ изъ Персидскихъ странъ на югъ, въ Индію (*). Словомъ, тутъ наши не-оріенталисты также точно *увлекаются* предвзятою мыслію, какъ и г-нъ Бутковъ своею гипотезою о Руси, будто бы обитавшей въ Ботникѣ между Лопарями.—Не смотря на этотъ недостатокъ (да и гдѣ ихъ нѣтъ?), я первый отдаю полную справедливость благородной готовности г-на Макарова—отыскивать *истину*, и той прямодушной его откровенности, съ которою призналъ онъ заслуги Венелина, Моршкина и Савельева, отказавшись отъ заблужденій Байеро-Шлецеровыхъ....

— Относительно Петра Григорьевича, сказалъ хозяинъ, можно твердо надѣяться, что со временемъ и онъ оставитъ гипотезу эту,—какъ ревностный поборникъ истины. Прочтите его книгу о Несторѣ; не смотря на нѣкоторое увлеченіе въ пользу иныхъ мнѣній, отвергаемыхъ новѣйшими изыскателями, вы постоянно встрѣтите въ немъ человѣка правдиваго, ученаго и добросовѣстнаго, имѣющаго правильное понятіе о древнемъ бытѣ нашей родины, хотя и ошибающагося относительно Рюриковой родины. Никогда и нигдѣ не называлъ онъ предковъ нашихъ *дикими варварами*; напротивъ, самъ обличалъ такіе ошибочные толки непризванныхъ судей исторіи.

—А по этому случаю была гдѣ-то статья, письмо, кажется, къ Буткову...

—Да, въ «Маякѣ», и я могу вамъ прочесть нѣкоторыя мѣста изъ этой статьи. Жаль только одного: зачѣмъ авторъ письма не подписалъ своего имени? Подобныя статьи, для пользы литературы, необходимо должны быть скрѣплены именемъ Автора. «Выходишь на бой, поднимай забрало»—должно бы поставить закономъ въ Словесности, особенно въ Критикѣ (**). И такъ прошу

(*) Энциклопедическій Лексиконъ, т. I. статья *Азія*, отдѣленіе VII: *Азійскій человѣкъ*; также *Экономида* Опытъ о ближайшемъ сродствѣ Славяно-Русскаго языка съ Греческимъ, Т. I. стр. XXIX—XXXI.

(**) Съ удовольствіемъ исполняю желаніе почтеннаго любителя Отечественной Словесности, и подписываю полное имя: *А. Александровъ.*

прислушать *Замѣтки для автора «Обороны» о Галицкихъ Испанцахъ и о происхожденіи Угровъ.*

Ваша» «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ,» почтеннѣйшій Петръ Григорьевичъ, упрочила вамъ почетную извѣстность въ нашей исторической литературѣ. Этотъ вашъ томъ давно, безъ сомнѣнія, находится въ рукахъ всѣхъ занимающихся старинною; многія свѣтлыя мысли, въ которыхъ вы сошлись съ авторомъ изслѣдованій о Патерикѣ, А. В. Кубаревымъ, даютъ неотъемлемое первенство вашей книгѣ передъ афоризмами М. П. Погодина о Несторѣ, хотя несправедливый приговоръ людей, плохо знакомыхъ съ дѣломъ, и говорилъ нѣкогда противное... Но за то всякій безпристрастный любитель нашей Исторіи говоритъ о вашемъ трудѣ: «книгу Буткова и сравнить нельзя съ сочиненіемъ Погодина; у послѣдняго порядочно, у перваго—отлично.» Пріятно читать вашу книгу, ибо все, что ни говорите вы относительно общаго характера древности нашей, совершенно согласно съ мнѣніями новой Славянской школы—и это чрезвычайно радуетъ всѣхъ любящихъ Русскую Исторію, подавая имъ несомнѣнную надежду, что будетъ время, когда исчезнутъ всѣ разномыслія и явится одна истина—«и будетъ едино стадо,» по глаголу Св. Писанія.

Да, отстраните только вѣрованіе въ небывалыхъ Готическихъ Финно-Гото (финно-Скандинаво)—Рюссовъ, обратите вниманіе на розысканія Ю. И Венелина, М. Н. Макарова, Ѳ. Л. Морошкина, П. В. Савельева—на Историческую Логику, о которой напоминаютъ они, и—я увѣренъ, что вы присоединитесь къ этой школѣ, которую всѣ ревнители славы отечественной называютъ своею, Русскою, потому что система эта дѣйствительно ревнуетъ возстановить древнюю славу нашу. А вы, почтеннѣйшій Петръ Григорьевичъ, не къ тому ли же стремитесь? Припомните, какъ благородно, какъ энергически вы раскрыли намъ намѣреніе Шлецерово.—Да это хоть бы какому защитнику Славянской школы: читать весело; забываешь, что это писано защитникомъ Чухонско-Скандинавскаго происхожденія Руси, будто бы изъ Ботники, и думаешь: «не Венелинъ ли писалъ это.» Такъ это у васъ логично и вѣрно.

Васъ останавливаютъ Біэрнеры, Вереліи, Рудбеки, Байеры. Эти господа только увлекали въ ошибки. Безъ нихъ, неужели бы вы написали: «*Галиціяне или Испанцы пѣшали въ Семигалію*, въ Зимеголу нашего лѣтописца, *для жертвоприношеній* въ тамошнемъ знаменитомъ *капищѣ*, въ которое и Гостомыслъ Новгородскій посылалъ на разрѣшеніе свои вопрошенія» (·). Между прочимъ вы ссылаетесь на Адама Бременскаго и Карамзина; но вѣдь послѣдній говоритъ совсѣмъ не то, а именно: Ка-

(·) Оборона лѣтописи Русской, стр. 55.

рамзинъ (*) утверждаетъ, что у Адама Бременскаго говорится о *Русскихъ язычникахъ*, которыхъ *ошибочно* тотъ назвалъ *Греками*. Да оно и естественно: за чѣмъ Испанцы, еще подъ Римскимъ владычествомъ принявшіе *Христіанскую вѣру*, поѣхали бы въ сѣверное Зимгольское капище? Неужели Христіане въ самомъ дѣлѣ ѣздили въ Литву *для жертвоприношеній* идоламъ? неужели *могло* это *быть*? Карамзинъ отвергалъ бытіе Гостомысла, а вы принимаете, хотя не *доказываете*—но, положимъ, онъ въ самомъ дѣлѣ жилъ: вѣдь это было въ половинѣ IX вѣка; какъ же, послѣ того, можно вѣрить, будто Испанцы-Христіане посѣщали въ IX вѣкѣ Зимголу, *для* кумиропоклоненія?... Такими-то все сказками снабжаютъ Рудбеки, Верелій, Біэрнеры; а вы ихъ приводите для доказательства никогда не жившихъ Руссовъ, въ Ботникѣ, населенной Лопью или Чухнами-Лапландцами? Господинъ Святный весьма основательно доказываетъ, что наша Новгородская Русь, разгромившая Шведскую Сигтуну въ XII вѣкѣ, оставила слѣды свои въ Швеціи и Финляндіи, и что въ Ботникѣ «Ryss (Рюсь) означаетъ именно Новгородскую Русь, то есть, Новгородскихъ Славянъ, которымъ подвластна была нѣкогда Финляндія, а отнюдь не мечтаемыхъ Финскихъ Готовъ Руссовъ, которыхъ тамъ Исторія не знаетъ (**).»

Право, давно пора вамъ бросить всѣхъ господъ историковъ-сказочниковъ, вовлекшихъ васъ въ подобныя страшныя ошибки, и соединиться со Славянскою школою, чтобы общими силами воздѣлывать нашу святую древность! Пора самимъ разработывать источники, не заимствуясь фантазіями Скандинаво-Чухонскими. Извѣстно уже, какъ выступилъ на это поприще Н. В. Савельевъ; его разборъ Тацита, въ отвѣтъ г–ну Магистру Правъ, В. В. Игнатовичу — образцовая критика историческая!

Не страшны восклицанія тѣхъ, которые, сами коснѣя въ Скандинавоманіи, желаютъ поддержать ее жалкими софизмами; славно отступить отъ сей, бѣдной патріотизмомъ, системы. Но сами ль вы открыли намъ цѣль и намѣреніе Шлецера, сказавъ: «перомъ Шлецера управляло предубѣжденіе, будто наши Славяне въ быту своемъ ничѣмъ не одолжены самимъ себѣ, а все Шведскимъ лодошникамъ (родслагенцамъ), отъ которыхъ онъ ведетъ къ намъ морскихъ разбойниковъ Рюрика и Руссовъ (***).» И сію-то систему возобновляетъ нынѣ одинъ юный сочинитель, вопреки Несторовой лѣтописи, правдѣ и народному патріотизму.

Кто не ошибался? Но сознаніе ошибокъ не приноситъ никому безчестія! Христіанская и патріотическая лежитъ на насъ обязанность вести людей къ истинѣ, отрицаясь даже собственныхъ заблужденій. Вотъ напримѣръ, А. Ѳ. Вельтманъ и М. П. Макаровъ, были нѣкогда ревностными приверженцами

(*) Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 90, прим. 206.

(**) Einladung zum Redeact u s. w. Дополненіе, стр. 34.

(***) Маякъ, 1844, кн. 8, гл. IV, стр. 55—59.

Скандинавщины Руссовъ; увидѣвъ же ошибку этой системы и несообразность ея съ логикою, отложились отъ поклонниковъ Байера, и съ честію уже ратуютъ въ рядахъ Славянистовъ. А вотъ и противный примѣръ: М. П. Погодинъ, издавшій въ 1825 году разсужденіе на степень Магистра «О происхожденіи Руси», боится отреченіемъ отъ «грѣховъ своея юности» уронить свою историческую извѣстность, но забываетъ, что въ дѣлѣ Науки—косненіе и упорство не славны вовсе... А между тѣмъ время дѣлаетъ свое дѣло и—волею неволею всѣхъ обратитъ къ истинѣ, когда трудами Ѳ. Л. Морошкина, И. В. Савелсева, Ф. И. Святнаго и прочихъ ревнителей исторической правды, Славянство Руси, нашей и Варяжской, вполнѣ подтвердится.

Какъ радушно указываютъ на ваши труды приверженцы и оборонители Славяно-Русскаго народа — служитъ доказательствомъ *Лебедія*, статья И. В. Савельева, помѣщенная въ VIII-мъ томѣ «Военнаго Энциклопедическаго Лексикона»....

Въ лицѣ И. В. Савельева, Славянская школа отдаетъ вамъ справедливость и пользуется вашими трудами, гдѣ они согласны съ Историческою Логикою.

Но вотъ важнѣйшій, по моему мнѣнію, недостатокъ вашей книги: въ ней нѣтъ подлинныхъ словъ тѣхъ писателей, на которыхъ вы основываете ваше мнѣніе. Такъ и тутъ. Хорошо, у кого есть возможность пользоваться рѣдкими книгами: а внѣ Петербурга, гдѣ ихъ достанешь? И потому, изъ любви къ Исторіи, не откажитесь почтить отвѣтомъ это письмо, ибо для насъ, областянъ, крайне занимательно бы по источникамъ видѣть, на чѣмъ основывается—

1) Ваше мнѣніе о соединеніи Кабаровъ съ Уграми? при этомъ нужны и доказательства, что Кабары въ самомъ дѣлѣ Башкиры. Почему нельзя думать, что Сабартіосфалы—Саваросфлавы, то есть Авары—Славяне?

2) Гдѣ доказательство, что Мазары не искаженное имя Мадяровъ, а названіе Козарскихъ жителей города Мажара? что значитъ это имя? и какимъ племенамъ принадлежалъ этотъ городъ?

3) Какъ согласить нѣкоторое разнорѣчіе въ годахъ между вами и Тунманомъ?

Да такъ какъ зашла рѣчь о вашей книгѣ, то кстати—

4) Рѣшите вопросъ объ Ингигердѣ, супругѣ Ярослава, которую вы называете дочерью Славянки Ободритской; тутъ необходимо вполнѣ опровергнуть мнѣніе покойнаго Руссова.

Наконецъ 5) не худо бы возобновить ваше изслѣдованіе объ имени *козакъ*: тутъ необходимо дополнить прежнее изслѣдованіе, разобравъ мнѣніе Ѳ. Л. Морошкина объ этомъ предметѣ.

Еще замѣчаніе, о ссылкахъ на прежнія статьи, разбросанныя по разнымъ старымъ журналамъ; кто имѣетъ возможность собрать всѣ старые литературные сборники? Все это надобно заново сообразить и изложить доказательства въ особомъ трактатѣ. Увѣренъ, что какъ вопросы, предложенные г-мъ Игнатови-

чимъ, не оставлены безъ отвѣта П. В. Савельевымъ, также точно и мои сомнѣнія будутъ разрѣшены вами, почтеннымъ оборонителемъ Нестора.

—Да, прибавилъ хозяинъ, окончивъ чтеніе письма къ г. Буткову: должно радоваться, что явился у насъ журналъ, дающій свободу всѣмъ мнѣніямъ, подъ условіемъ, чтобы они были *истинны*, то есть, согласовались бы съ здравымъ смысломъ, Логикою, съ извѣстными опытами прошедшаго, Исторіею, и Откровеніемъ, свыше озаряющимъ человѣка. «Маякъ» у себя открылъ свободное поприще всѣмъ ищущимъ истины; П. Г. Бутковъ въ «Маякѣ» защищалъ себя отъ несправедливыхъ нападокъ *сочинителя* «Исторіи Русскаго народа» (*); безъ сомнѣнія, онъ теперь не оставитъ безъ отвѣта, въ «Маякѣ» же, запросъ, предложенный ему такъ скромно, вѣжливо, учтиво, со всѣмъ уваженіемъ къ его истиннымъ заслугамъ.

—Что́ правда, то правда, сказалъ защитникъ М. П. Погодина. Я всегда стоялъ горо́ю за Михаила Петровича, но тутъ, скажу откровенно, онъ долженъ бы непремѣнно подать голосъ въ «Москвитянинѣ», а не отмалчиваться. Онъ единственный человѣкъ, могущій защищать систему Скандинавскаго происхожденія Руси. Онъ же самъ обѣщалъ въ своемъ «Москвитянинѣ» разобрать подробно книгу Буткова, и до сихъ поръ не хочетъ исполнить даннаго передъ публикою слова....

—Всѣмъ истиннымъ любителямъ исторіи пріятно бы видѣть окончательное рѣшеніе вопроса о первыхъ вѣкахъ родины. Погодинъ написалъ о Несторѣ и Бутковъ также; первый защищаетъ древность и достовѣрность ея, и другой также, и еще съ бо́льшимъ успѣхомъ; но въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ они оба расходятся: почемужъ бы Михаилу Петровичу не войдти въ дружеское собесѣдованіе съ Петромъ Григорьевичемъ, посредствомъ своего журнала? Изъ сличенія разныхъ мнѣній скорѣе бы раскрылась истина.

—Но рѣшится ли Михаилъ Петровичъ пожертвовать самолюбіемъ и признать свои ошибки?

—А почемужь нѣтъ? Мнѣ кажется, авторъ «Письма» совершенно правъ, говоря, что «въ дѣлѣ науки упорство

(*) Смотри замѣчанія на отзывъ г. *Полеваго* о книгѣ «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта Скептиковъ.» Маякъ 1841. Ч. XVI, гл. IV. стр. 201.

и косненіе вовсе не славны»; я даже сказалъ бы, что на почтенномъ профессорѣ, котораго защищаю, лежитъ *обязанность* подробно разобрать П. Г. Буткова, сличивъ мнѣнія его, свои собственныя и А. В. Кубарева; тогда конечно и Бутковъ не отказался бы отъ ученаго спора.

—Безъ сомнѣнія.

—Но если даже Михаилъ Петровичъ и не рѣшится вступить въ состязаніе съ авторомъ «Обороны», то и тогда многое могло бы раскрыться, когда бы послѣдній отвѣтилъ въ «Маякѣ» на вопросы, ему предложенные, и защитилъ бы кстати свое мнѣніе о Тмутораканскомъ камнѣ, на который опять начались нападки скептиковъ.

—Предметъ очень важенъ, сказалъ хозяинъ, а при тѣхъ свѣдѣніяхъ, какими обладаетъ П. Г. Бутковъ, ему легко бы опровергнуть всѣ доводы «Отечественныхъ Записокъ». На дняхъ я читалъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» прелюбопытную статью Петра Григорьевича о древнихъ мѣрахъ (*); тутъ онъ показалъ уже, что мѣра поперечника Босфорскаго пролива на Тмутораканскомъ камнѣ совершенно вѣрна (**); впрочемъ все таки нужно подробное изслѣдованіе, въ которомъ Петръ Григорьевичъ перебралъ бы весь трактатъ своего противника, разсмотрѣлъ бы всѣ его доказательства, опровергнулъ его предположенія и, такимъ образомъ, рѣшивъ спорный вопросъ, воцарилъ бы истину.

—Авторъ «Обороны»,—сказалъ я,—для пользы отечественной исторіи не станетъ молчать: въ этомъ можно быть увѣрену. Дай Богъ, чтобы Письмо, напечатанное въ «Маякѣ», возбудило въ немъ желаніе раскрыть истину, такъ точно, какъ споръ Польскаго ученаго, Викентія Васильевича Игнатовича, съ нашимъ Русскимъ ученымъ, Николаемъ Васильевичемъ Савельевымъ, подалъ поводъ къ превосходному историко-этнографическому разсмотрѣнію Тацитовой Германіи.

—Да, замѣтилъ хозяинъ, нынче рѣдко встрѣтите подобное явленіе. Припомните, какъ отозвался издатель

(*) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (1844, Ноябрь), стр. 252—253.

(**) 14,000 сажень трехлокотныхъ составляетъ 18 верстъ и 333 сажени; а поперечникъ Босфорскаго пролива между Керчью и Таманью не превышаетъ 19 верстъ.

«Москвитянина» о книжкѣ Морошкина; вышелъ цѣлый трудъ Ѳеодоръ Лукича: тутъ-то бы «Москвитянину» и оправдать свое мнѣніе подробнымъ разсмотрѣніемъ всего творенія, а вмѣсто разбора явились только бездоказательныя насмѣшки или молчаніе. Послушайтежь, какъ отзывается Игнатовичъ (*) объ изслѣдованіяхъ Савельева касательно древностей Славянъ времени мнимаго переселенія народовъ:

«Разысканія эти оставили во мнѣ такое глубокое и пріятное впечатлѣніе, какого давно не удавалось мнѣ ощущать въ бесѣдѣ съ книгами. Не много найдется произведеній ума положительнаго, не только въ Русской, но и въ Европейской литературѣ, соединяющихъ въ себѣ такую бездну учености съ живымъ, почти изящнымъ и вмѣстѣ строго отчетливымъ изложеніемъ. Постепенно возрастающая занимательность изслѣдуемыхъ и развиваемыхъ событій, держитъ въ безпрерывномъ напряженіи вниманіе читателя, отрѣшаетъ духъ его отъ всего настоящаго и увлекаетъ въ очаровательное былое, кипѣвшее нѣкогда столь разгульною жизнію Славянскихъ племенъ. Непостижимому, но всегда мудрому и благодѣтельному Промыслу, угодно было предать ихъ въ тяжкую школу истязаній иноплеменнымъ сосѣдямъ, искони вѣковъ завидовавшимъ могуществу Славянъ, ихъ благоденствію и славѣ. Къ несчастію, у этихъ сосѣдей слишкомъ рано появились люди, знающіе грамотѣ и оклеветали безграмотныхъ враговъ своихъ. Простодушіе и невѣжество наше долго вѣрило на слово этимъ лгунамъ; а если кто изъ Славянскаго рода и дерзалъ когда отзываться въ защиту родной старины—это былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ, которому не откликнулось ни одно даже Славянское сердце. Честь и слава девятнадцатому столѣтію: время племенной ненависти кончилось! Побѣды Русскихъ штыковъ воскресили чувство народной чести у всѣхъ Славянскихъ племенъ и пробудили стремленіе узнать дѣянія предковъ въ ихъ истинномъ свѣтломъ видѣ. Ученые Славянскіе мужи усердно стали отыскивать повсюду слѣды славной старины—и вотъ теперь г. Савельевъ воспроизводитъ эту старину въ живой, величественной картинѣ, гдѣ каждая черта мастерской кисти носитъ печать непреложной истины, почерпнутой въ дѣйствительности, отразившейся въ народномъ духѣ, характерѣ, образѣ жизни всего живущаго Славянства, почти въ такомъ же видѣ какъ отмѣтили ее всѣ современные лѣтописцы, даже самые недоброжелательные, которые невольно иногда проговариваются, и одною фразою, однимъ словомъ обличаютъ истину, которую скрыть хотѣли.

Много надобно имѣть достоинствъ тѣмъ, кто первые отва-

(*) Маякъ 1844, Февральская книжка, т. XIII, гл. IV, *Письмо изъ Гродно къ И. П. Боричевскому*, стр. 129—139.

жился выступить на поприще исторической критики, чтобъ разрушить вѣковые авторитеты заблужденія, истребить слѣпое въ нихъ вѣрованіе толпы и возстановить царство истины. Нужно терпѣніе труженика, чтобы отыскать въ пыли Европейскихъ книгохранилищъ и антикварныхъ кабинетовъ, прочитать и разобрать всѣ уцѣлѣвшіе письменные и художественные памятники, могущіе сколько нибудь свидѣтельствовать о жизни и дѣятельности народа, взятаго за предметъ историческихъ разысканій, избродить мѣстность, на которой жилъ и дѣйствовалъ этотъ народъ, внимательно приглядѣться къ его живымъ потомкамъ, которыхъ не коснулась еще утонченность современной Европейской цивилизаціи, и которые потому сохранили много признаковъ старины въ языкѣ, правахъ, образѣ жизни, обычаяхъ, одеждѣ и въ самыхъ предразсудкахъ—нужны *необыкновенная проницательность ума, быстрота и вѣрность взгляда*, чтобъ подмѣтить и разгадать въ этихъ нѣмыхъ и говорящихъ памятникахъ всѣ показанія и намѣки на старину, какъ бы они ни были темны, сбивчивы, неточны, а иногда и противорѣчащи. Мало того: нужно *переселиться духомъ въ былое, усвоить его себѣ, какъ современное*, какъ родное, какъ такое, въ которомъ мы сами принимали дѣятельное участіе.

Честь и слава покойному Венелину, посѣявшему на плодородной Русской почвѣ первыя сѣмена историко-критическихъ розысковъ въ истинномъ значеніи этого слова; честь и слава г. Савельеву, такъ *далеко* и такъ *успѣшно* подвинувшему дѣло, начатое Венелинымъ, что уже теперь и на святой Руси, всякій имѣющій сколько нибудь здраваго смысла, не можетъ не предвидѣть близкаго и повсемѣстнаго паденія всѣхъ пресловутыхъ теорій, созданныхъ Нѣмцами и Французами, о переселеніи и истребленіи цѣлыхъ народовъ, о путешествіи Славянъ съ юга на сѣверъ, о татарщинѣ Гунновъ и Болгаръ. Теорія о Дейчерскомъ происхожденіи всѣхъ безъ изъятія воинственныхъ дружинъ, разрушившихъ Западную Римскую Имперію, *такъ сильно потрясена розысканіями И. В. Савельева*, что еще одинъ толчекъ—и она рушится безвозвратно.

Это однакожь, по моему мнѣнію, самая трудная задача, а для меня лично и самая интересная. Вамъ извѣстно, что когда-то пришла мнѣ въ голову грѣшная мысль писать о состояніи Римскаго Права въ государствахъ, образовавшихся на развалинахъ Западной Римской Имперіи, само собою разумѣется, что тутъ предстаютъ для рѣшенія слѣдующіе вопросы: что такое была Римская Имперія? отъ чего она пала? откуда взялись народы ее завоевавшіе? какого они рода и племени? на какихъ началахъ образовались новыя государства? что въ нихъ осталось туземнаго Римскаго? и что сохранилось изъ національности пришельцевъ?

Тринадцать лѣтъ уже минуло какъ я занимался разслѣдованіемъ этого предмета. Тогда никто еще не думалъ оспоривать Дейчерскаго происхожденія ни у Франковъ, ни у Вандаловъ, ни

у Готовъ.... Но 13 лѣтъ умственной дѣятельности нынѣшняго столѣтія стоитъ любаго полустолѣтія прежнихъ временъ; литературная дѣятельность Славянскаго племени въ эти годы преимущественно обращена была на розысканіе родной старины—и вывела на свѣтъ такія тайны, о которыхъ и во снѣ не грезилось историкамъ минувшаго столѣтія. Смѣли ль подумать не только Шлёцеръ, но и Карамзинъ, что Болгаре, Гунны, Авары (Обры) не что иное какъ греческіе Яцероглазые, короче, Русскіе Славяне, силачи, великаны? Что Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ не Скандинавскіе пришлецы; но какъ они, такъ и дружины ихъ, Поморскіе Русскіе же Славяне. Еверсъ и Рейцъ подозрѣвали что-то подобное: но бродя въ чужомъ Турецкомъ лѣсу, не попали на тропинку, прямо ведшую къ цѣли. Могу повторить съ самодовольствіемъ: честь и слава нашимъ землякамъ современникамъ, Венелину и Савельеву!

Но г. Савельевъ не остановился на этомъ: онъ объявилъ бой на смерть Дейчерамъ—прогналъ ихъ изъ Тацитовой Германіи, прижалъ въ тѣсный уголокъ (?) между Рейномъ и Эльбою призналъ Славянъ коренными и единственными жителями Великой Германіи, и ославянилъ Вандаловъ, Готѳовъ и даже Франковъ... прекрасно и утѣшительно! Правда: еще въ 15 и въ началѣ 16-го столѣтія, польскіе лѣтописцы, Длугошъ и Мѣховита серіозно утверждали, Vandalos esse Venedas et Slavos; но Кромеръ, превосходившій обоихъ и умомъ и ученостію, рѣшительно старался оспоривать все то, на чемъ *тогда* основывали тожество Вандаловъ съ Славянами.

И вотъ, Длугошъ и Мѣховита дождались *могущественной защиты*; старичекъ Кромеръ съ своею обвѣтшалою ученостію не устоитъ противъ юнаго атлета, вооруженнаго авторитетами не однихъ Латинскихъ, но и Греческихъ всякаго рода писателей, тмою многихъ археологическихъ открытій, и необыкновенно тонкимъ критическимъ чутьемъ. Кто бы вздумалъ теперь опровергать мнѣніе г. Савельева, тому не Кромеромъ, а надобно быть другимъ Савельевымъ, имѣть такую же бездну учёности и столько же критическаго таланта.

—Вотъ какъ отзываются люди ученые о своихъ талантливыхъ противникахъ! — Честь и хвала Игнатовичу!—Дай Богъ, чтобы и наши Русскіе ученые послѣдовали прекрасному примѣру единоплеменника Славянина, рѣшившагося писать по-Русски объ одномъ изъ занимательнѣйшихъ предметовъ!—Такъ говорили многіе.

—Однакожь, отозвавшись такимъ лестнымъ для автора образомъ, Игнатовичъ спорилъ съ Савельевымъ, не соглашаясь во многихъ существенныхъ пунктахъ.

—Такъ, Игнатовичъ со всею скромностію истиннаго ученаго предложилъ свои сомнѣнія, выражусь его сло-

вами, «маленькія недоумѣнійца, кои невольно рождаются при чтеніи книги Савельева, на счетъ Славянства Готоовъ, Вандаловъ и Франковъ». Но что же отсюда можно вывести? Только то, что г-нъ Игнатовичь, привыкши къ прежней системѣ, но чувствуя ея ложность во многихъ отношеніяхъ, хотѣлъ уяснить въ собственномъ сознаніи тѣ пункты, которые оставались не разъясненными у И. В. Савельева; хотѣлъ обратить его вниманіе на эти послѣднія ограды прежней теоріи, вызвать на новыя розысканія и тѣмъ довершить торжество истины.

—Ваша мысль совершенно основательна. Въ началѣ статьи, которое теперь было прочтено, Викентій Васильевичь именно говорилъ, что «теорія о Дейчерскомъ произхожденіи *всѣхъ безъ изъятія* воинственныхъ дружинъ, разрушившихъ Западную Римскую Имперію, *такъ сильно потрясена розысканіями И. В. Савельева*, что *еще одинъ* толчекъ—и она *рушится безвозвратно.*» Слѣдовательно, господину Игнатовичу хотѣлось вызвать Николая Васильевича Савельева на этотъ окончательный подвигъ.

—Это вѣрно, отвѣчалъ Г*,—и я совершенно согласенъ съ почтеннымъ издателемъ «Малка», который такъ вѣрно оцѣнилъ достоинство разысканій Славянскаго «атлета», по выраженію Игнатовича. Напечатавъ у себя въ журналѣ *Письмо изъ Гродно къ И. П. Борисевскому объ историко-критическихъ изслѣдованіяхъ Н. В. Савельева*, и представивъ такимъ образомъ нашей публикѣ отзывъ человѣка ученаго, Магистра Правъ, изучавшаго этотъ предметъ, издатель Малка, самъ имѣлъ полное право къ письму Игнатовича прибавить отъ себя слѣдующія строки: «На силу-то хоть одна разумная Славянская душа привѣтно откликнулась на пятилѣтніе, неутомимые, неблагодарные, драгоцѣнные труды и разысканія И. В. Савельева! Эти разысканія—ни болѣе ни менѣе—ключь къ Средней, а потому и къ Новой и къ Древней Всемірной Исторіи, и особенно Исторіи Европы. Западные Историки, доселѣ державшіе Всемірную Исторію на своей опекѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, всю ее скрывили въ свою пользу: своихъ предковъ поставили единственными дѣятелями,—Славяне словно и не существовали. Истинныя Историческія причины, явленія и событія тѣхъ временъ, такъ ими спутаны, перебиты, искажены, что

Средняя Всемірная Исторія должна быть за-ново перестроена; и эта перестройка возможна лишь для свѣжаго, не скривленнаго ума—для ума Русскаго!» Что можетъ быть вѣрнѣе этого?

—А читали вы,- сказалъ защитникъ Качеповскаго, что редакторъ Маяка написалъ дѣльный разборъ «Исторіи Русскаго Народа», *сочиненной* Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ, (Маяк. 1842, Окт. № 10, т. V, гл. IV, стр. 55—155). разборъ, который можетъ назваться образцовымъ произведеніемъ Исторической критики.

—Но вѣдь Николай Алексѣевичъ въ предисловіи къ «Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ» торжественно объявилъ: «я *знаю* Русь, и Русь меня знаетъ!»

—А между тѣмъ въ своей Исторіи началъ разсказъ о Руси напыщеннымъ повѣствованіемъ о Скандинавахъ, *яко* основателяхъ нашего государства, и о поэзіи Исландскихъ *сагъ* (по-Русски *сказокъ*)....

—Да чего же вы хотите отъ издателя покойнаго «Телеграфа», журнала, посѣявшаго столько ложныхъ мнѣній о литературѣ и нашей древности, которую такъ несправедливо выставили дикою, невѣжественною.

—Впрочемъ, издатель «Телеграфа» обѣщалъ напечатать книгу: «Исторія Русскаго Народа, *сочиненіе* Николая Полеваго»—такъ вѣдь стоитъ въ заглавіи; Николай Алексѣевичъ и выполнилъ свое обѣщаніе: *сочинилъ* Исторію, то есть выдумалъ; но онъ не исполнилъ другаго обѣщанія, торжественно подтвержденнаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» (1834): вмѣсто обѣщанныхъ 18 томовъ выдалъ только 6... Конечно, тутъ жалѣть нечего; однакожъ....

—Мало ли что́ надо? Исторію, на примѣръ, *надо* основывать на вѣрныхъ источникахъ, а издатель «Телеграфа» и *сочинитель* «Исторія Русскаго Народа», восхищаясь сагами, то есть сказками, что намъ представилъ?

—Бурачекъ основательно утверждалъ, и разборомъ перваго тома *доказалъ*, что «Полевой изъ свой Исторіи сдѣлалъ *сагу*, которая разбивается на пять различныхъ сагъ: 1-я сага Европейско-Философская, 2-я Скандинавская, 3-я сага Феодальная, 4-я сага Монгольская, 5-я сага Московская».

—Да, у насъ рѣдко попадаются критическіе разборы, написанные съ такою основательностью, знаніемъ дѣла и остроумісмъ. Прочтите разборъ «Исторіи Русска:

го Народа» въ «Маякѣ», и вы скажете со вздохомъ: Николай Алексѣевичъ *не знастъ* Руси!

—А какъ мастерски написана въ этой критикѣ глава «отрывокъ Финско-Турецко-Татарской саги», безъ которой не могла и обойтись сага Скандинавская (Маяк. 1832, т. V, гл. III, стр. 90 — 107); какъ поразительно вѣрно выставлена ложность понятій *сочинителя* этой Исторіи объ основаніи Русскаго государства, *яко бы* Скандинавами, и о первыхъ нашихъ Русскихъ князьяхъ до кончины Ярослава (стр. 107—155). Прочитавъ этотъ разборъ вы невольно скажете: основаніе Русскаго государства происходило *не такъ*, древніе Славяне были *не таковы*, принятіе и распространеніе Христіанства у насъ послѣдовало не *такимъ образомъ*.

—А что́ же *такъ* описано у сочинителя «Исторіи, Русскаго народа»?

—Можетъ быть, что-нибудь и описано, въ тѣхъ томахъ, которые онъ еще не выдалъ, съ 1835 года; но въ тѣхъ, что изданы, ужь извините... кромѣ *сагъ* ничего нѣтъ!

—А въ какомъ поразительномъ свѣтѣ представлены Бурачкомъ несправедливость прежнихъ мнѣній о древнѣйшемъ бытѣ Русскихъ Славянъ и вѣрность Славянской школы Венелина и Савельева.

—Да, сказалъ Г*, надобно прочесть этотъ разборъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ и отъ души благодарить Николая Васильевича, который съ такимъ самоотверженіемъ исполняетъ завѣтъ своего друга, покойнаго Юрія Ивановича: не оставлять Исторіи Славянства и продолжать начатое изслѣдованіемъ о Болгарахъ.

—Венелинъ тутъ не ошибся. Не даромъ же говорилъ онъ: «единственный человѣкъ, который *понялъ* мои мысли и въ состояніи продолжать и двинуть впередъ мое дѣло—это Савельевъ-Ростиславичъ!» Въ самомъ дѣлѣ, кого *другаго* можетъ представить, для этого, современная наша Историческая Литература? Игнатовичъ и Бурачекъ отдали только должную справедливость Николаю Васильевичу.... Но мы отклонились отъ главной цѣли... Вы хотѣли было прочесть еще кое-что изъ приписки издателя «Маяка» къ статьѣ Игнатовича...

—Извольте. Я увѣренъ, что всѣ благонамѣренные Русскіе, умѣющіе цѣнить отечественный талантъ, раз-

дѣляютъ патріотическія чувства почтеннаго редактора и повторятъ съ нимъ: «Дай Богъ, чтобы дѣло пошло въ ходъ съ легкой руки г-на Игнатовича, ученаго по званію, который взросъ, подобно большей части Русскихъ ученыхъ, на Нѣмецкихъ теоріяхъ, и — такъ радушно изъявилъ готовность отступиться отъ всѣхъ заученыхъ историческихъ ипотезъ, если ему представятъ удовлетворительные доводы и свидѣтельства истины; дай Богъ, чтобы такой прекрасный примѣръ самоотверженной исповѣди своихъ ошибокъ, и справедливой признательности къ трудамъ и успѣхамъ другихъ тружениковъ, нашелъ подражателей во всѣхъ нашихъ ученыхъ: историкахъ, правовѣдахъ, археологахъ и филологахъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Пусть бы содѣйствіе ихъ ограничивалось хотя однимъ внимательнымъ, безпристрастнымъ чтеніемъ трудовъ г-на Савельева, и хотя легкими отзывами и замѣтками: *почему это — почему не это — мнѣ кажется тутъ не такъ — тамъ не этакъ*... Даже такіе вопросы и замѣтки одушевляли бы безвозмездиаго труженика на новые поиски и открытія Какую богатырскую Русскую силу духа надо имѣть, чтобы столько лѣтъ, такъ неутомимо и полезно трудиться и — видѣть кругомъ себя убійственное равнодушіе, гробовое молчаніе, голословныя, бездоказательныя непощадныя порицанія!»

—За то́ честь и хвала Игнатовичу, который рѣшился первый воздать должную хвалу таланту, заслугамъ, трудолюбію Николая Васильевича, и вызвать его на ученое состязаніе.

—И нѣтъ ни какого сомнѣнія, отвѣтъ Н. В. Савельева (въ Маякѣ 1844), заключающій въ себѣ превосходное критическое обозрѣніе Тацитовой Германіи, вполнѣ убѣдилъ г-на Игнатовича относительно тѣхъ пунктовъ, которые оставались неразъясненными въ прежнихъ трудахъ Н. В.

—А каковъ за-то́ нынѣшній отвѣтъ его? спросилъ хозяинъ, и не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣзжалъ ко мнѣ изъ Петербурга родственникъ, воспитывающійся въ одномъ изъ тамошнихъ военно-учебныхъ заведеній и разсказывалъ, что имя этого молодаго ученаго пріобрѣло величайшій авторитетъ между юнымъ поколѣніемъ, свободнымъ отъ историческихъ

предразсудковъ, и въ тоже время возбуждаетъ закоренѣлую ненависть въ поборникахъ Скандинавства Руси. Любовь къ отечеству и патріотическое направленіе теоріи Савельева упрочили его вліяніе на юношей, которымъ дѣла нѣтъ до мѣлкаго самолюбія *нѣкоторыхъ*. И посмотрите, какъ сильно вліяніе таланта: ему невольно все покоряется. Савельевъ взглянулъ на Святослава съ *Славянской* точки зрѣнія, и Русь увидѣла въ Ольгиномъ сынѣ, не хищника Скандинавскаго (какимъ представляли его Полевой и Погодинъ), а *Русскаго витязя*, достойнаго вѣчной славы, и вотъ, нашелся у насъ, въ Москвѣ: еще ученый, который, подобно М. Н. Макарову и А. Ѳ. Вельтману, рѣшился (хотя не вполнѣ) пристать къ защитнику праваго дѣла, и принятіемъ новаго взгляда на Ольгина сына, присоединиться — хотя и безмолвно — къ числу послѣдователей нашего дѣятельнаго Славяниста. Вы, конечно, догадаетесь, что я разумѣю г-на Черткова (·): онъ прекрасно развилъ мысли Савельева. Не угодно ли, господа, выслушать небольшое сличеніе того и другаго писателя?

— Очень одолжите! — Весьма обяжете! — Прочтите, сдѣлайте одолженіе!

—По прежде, позвольте вамъ напомнить, для лучшей оцѣнки нашихъ историковъ: Погодина, Савельева и Черткова, одну очень любопытную статью въ первой книжкѣ «Москвитянина» за 1842 годъ. Это *сочиненіе* Михаила Петровича помѣщено въ главѣ *Наукъ*, чтобы всѣ могли *поучаться* (стр. 200—212). Почтенный авторъ любитъ, какъ извѣстно, афоризмы — онъ только *набрасываетъ* идеи, а *развивать* и *доказывать* ихъ—ему нѣкогда, времени нѣтъ: знаете, то надо сочинять трагедію «Марѳу Посадницу», или повѣсть какую, или—соперничествуя съ Полевымъ— драматическое представленіе: «Исторію въ лицахъ о Димитріѣ Самозванцѣ», или опять стихотворное дѣяніе «Петръ Великій», или переводить стихами изъ Овидія, или прозою Гетева Геца-фонъ-Берлихингена...

(·) Вицепрезидентъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Корреспондентъ Императ. Академіи Наукъ и членъ обществъ — Русскихъ Испытателей природы и сельскаго хозяйства, Одесскаго любителей исторіи и древностей, Московскаго любителей Россійской Словесности; иностранныхъ—Королевскаго Копенгагенскаго Сѣверныхъ Изыскателей древности и Римскаго dell Instituto Archeologico

Когда же тутъ Михаилу Петровичу заниматься Русскою Исторіею? Ей ей, совсѣмъ нѣтъ времени... Ну такъ не взыщите: онъ только набросаетъ свои *идеи*, въ поученіе Русскому православному народу:

Долго, долго, въ сильное увеличительное стекло, надо смотрѣть на безъобразную, разнородную кучу земли, людей и ихъ дѣйствій, на этотъ человѣческій хаосъ, чтобъ наконецъ поймать въ немъ *трепещущую точку*, punctum saliens, по выраженію анатомиковъ, поймать, *вонзиться взорами*, и уже не выпускать потомъ ни на минуту изъ виду, съ напряженнымъ вниманіемъ подмѣчать ея тихое, медленное, постепенное увеличеніе, всѣ эпохи или лучше моменты развитія, пока наконецъ черезъ много, много лѣтъ точка эта обозначится, забьется *жизнію*, установится на своемъ мѣстѣ, *приметъ лице*, *одѣнется плотію*, *укрѣпится костьми*, и начнетъ *дѣйствовать*.

—Посмотримъ же эту *трепещущую точку*....

—Нѣтъ! лучше *вонзимся* въ нее взорами....

—А, должно быть, это прелюбопытно: *точка* будетъ сперва *биться жизнію*, то есть будетъ живая, а *потомъ* уже *приметъ лице*, *одѣнется плотію*, *укрѣпится костьми*.

—Но мы не мѣшаемъ. Сдѣлайте одолженіе, *поучайте* насъ разсказомъ Михаила Петровича о трепещущей точкѣ:

Рюрикъ призванъ былъ Новгородцами.

Это происшествіе принадлежитъ одному Новугороду, и то не на долго: послѣ того какъ преемникъ Рюриковъ оставилъ Новгородъ, оно *оторвалось*, если можно такъ выразиться, *отъ послѣдующей Исторіи*; всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то есть Новгородцы стали жить сами по себѣ, и платить дань *заморскимъ* Варягамъ какъ *прежде* (?!) и ушедшимъ Варягамъ Руси, которымъ посчастливилось утвердиться въ Кіевѣ. Кромѣ сей дани Новгородъ не соединенъ уже былъ *ни какими узами* (?!) съ Кіевомъ, и слѣдовательно съ *текущей рѣкою* Русской Исторіи, а напротивъ составилъ особое цѣлое, какъ то мы видимъ ясно при Святославѣ, который *отказался* отъ него (?!) за себя и сыновей. Въ Новѣгородѣ мы усматриваемъ только новое *гражданское*, то есть *Норманское* начало при Рюрикѣ, которое вскорѣ подверглось вліянію древняго Славянскаго, *блеснуло и погасло*.

Слѣдовательно такое совершенно отдѣльное происшествіе никакъ нельзя назвать *началомъ Русскаго Государства*, еще менѣе нежели современное утвержденіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ. Это только прибытіе, начало водворенія Норманновъ между нашими Славянскими племенами, временный *военный постой* въ одномъ городѣ.

—Послѣ Рюрика Новгородцы не платили дани *заморскимъ* Варягамъ, какъ прежде. Неужели Михаилу Петровичу не извѣстно, что и Рюрика-то призвали въ Новгородъ уже *освобожденный* отъ власти заморскихъ Варяговъ? Неужели ему не извѣстно также, что у Новгородцевъ Славянъ и у Кіевскихъ Славянъ языкъ былъ *одинъ*, Славяно-Русскій, хотя и разныхъ нарѣчій, обычаи были *одни*, языческая религія Перунова *одна*? Неужели ему не извѣстно, что Норманны IX вѣка умѣли только грабить — какое же среди Норманновъ могло найтиться *гражданское начало*?

—Рюрикъ, по мнѣнію Михаила Петровича, *военный постоялецъ!* чудесно!

—А чѣмъ онъ *докажетъ*, будто бы Святославъ «отказался отъ Новгорода, за себя и сыновей»?

—Да какихъ же вы хотите *доказательствъ*? Вѣдь Михаилъ Петровичъ никогда не писалъ ученыхъ трактатовъ: онъ вѣчно набрасывалъ афоризмы. Писать ученое сочиненіе, такъ надобно запастись не только свѣдѣніями, но и *логичностью*, умѣньемъ выражать свои мысли *послѣдовательно* и *доказательно*. Для афоризмовъ же ничего этого не надо — нужно немного *мечтательности... поэзіи...*

—А вотъ блестящіе афоризмы объ Игорѣ Рюриковичѣ и объ Олегѣ:

Младенецъ Рюриковъ, Игорь, съ его дружиною, есть единственный результатъ Норманскаго призванія въ Новгородъ, единственный *ингредіентъ въ составленіи Государства*, тонкая *нить*, которою оно соединяется съ послѣдующими произшествіями. *Все* прочее *прешло, не оставивъ слѣда*. Еслибъ не было Игоря, то объ этомъ сѣверномъ Новогородскомъ эпизодѣ почти не пришлось бы, можетъ быть, говорить въ Русской Исторіи, или только мимоходомъ.

Такимъ *неприличнымъ* атомомъ, относительно къ формаціи, началось Государство, *зародышемъ*, который именно *едва поймать можно* микроскопомъ историческихъ *соображеній* (??). Это, употребимъ сравненіе, *корень безсмысленный* слова, первый элементъ звука.

Олегъ удалый Норманнъ, *соскучился* въ Новѣгородѣ, *или* принужденъ былъ оставить его; *пошелъ*, съ младенцемъ, Игоремъ, *куда глаза глядятъ*. Случай, прихоть, нужда!

Оставляя Новгородъ, Олегъ дѣлался *странствующимъ рыцаремъ* съ своей дружиною, *лишался мѣста*. Въ эту минуту *какъ будто* пропало, скрылось изъ виду зачавшееся Государство. Минута неизвѣстности! *Сѣмя предано произволу вѣтровъ*!

Не должны ли мы трепетать за него? Что съ нимъ будетъ? Куда понесется оно? Гдѣ найдетъ себѣ родимую почву?

Успокоимся! *Благопромыслительной Десницею несется* оно именно *въ Кіевъ*, гдѣ ему приготовлено лоно, гдѣ государству поставлена цѣль. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидѣнія! Династія, оставшись въ Новѣгородѣ, повела бы (?) дѣла по необходимости иначе. Изъ Новагорода должна бы утвердиться у насъ связь не только государственная, но и *духовная*, съ Западомъ, Латинствомъ, Папою, а видно было *надо* (?), по *высшему* предначертанію, чтобъ Европа состояла пока изъ *двухъ половинъ*, чтобъ разпадавшейся въ то время Религіи (!) пріуготовилась особая Церковь на Востокѣ, чтобъ тамъ когда-то, чрезъ тысячу лѣтъ, среди Славянскихъ племенъ, народилось Государство-наслѣдникъ Римскому Востоку, Греческой Имперіи, Константинополю, какъ Римскій Западъ достался въ наслѣдство, съ землею, жителями, Религіей и образованіемъ, Нѣмецкому народу.

—Ну ужь *микроскопъ историческихъ соображеній!*

—А вы, въ простотѣ сердца, и вѣрите, будто бы тутъ, кромѣ воображенія, есть какое нибудь *соображеніе*?

—Разумѣется, нѣтъ: если бы авторъ *соображалъ*, то не впалъ бы въ такія противорѣчія: увѣряетъ, что кромѣ *тонкой ниточки* или *ингредіента*, спрѣчь Игоря, *все прочее прешло, не оставивъ слѣда;* а потомъ, далѣе, пишетъ, что *духъ Норманскій стихнулъ только черезъ* 120 *лѣтъ;* здѣсь *благопромыслительная десница*, т. е. Богъ, *несетъ Норманское сѣмя въ Кіевъ*, а тамъ увѣрялъ, будто бы оно предано *произволу вѣтровъ*. Неужели историческая логика, основывающаяся на соображеніяхъ здраваго разсудка, позволяетъ уравнивать понятія «соскучился *или* принужденъ былъ оставить Новгородъ»?

—А *почему* изъ Новгорода *должна* бы утвердиться Латинская религія? почему *надо* было Европѣ состоять въ религіозномъ отношеніи изъ двухъ половинъ: Христіянство всегда воззываетъ къ *единству*, а не къ *раздѣленію*. «И будетъ едино стадо и единъ Пастырь.»

—Но за чѣмъ вы привязываетесь къ *мысляхъ*: глядите и любуйтесь афористическимъ краснорѣчіемъ автора. Олегъ *лишается лѣта*, подобно какому нибудь столопачальнику, и дѣлается *странствующимъ рыцаремъ*, Государство *пропало* и *скрылось изъ вида*, а Олегъ идетъ *куда глаза глядятъ*!.. Новый Карамзинъ: хоть сей часъ въ Риторику, въ примѣръ....

—Ну, въ примѣръ чего же? договаривайте.

—Нѣтъ, не скажу, сами поймете; лучше стану читать далѣе:

Олегъ пошелъ, точка двинулась, это правда, точка, не болѣе, но выйдетъ линія, и какая линія? Полъэкватора, третьмеридіана. Олегу посчастливилось овладѣть Кіевомъ. Онъ умертвилъ Князей Кіевскихъ, а мирные жители приняли его безъ сопротивленія. Онъ *остановился* здѣсь, и потомъ *рѣшился*, кажется, *остаться*, по крайней мѣрѣ *съ своей стороны*, въ этомъ городѣ, обильномъ естественными произведеніями, на большой рѣкѣ,— откуда такъ легко можно было набѣгать на всѣ стороны, особенно на Царьградъ,—гдѣ *такъ хорошо было*, въ продолженіи двадцати лѣтъ, его товарищамъ Аскольду и Диру. Впрочемъ *гдѣ нибудь надо жить*, лишь бы жить, и *всякая минута могла перемѣнить намѣреніе*. Поселеніе Олега въ Кіевѣ было также *мирно*, какъ и Рюриково въ Новѣгородѣ, чѣмъ и опредѣлялся характеръ ихъ взаимныхъ отношеній къ жителямъ.

—Хорошъ математикъ! Изъ полъ-экватора долготы и трети меридіана широты, выходитъ *площадь* а не *линія*.....

—Ну, да Михаилъ Петровичъ не профессоръ математики...

—Отъ того-то необъятная *площадь* древней, еще до-Рюриковской Руси, ему показалась *точкою*, *ничтожною* точкою....

—А что за брильянтовый слогъ! Аскольду и Диру *такъ хорошо было*, а Олегу вѣдь *надо было* гдѣ нибудь жить, *лишь бы жить*, и вотъ, когда онъ шелъ *куда глаза глядятъ*, ему *посчастливилось* овладѣть Кіевомъ; онъ *рѣшился* остаться тутъ, но *всякая минута* могла *перемѣнить намѣреніе*. Удивительный микроскопъ историческихъ соображеній!

—Да что вы все требуете *мыслей* отъ Михаила Петровича! онъ пишетъ *афоризмы*, и конецъ дѣлу! Хотите соображать, читайте «Оборону Лѣтописи Русской:» тамъ вы узнаете изъ розысканій Петра Григорьевича Буткова, что Аскольдъ и Диръ приняли Христіянскую вѣру, чѣмъ и возстановили противъ себя закоренѣлыхъ язычниковъ, а эти обратились къ Новгородскому Олегу, призвали его, какъ поклонника Перунова, и потомъ съ радостью отворили ему ворота Кіева. Мысль, что Аскольдъ и Диръ, умерли Христіянами, уже принята и г мъ Чертковымъ. Объясненіе, предложенное Петромъ Григорьевичемъ, раскрываетъ связь и послѣдовательность событій; а у Михаила Петровича.....

—Внимаемъ; *поучайте* насъ его *афоризмами*:

Кіевъ, съ выраженіемъ Олега: «се буди мати градомъ Русскимъ,» и временная дань съ нѣкоторыхъ племенъ,—вотъ состояніе *зародыша*, форма Государства, оставленнаго преемникомъ Рюрика.

Лѣнивый Игорь *потерялъ-было* дани, переставъ ходить за ними, и племена, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, отлагались. По крайней мѣрѣ всю свою жизнь онъ прожилъ въ Кіевѣ, и *привычка*, которую называютъ второю природою, привычка дружины и города, къ Князю и его роду, а Князя къ дружинѣ и народу, привычка къ осѣдлости и *какому-то порядку вещей*, укоренялась. Таково было при Игорѣ *пріобрѣтеніе, почти невещественное*, къ родительскому наслѣдству. Сѣмя *не развилося*, но *нѣсколько укрѣпилось*, приготовилось для развитія. Подъ конецъ своей жизни Игорь захотѣлъ было *притѣснить* сосѣднихъ Древлянъ, и *погибъ* за то отъ руки ихъ.

—Но если Олегъ (движущаяся точка) говорилъ, что Кіевъ долженъ быть матерью *градовъ Русскихъ*, значитъ у него было уже *нѣсколько* городовъ; а Михаилъ Петровичъ увѣряетъ, будто бы даже и преемники-то движущейся точки, то есть Олега, владѣли однимъ Кіевомъ. Игоря Древляне разорвали на-двое; онъ своимъ лицемъ составлялъ *единственный ингредіентъ*, *зародышъ* государства, то есть сѣмя; онъ *погибъ*, но черезъ эту погибель сѣмя *нѣсколько укрѣпилось*, приготовилось для *развитія*.... Чудесная логика! Но будемъ поучаться *наукѣ:*

Къ счастію вдова Игорева, Ольга, имѣла характеръ мужескій: она устроила всѣ дѣла, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее въ *большую зависимость*; она же установила нѣкоторыя дани на сѣверѣ.

У Игоря былъ также одинъ сынъ, какъ у Рюрика, Святославъ, къ счастію молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде нежели раздѣлится, которой необходимо было разкинуться, хоть слегка, изъ одного центра, а не многихъ; одно сѣмя должно было пока развиваться, одно Государство расти, а не многія равносильныя возникнуть вдругъ.

—Ну, вотъ, слава Богу, добрались и до Святослава Игоревича.

—Стóитъ полюбоваться изображеніемъ героя.

—Михаилъ Петровичъ видитъ въ этомъ князѣ не достойнаго соперника Цимисхію, а какого-то Норманскаго грабителя; сомнѣвается даже, *думалъ ли* когда нибудь Святославъ? то есть: сынъ Ольги не былъ ли совершенно безмысленнымъ и безсмысленнымъ?

Святославъ, храбрый, твердый, воинственный, возмужавъ, *взялъ*, и слѣдовательно *сталъ брать*, дань съ новыхъ племенъ, и

смирилъ прежнія, которыя безпрестанно пыталися откладываться. Но все *онъ владѣлъ собственно однимъ Кіевомъ.* Такъ и думалъ, *если о чемъ-нибудь думалъ.* Еще болѣе — самый Кіевъ онъ считалъ *постоемъ*, и *рѣшился оставить* его, такъ какъ Олегъ оставилъ Новгородъ. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь венерицѣ съ дыма, когда Греція предлагала ему пуды золота, и онъ рѣшился не перенесть столицу (это невѣрное выраженіе), а говоря просто, *переѣхать на другую квартиру*, переселиться къ другому Славянскому племени, въ страну имъ покоренную, въ Болгарію, и *перенести сѣмя въ другую почву!* Оно такъ слабо привязано было къ нашей землѣ, хотя и пустило уже ростокъ, такой слабый корень имѣло, что не стоило ни малѣйшаго труда оторвать его. *Зародышъ выкинутъ.*

—И такъ, Святославъ, по мнѣнію Погодина, былъ подобно своему дѣду, Рюрику, только *военный постоялецъ?*

—Да, и потому-то онъ *рѣшился* покинуть Кіевъ!

—Но какъ сообразить съ этимъ послѣдующія дѣйстаія? вѣдь въ Кіевѣ онъ оставилъ мать, которая была прежде правительницей, и троихъ дѣтей? если бъ этотъ *военный постоялецъ* Норманскій захотѣлъ переѣхать совсѣмъ на *новую квартиру*, такъ онъ и все семейство забралъ бы съ собою. Если же онъ дѣтей своихъ оставилъ въ Руси: одного въ Кіевѣ, другаго въ Древлянской землѣ, третьяго въ Новгородѣ, то значитъ, сѣмя не было перенесено въ другую почву. Но М. П. восхитившись блестящею фразою началъ подражать Полевому, и, смотря въ историческій микроскопъ, изъ прежнихъ *ошибочныхъ* соображеній выводитъ важнѣйшія слѣдствія о мнимо выкинутомъ зародышѣ:

Болгаріи выпадалъ жребій сдѣлаться Русью, *Нормандіей.* Наша почва оставалась для другаго сѣмени, и всего прежняго какъ будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятіе объ осѣдлости, наслѣдственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и *одной черты въ Норманскомъ характерѣ Святослава* достаточно было, *чтобъ* уничтожить, изгладить слабые плоды ста лѣтъ.

—Такъ какъ эти афористическія слѣдствія выведены изъ ложныхъ основаній, то....

—Читайте далѣе:

Святославъ пошелъ и *сѣмя опять предано произволу вѣтра.* Передъ отбытіемъ Святославъ отдалъ старшему сыну Ярополку свой Кіевъ, а втораго послалъ княжить на Волынь. Святославъ

не раздѣлилъ, какъ говорятъ у насъ обыкновенно, свои владѣнія, но другаго сына *послалъ въ дикое поле*. Древляне, племя самое близкое къ Кіеву, разоренное Ольгою, обложенною двойною данію, и потому тѣснѣе связанное съ Кіевомъ, легче было держать въ повиновеніи. Вотъ главная причина, почему Святославъ послалъ туда сына.

Третьяго сына Владиміра *вытребовали* себѣ сами Новгородцы, почти *противъ воли Святослава*, который говорилъ имъ даже: кто къ вамъ пойдетъ?

Слѣдовательно, Святославъ все-таки владѣлъ *однимъ Кіевомъ, гдѣ жилъ*, гдѣ жилъ и отецъ его; здѣсь нечего говорить о дѣленіи, ибо дѣлятъ цѣлое, дѣлятъ свое владѣніе, а Святославъ не владѣлъ *Древлянами*, которые платили ему только дань. Тѣмъ болѣе должно сказать это о прочихъ дальнихъ племенахъ, и, всего вѣрнѣе и точнѣе, о *Новгородцахъ*. Но *еслибъ даже и владѣлъ* — все только Кіевомъ и ближнею Волынью. Вотъ что отдалъ онъ двумъ сыновьямъ своимъ.

—Если вѣрить Михаилу Петровичу, то Святославъ послалъ дѣтей наудачу, въ *дикое поле*. Но еслибъ Древляне не принадлежали его роду со временъ правительства Ольги, то они растерзали бы Олега Святославича точно также, какъ и его дѣдушку, Игоря. Новгородцы просили себѣ князя отъ *Святослава*: это самое и доказываетъ, что они зависѣли отъ него; просили жъ сперва, видно, *кого нибудь* изъ дѣтей, которымъ, разумѣется, пріятнѣе былъ югъ, почему Святославъ и далъ имъ такой отвѣтъ. Тогда они стали просить *именно Владиміра*, потому, что мать его, Малуша, и дядя, Добрыня, были *Новгородцы*. Но Михаила Петровича ничѣмъ не заставите думать такъ, какъ предписываетъ, не пристрастіе къ ложной идеѣ, напередъ принятой за истинную, а логическое развитіе мысли, вытекающей изъ фактовъ. Сталъ на своемъ: «*еслибъ даже и владѣлъ*, то *не владѣлъ*!» и смѣло построивъ такой силлогизмъ, продолжаетъ:

Святославъ пошелъ въ Болгарію. Дѣти его *могли* слѣдовать за нимъ туда же—*по его смерти*, въ *помощь*, для *участія въ его походахъ и предпріятіяхъ*, а какая приманка для корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ Норманновъ богатый Константинополь и Малая Азія! И между Славянскими племенами возникли бъ опять прежнія отношенія, и надлежало бъ ожидать новыхъ обстоятельствъ, новыхъ Государей, для готовыхъ элементовъ Государства.

Какъ все *зыбко!*

—Да, зыбко! Вотъ ужъ что правда, то правда! Къ

мертволу идутъ на помощь, *для* участія въ его *походахъ* и *предпріятіяхъ* (на томъ свѣтѣ?).....

—Но дослушайте разсказъ *о трепещущей точкѣ* или о *сѣмени*, которое улетѣло-было, да опять къ намъ *переслано назадъ*:

Случился же именно въ это время въ Греціи такой Государь, какъ Іоаннъ Цимискій, одинъ изъ самыхъ воинственныхъ Государей въ цѣломъ ряду Византійскихъ Императоровъ, въ продолженіи долговременнаго періода. Онъ заставилъ Святослава удалиться изъ любезной Болгаріи, который на возвратномъ пути и *сложилъ буйную свою голову*, съ остальными своими мужами. Сыновья его лишены были средствъ идти въ Болгарію, отнятую Греками, не могли переселиться туда, еслибъ и хотѣли. Они остались у насъ, *владѣя* порознь Кіевомъ, Волынью и Новгородомъ.

Сѣмя *переслано опять къ намъ*, или лучше, укрѣпилось, глубже укрѣпилось въ нашей землѣ. Опасностей стало меньше, но крайней мѣрѣ дома.

—Но скажите-жь на милость: если вы называете *сѣменемъ* Святослава, то онъ «сложилъ буйную свою голову съ остальными своими мужами;» слѣдственно сѣмя погибло, а не переслано опять къ намъ. Если же вы сѣменемъ называете дѣтей его, то они вѣдь никуда изъ своихъ удѣловъ и не ходили: какое жъ сѣмя *переслано* къ намъ? отъ кого и какимъ благодѣтелемъ?

—Остальнаго я не буду читать всего. Приведу только еще нѣсколько афоризмовъ о Владимірѣ и его дѣтяхъ:

Онъ жилъ въ своемъ владѣніи не думая о переѣздѣ, какъ еще его отецъ, такъ сказать водворился, установился, а *духъ Норманскій*, духъ движенія, *чрезъ 120 лѣтъ*, въ 4 колѣнѣ, родившемся на Руси, *стихнулъ* и самъ по себѣ.

У Владиміра было 12 сыновъ (самое прежнее многоженство его имѣетъ здѣсь свою историческую важность и значеніе), и онъ *разослалъ ихъ по племенамъ*, удѣливъ каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнѣе по его связямъ и богатству, чѣмъ у его предковъ, и совершенно отъ него зависѣла.

Супруга Владиміра Анна, дочь и сестра Византійскихъ Императоровъ, съ коею *вступивъ въ супружество* онъ *принялъ* Христіанскую вѣру, содѣйствовала еще болѣе къ утвержденію этой мысли о постоянномъ мѣстопребываніи, сохраненіи владѣнія, и оставленіи въ наслѣдство дѣтямъ.

—Если же Владиміръ разослалъ 12 дѣтей своихъ *по*

племенамъ, то разумѣется *подвластнымъ*: иначе они убили бъ ихъ.

—А гдѣ нашелъ г-нъ профессоръ, будто бы Анна вышла за-мужъ за *язычника*? Владиміръ *сперва* принялъ *Христіянство*, а потомъ уже и вступилъ въ супружество съ Анною.

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лѣтъ княженія, участіе Духовенства, которое у насъ, какъ вездѣ, приложило, разумѣется, особое стараніе о смягченіи правовъ, и слѣдовательно о мирной осѣдлой жизни.

Такимъ образомъ политическое соединилось съ религіознымъ, и первый Христіанскій Князь былъ вмѣстѣ и первымъ Государемъ-Владѣтелемъ, *чуть ли* и не Правителемъ, потому что въ его время мы видимъ слѣды положительнаго, письменнаго законодательства, вѣроятно по примѣру Церкви,—сперва *разумѣется* (?) по *Норманскимъ* обычаямъ для дружины, а потомъ и для народа со вліяніемъ Греческихъ и туземныхъ обычаевъ.

Каждый *сынъ Владиміровъ* княжилъ такъ въ *своемъ городѣ*, какъ отецъ въ Кіевѣ, средоточіи, матери всѣхъ городовъ Русскихъ, по выраженію Олега. Живя по срединѣ племенъ, Князья могли легче содержать ихъ въ *полномъ подданствѣ*, нежели прежде одинъ Князь изъ дальняго Кіева, и пріучать къ повиновенію. Всѣ они были однакожъ слабѣе своего отца, которому платили урочную дань, не смѣя ему противиться, кромѣ Ярослава, который возсталъ подъ конецъ.

Ярославу принадлежали Кіевъ, *Волынь*, *Подолія*, *Галлиція*, *Литва*, *Каспійское поморье*, *Новгородъ*, *Двинская область*, *Поволожье*, *Сѣверная страна*.

Всѣ сіи страны *принадлежали точно*, ибо города ихъ мы находимъ непремѣнно въ удѣлахъ сыновъ и внуковъ, какъ ихъ отчины, и на оборотъ — *при сихъ послѣднихъ они не могли быть завоеваны*, потому что всѣ дѣйствія ихъ извѣстны намъ по лѣтописямъ.

Границами Ярославовыхъ владѣній были: Балтійское море, нынѣшняя Пруссія, Царство Польское, Карпаты, Новороссійскія степи, Волга, Заволочье.

—То есть, *почти вся нынѣшняя Европейская Россія* принадлежала внукамъ Святослава!

Такъ *удалые Норманны*, въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ, *раскинули планъ* будущаго Государства, *намѣтили его предѣлы*, *нарѣзали ему земли* безъ циркуля, безъ линѣйки, безъ астролябіи, *съ плеча, куда хватила размашистая рука*....

Всѣ племена и города находились въ подданствѣ у одного Князя (а потомъ одного рода), были одного происхожденія, говорили однимъ языкомъ, хотя и разными нарѣчіями, исповѣдывали одну вѣру,—словомъ это было *Государство въ нѣкоторомъ смы-*

сль, хотя и сметанное на живую нитку.—Шлецеръ, заключу мое разсужденіе словами великаго учителя, назвалъ удачно этотъ періодъ Russia nascens.

—Ну ужъ афоризмы о Государствѣ, сметанномъ *на живую нитку* вотъ ужъ точно сметанные на живую нитку.

—За то какъ ужъ картинно: Норманны *раскидываютъ* планъ, *нарѣзываютъ* землю безъ циркуля, безъ астролябіи, *съ плеча, куда хватаетъ размашистая рука!* восхитительно!

—Только *когда* жъ это было? вѣдь Михаилъ Петровичъ увѣрялъ, что Святославъ владѣлъ только Кіевомъ и Волынью, а между тѣмъ во владѣніи Владиміра Святославича мы видимъ почти всю Европейскую Русь.

—Впрочемъ, тутъ надобно обвинять не М. П. Погодина, а сочинителя «Исторіи Русскаго народа.»

—Это какъ?

—Да вѣдь его прославное твореніе служило прототипомъ (первообразомъ) нынѣшней статьи М. П. Погодина, и по духу, и по *идеямъ* и даже по слогу и поэтической *концепціи.*

—Возможно ли?

—Чего тутъ сомнѣваться? Михаилъ Петровичъ, какъ видѣли, называетъ въ «Москвитянинѣ» (1842) Рюрика *Скандинавскимъ* военнымъ *постояльцемъ*, а Николай Алексѣевичъ Полевой въ I-мъ томѣ «Исторіи Русскаго народа» (1830) писалъ:

Пришельцы съ береговъ Скандинавскихъ начали собираться въ *притоны* Варяжскіе; Рюрикъ сталъ богатымъ владѣтелемъ, укрѣпился дружиною, и здѣсь положено было начало перваго Русскаго княжества (т. I, стр. 55).

—Михаилъ Петровичъ въ 1842 году называетъ Скандинавскихъ пришельцевъ, мнимыхъ основателей Руси, *сѣменемъ Русскаго государства*; а Николай Алексѣевичъ еще въ 1830 году писалъ о Россіи:

Древо возросшее вѣками, и осѣнившее столь великую часть міра, будетъ ли унижено, если *ничтожный плодъ* (Скандинавскій), сгнившій въ землѣ за тысячу лѣтъ, былъ началомъ его сѣнистыхъ вѣтвей и зеленѣющихъ листьевъ (т. I, стр. 56).

—Видите ли: у Николая Алексѣевича выражено другими словами, а мысль совершенно та же. Дерево, какъ извѣстно, выростаетъ изъ сѣмени, изъ корня, а не изъ

плода, который красуется на вѣтвяхъ, и потому, придавъ логическую связь понятій мыслямъ Николая Алексѣевича, должно прочесть это мѣсто въ «Исторіи Русскаго народа» такимъ образомъ: «Древо, возросшее вѣками и осѣнившее столь великую часть міра, будетъ ли унижено, если *ничтожное сѣмя* (Скандинавское), сгнившее въ землѣ за тысячу лѣтъ, было началомъ его», и проч. Далѣе: Михаилъ Петровичъ увѣрялъ, будто Скандинавы олицетворяли собою *духъ движенія*, и этотъ Норманскій духъ не утихалъ 120 лѣтъ; а Николай Алексѣевичъ писалъ въ 1830 году:

Скандинавы *не дорожили* постояннымъ мѣстопребываніемъ и *разсѣявались* повсюду. Славяне всегда собирались въ одно мѣсто, любили осѣдлую жизнь, знали земледѣліе, привязывающее человѣка къ *землѣ*, цѣнили *мирное* спокойствіе. Двѣ стихіи (Скандинавская и Славянская) слились во единое гражданское общество: одна—*дѣятельное начало духа*, другая—какъ тяжелая вещественность. Что изъ *сего* произошло? Скандинавія никогда *не была* разсадникомъ многочисленныхъ народовъ, и Скандинавы никогда и нигдѣ не являлись толпами многочисленными. Безстрашные, готовые на битву и смерть, готовые и къ *побѣгу*, они пріѣзжали иногда и *десятками* и *основывали государства*, и проч. (т. I, с. 69).

—Михаилъ Петровичъ представляетъ Славянъ такими дикарями, что даже сомнѣвается: *дулалъ* ли когда Святославъ? а Николай Алексѣевичъ еще въ 1830 году писалъ:

Вѣкамъ прошедшимъ предоставимъ странное честолюбіе видѣть гражданъ въ *варварахъ Славянскихъ*, и героевъ въ *хищникахъ* Варяжскихъ (Скандинавскихъ).... Славяне народъ *дикій, варварскій*.... При *дикости* и *грубости* правовъ народа покореннаго (?), Славянъ, *законы*, будучи *неписанными законами*, но обычаями, долженствовали быть просты, малосложны и грубы.... (стр. 65, 73, 79, 81, 87).

—Михаилъ Петровичъ, не понявъ дѣйствій Святослава, не проникнувъ цѣли его намѣренія, представилъ Рюрикова внука только Скандинавскимъ *военнымъ поселянцемъ*, который будто бы хотѣлъ совсѣмъ *оставить Россію* и поселиться въ Болгаріи, и которому будто бы повиновались только Кіевъ и Волынь, между тѣмъ какъ Новгородцы были будто бы совершенно независимы; а Николай Алексѣевичъ еще въ 1830 году писалъ:

Десять лѣтъ княженія Святославова *только разрушали* союзъ народовъ (т. I, стр. 189).

—Михаилъ Петровичъ трактуетъ Владиміра Святославича не много лучше: то же Скандинавскимъ храбрецомъ, котораго будто бы остановили только принятіе Христіанства да женитьба на Аннѣ, отчего онъ и захотѣлъ остаться въ Руси и разослалъ сыновей въ дикое поле, по племенамъ, которыя будто бы ему не были подвластны, а тѣ будто бы ихъ и приняли, въ слѣдствіе чего Владиміромъ и должно начинать Русское государство; — Николай Алексѣевичъ точно также почиталъ *ошибкою* мысль, что Россія при Владимірѣ была *государство сильное, единодержавное* (т. II, с. 277), и утверждалъ, что только «Владиміромъ *начилось* самобытное государство въ ряду другихъ государствъ, тогда уже окружавшихъ Русь» (стр. 206).

—Такъ значитъ, Михаилъ Петровичъ Погодинъ не виноватъ во всѣхъ этихъ *дикихъ* мнѣніяхъ, противныхъ фактамъ и несообразныхъ съ Историческою Логикою?

—Да; всѣ эти мнѣнія заимствованы имъ у *сочинителя* «Исторіи Русскаго народа», Николая Алексѣевича Полеваго.

—Но какъ же Михаилъ Петровичъ не вспомнилъ собственныхъ словъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1830, № 2, стр. 165—190): «что сочиненіе Николая Алексѣевича ниже всякой критики и есть «безобразная компиляція» (с. 165), что сочинитель «не учившись классически, имѣя особливое устройство умственнаго организма, не знаетъ и не можетъ сказать ничего въ порядкѣ, связи (с. 189); не можетъ передать чужихъ мыслей, такъ чтобы первая не ссорилась у него съ третьею, а вторая съ четвертою» (с. 190). Михаилъ Петровичъ въ 1830 году писалъ: «*пожалѣемъ*, что дѣльная наша историческая литература обезображивается такимъ чудовищемъ, какъ Исторія Русскаго народа» (с 190); а черезъ 12 лѣтъ, самъ беретъ въ заемъ главныя мысли изъ этой самой книги....

—Что же? въ 12 лѣтъ много воды утекло: мало ли что было писано? можно и позабыть. Дѣлъ много, а въ журналъ требуютъ наборщики *оригиналу:* думать нѣкогда— вотъ Михаилъ Петровичъ и набросалъ афоризмы, а на

заглавіи, то же по забывчивости, и не поставилъ: *подражаніе Полевому*... Вся сбивчивость понятій произтекла отъ желанія, въ удалыхъ Варягахъ видѣть разбойниковъ Скандинавскихъ, почему оба и принуждены были такъ нещадно ломать исторію.

—Ну, теперь выслушаемъ Савельева и Черткова.

—Любопытно знать ихъ мнѣнія о Святославѣ....

—Въ «Маякѣ» 1842 года Савельевъ писалъ:

Мысли героя стремились къ Дунаю, въ Болгарію. Древнее единство Болгаръ и Руси, нарушенное разъединеніемъ этихъ двухъ народовъ, въ половинѣ IX вѣка, конечно не могло быть забыто черезъ сто лѣтъ, въ половинѣ X вѣка, и Святославъ замыслилъ: не только *возсоединить Россію съ Болгаріей*, но, *утвердить свое господство на Дунаѣ, быть повелителемъ и прочихъ земель Славянскихъ*. Откровенно онъ высказалъ задушевную мысль въ боярскомъ совѣтѣ, въ присутствіи своей матери. «Не любо мнѣ въ Кіевѣ,— говорилъ Святославъ: туда, въ Переяславь Дунайскій хочу я! Тамъ *средина земли моей*; туда стекаются всѣ богатства мои; Греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды; Чехи и Угры серебро и коней; Русскіе мѣха, медъ, воскъ и рабовъ.» Карамзинъ (·) называетъ предпріятіе Святослава безразсуднымъ и спрашиваетъ: «или онъ въ гордости своей мечталъ, что Греція, Венгрія (Угрія) и Богемія (Чехія) должны отъ него зависѣть?» Но разсмотрѣвъ безпристрастно *тогдашнія обстоятельства*, окажется, что намѣренія Святослава нельзя назвать безразсуднымъ. Болгарія послѣ Симеона не могла оказать воинственному Кіевскому витязю сильнаго сопротивленія; Греческая Имперія при Никифорѣ Фокѣ было въ очень ненадежномъ состояніи, тѣмъ болѣе, что бывшій посолъ Никифоровъ, Калокиръ, составлялъ заговоръ противъ императора, надѣялся при помощи Русскихъ овладѣть Константинополемъ, и за то обѣщалъ присылать дань Святославу. Сербія, освобожденная отъ Болгарскаго владычества Чеславомъ Клониміровичемъ, около половины X вѣка, была еще очень слаба. Чехія (Богемія) съ ужасомъ смотрѣла на тиранство своего князя-братоубійцы, Болеслава I, прозваннаго Жестокимъ, и не могла не сочувствовать славѣ храбраго, любимаго подданными, великодушнаго князя Русскаго. Покореніе Угровъ, и слѣдственно освобожденіе отъ ихъ власти Паннонскихъ Славянъ или Словаковъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для Славянъ, потому что изувѣрство этихъ Азіятцевъ превосходитъ всѣ описанія. Извѣстный Французскій историкъ Капфигъ весьма основательно замѣтилъ, что всѣ свирѣпства и грабежи Норманновъ въ Европѣ ни что передъ варварствомъ и безчеловѣчіемъ Мадяровъ (Венгровъ). Припомнимъ наконецъ, что сосѣдъ Святослава, Мечиславъ Польскій призналъ

(·) Ист. Госуд. Рос. т. I, стр. 107 и прим 394.

себя Васалломъ Нѣмецкой Имперіи, которая всею тяжестію своею налегала на Славянское Балтійское Поморье и на Моравію. Не долженъ ли былъ Святославъ, при видѣ такой *угрожающей силы Нѣмцевъ*, которая увеличивалась по мѣрѣ *раздоровъ между Славянами*, стараться принимать *противныя мѣры*? Святославъ Кіевскій, завоеватель Болгаріи, раздѣлилъ не только Россію между тремя сыновьями своими, но и самую Болгарію оставилъ во власти двухъ туземныхъ, Болгарскихъ же царевичей, будучи самъ верховнымъ повелителемъ и Руси и Болгаріи. Слѣдственно, сохраняя вездѣ *туземное правительство*, но подчиняя три эти Русскія и два Болгарскія княжества *единству воли*, сосредоточенной въ лицѣ его, какъ верховнаго повелителя Руси и Болгаріи,—*Святославъ намѣревался составить*, говоря по нынѣшнему, *конфедеративное государство, подобное Нѣмецкой Имперіи*. Сосредоточивъ же свои силы, и сохраняя самобытность каждаго владѣнія, но подчинивъ ихъ всѣ безъ исключенія единству воли одного верховнаго главы, *обширная земля Славянская окрѣпла бы въ силахъ, не уступила бы Нѣмцамъ своей великой Братовщины* (Germaniam M.) *и не дозволила бы искоренить въ тѣхъ странахъ Славянскую народность*.

Нѣтъ! *не обвинять*, но *прославлять* долженъ историкъ *знаменитаго Русскаго князя*. Соображая всю опасность, какою грозили Славянамъ Угры и Нѣмцы, и какъ облегчили для нихъ торжество сами же Славяне разъединеніемъ силъ своихъ, мы должны сознаться, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, подвигъ Святослава былъ истинно великъ, совершенно сообразенъ съ пользами и выгодами всего Славянскаго племени. Первый полководецъ того времени, Іоаннъ Цимискій, воспрепятствовалъ нашему витязю привесть въ исполненіе великое намѣреніе; но послѣ борьбы, упорной, продолжительной: врагъ Русскаго князя уважилъ его доблести; не будемъ же несправедливѣе врага, и, съ горестію указывая на неудачу Святослава, не станемъ обременять память нашего героя укоризнами несправедливыми.

—Послушайте жъ теперь, какъ развилъ мысль Савельева авторъ книги «Описаніе войны Великаго Князя Святослава Игоревича противъ Болгаръ и Грековъ въ 867—971 годахъ,» г. Вицепрезидентъ Историческаго Общества, А. Д. Чертковъ. Книга г-на Черткова, выданная въ половинѣ 1844 года (хотя началась печатаніемъ въ 1833 году, почему и на заглавіи стоитъ: 1833), приноситъ большую честь автору, который избралъ себѣ образцемъ — не Полеваго, какъ Михаилъ Петровичъ — но автора, пріобрѣтшаго врочемъ извѣстность не только между нашими учеными, но и за границей,

въ земляхъ Славянскихъ На страницѣ 245-й, г-нъ Чертковъ начинаетъ излагать слѣдствія, долженствовавшія произойти въ политическомъ мірѣ, если бы Святославу удалось его намѣреніе – соединить Россію и Болгарію въ одно государство:

«Послѣдствія этого *важнѣйшаго происшествія X вѣка* могли быть столь неисчислимы для Руси и въ особенности для всѣхъ южныхъ Славянъ, что теперь трудно представить себѣ даже приблизительный очеркъ всего, что могло произойти отъ счастливаго исполненія *великаго подвига Кіевскихъ Руссовъ*. Укажемъ здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, на главнѣйшія событія, долженствовавшія неминуемо развиться отъ удачнаго окончанія Греко-Болгарской войны 967—971 годовъ:

1) Россія, изъ державы почти Азіятской X вѣка, превратилась бы уже при Святославѣ и его наслѣдникахъ, въ Европейское государство. Всѣ элементы Эллинской образованности, таившіеся въ разныхъ углахъ Восточной Имперіи, особенно въ Греціи, были бы переданы, очень рано, Руссамъ и Славянамъ, и что всего важнѣе, народу новому, воспріимчивому и не разстлѣнному нравственно, подобно Византійцамъ. Эти начала просвѣщенія, посредствомъ Чеховъ и Моравовъ перешли бы, вѣроятно, весьма скоро къ Полабамъ и Поморянамъ, и тогда *милліоны при-Балтійскихъ Славянъ не были бы навсегда онѣмечены* и исключены изъ числа великаго Славянскаго народа.

2) Къ Руссамъ, утвердившимся въ за-Дунайскихъ областяхъ, присоединились бы, конечно, всѣ прочіе южные Славяне; какъ случилось нѣсколько лѣтъ спустя, при Болгарскомъ царѣ Самуилѣ, владѣнія котораго простирались отъ Драча (Дураццо) на Адріатическомъ морѣ до Понта, и отъ предѣловъ Сѣверной Греціи до подъ-Карпатскихъ странъ. Можно предполагать также, что въ послѣдствіи Германскіе Славяне, Моравы, Чехи, Поляки и другіе, говорившіе однимъ языкомъ и имѣвшіе въ X и XI вѣкахъ одну восточно-Русскую вѣру, устремились бы къ возсоединенію въ громадную цѣлую массу 90 милліоновъ одного говора, одинакой вѣры, и тѣхъ же обычаевъ и нравовъ (*). Средоточіе и огромная сила всего Славянскаго народа была бы тогда въ серединѣ Европы, а не на крайнемъ востокѣ сѣверѣ (**).

(*) Всѣхъ Славенъ, въ 1842 году, по Шафарику, 78,691000; если къ нимъ прибавимъ онѣмеченныхъ, омадьяренныхъ и обратившихся въ магометанъ Турковъ, то конечно всѣхъ насчитаемъ до 85 мил. А если,—пишетъ г-нъ Чертковъ,—причислимъ сюда а) Литовцевъ, Латышей, болѣе 2 мил. и б) Влаховъ или Ромуповъ до 8 мил., то всѣхъ Славянъ и полу-Славянъ будетъ до 95 милліоновъ.

(**) Намъ могутъ возразить, что не всѣ единокровныя націи соединяются подъ одинъ скипетръ, и что вѣковыя распри Польши и Руси доказы-

3) Такая бы *монархія* занимала *двѣ трети Европы* и тогда не Славяне были бы онѣмечены, а напротивъ Нѣмцы ославянены. Многіе и многіе милліоны людей сохранились бы въ Европѣ, и многіе потоки крови не были бы пролиты; ибо папы не могли бы влагать мечь въ руки фанатиковъ, въ продолженіи вѣковъ, для разширенія своей власти, ни проповѣдывать убіеніе Альбигойцевъ, Валдейцевъ, Гуситовъ и пр. (*). Лѣто-

ваютъ это физически. Мы сами очень согласны, что самостоятельный народъ, получившій уже *окончательное* образованіе въ одно цѣлое царство и довольно сильный, чтобы противостать сосѣдямъ, не легко подчинится другому, хотя бы и единоплеменному съ нимъ. Но не такъ было въ отношеніи Славянъ Германскихъ въ средніе вѣка. Если какой народъ и имѣлъ уже князя, то не менѣе того зависѣлъ всегда отъ Германскаго сильнѣйшаго государя, да и самое титло графа, герцога получалъ отъ него, и лишался онаго по капризу Нѣмцевъ. Саксонскіе и Австрійскіе владыки ожидали только случая, при первой благовидной причинѣ, лишить Славянскаго князя его правъ, присоединть всю страну къ своему королевству и запретить языкъ туземцевъ. Что касается, въ особенности до распрей Польши и Руси, то тутъ со стороны первой дѣйствовало предпочтительно начало противу-Славянское, основанное на повелѣніяхъ папъ, страшившихся соединенія обоихъ Славянскихъ народовъ, ибо тогда теряли невозвратно свое господство надъ Польшею и лишались доходовъ. Этому анти-Славянскому направленію обязана Польша потерею цѣлаго Малороссійскаго народа и другихъ странъ, не желавшихъ ни за какія блага въ мірѣ, подчиниться волѣ первосвященника за-Альпійскаго,—направленію, приведшему Польшу наконецъ къ совершенному разрушенію.

(*) Въ продолженіе распрей папъ съ императорами, ихъ законными государями, было дано до 78 сраженій. По приказанію Иннокентія III предпринятъ крестовый походъ противъ Альбигойцевъ: Райшундъ, графъ Тулузскій, былъ высѣченъ, подданные его разграблены, всѣ города и деревни сожжены и жители Безье (Besiers), безъ разбора возраста и пола, преданы мечу, въ 1209 году, хотя между ними жили и не-Альбигойцы; тогда несчастныхъ вѣшали тысячами, жгли по 400 вдругъ, погребали живыхъ.—Сикстъ V возбудилъ Филиппа II, короля Испанскаго противъ Елисаветы и приказалъ ему завоевать Великобританію.—Въ извѣстномъ «побіеніи Ирландцевъ,» погибло до 150,000 протестантовъ отъ рукъ католиковъ. При Карлѣ IX въ Парижѣ, было вырѣзано до 100 т. Кальвинистовъ.—Марія, Англійская королева, не менѣе свирѣпствовала противъ еретиковъ и предавала смерти своихъ подданныхъ.—Въ 1545 году 22 города съ деревнями, въ Провансѣ, были ограблены, разрушены и сожжены; ибо были населены частію Валдейцами (Vaudois, Valdenses), которыхъ умерщвляли войска, находившіяся подъ распоряженіемъ папскихъ чиновниковъ и епископовъ,—Герцогъ Альба самъ говорилъ, что по его приказанію убито до 20,000 протестантовъ въ Голлан-

пися Восточной Церкви не представляютъ и тѣни ничего подобнаго. Изъ племенъ чисто Славянскихъ состояли за-Дунайскія области: Болгарія, Оракія, Македонія, Сѣверная Греція (·). Иллирія, Далмація, Истрія, Херцеговина, Крайна, Хорватія, Хорутанія и Штирія.

4) Въ отношеніи же самихъ Славянъ, послѣдствія основанія державы Русской на берегахъ Дуная, не исчислимы. Они бы не принадлежали, какъ теперь, четырнадцати (··) разнымъ властямъ, изъ которыхъ восемь смотрятъ на нихъ, какъ на непріятелей, и болѣе или менѣе стараются уничтожить ихъ народность, обычаи, Русскую вѣру и даже самый языкъ.

5) Нѣмецкая имперія, составившаяся въ послѣдствіи *на половину изъ Славянскаго народонаселенія*, никогда бы не существовала, и императоры не могли бы низложить и уничтожить огромнаго количества Славянъ.

6) Руссы, укоренившись въ за-Дунайскихъ странахъ не допустили бы, конечно, перехода Турковъ изъ Азіи въ Европу и опять сколько милліоновъ людей, и въ особенности Славянъ, не погибло бы отъ фанатическаго меча Османисовъ!

7) Если предположенія наши справедливы, то огромная Славянская Имперія занимала бы большую часть Европы,— отъ устья Эльбы, границъ Баваріи, Тироля, Италіи, Адріатики, Морей, Эгейскаго моря, Воспора, до Камчатки, Америки, Монгольскихъ и Киргизскихъ степей. Никогда и Римской колоссъ не занималъ такого пространства, но главное, эта громадность состояла бы изъ *однихъ* элементовъ, *одного* говора, и вѣроятно *одной* вѣры.

діи.—До царствованія Генриха IV, короля Французскаго, погибло конечно нѣсколько милліоновъ въ Европѣ, въ войнахъ за вѣру, возбужденныхъ папами —Одинъ первосвященникъ Римскій лишилъ Испанію Голландіи, а другой папа принудилъ Польшу потерять Малороссію, и такимъ образомъ, нетерпимостію вѣры, приготовилъ и самое паденіе всего королевства.—Мечеиосцы и рыцари храма, проповѣдуя Латинскую вѣру, сколько низложили Пруссовъ, Латышей, Литвиновъ, Финновъ? Сколько погибло Малороссіянъ при желаніи, насильственно, обратить ихъ въ Католическую религію? Какое огромное количество уничтожено людей одною инквизаціею? Сколько убито Американцевъ при обращеніи ихъ въ Римскую вѣру? и Гуситовъ въ средніе вѣка?

(·) Разумѣется, кромѣ Греческихъ и Римскихъ колоній, поселенныхъ во всѣхъ этихъ странахъ, на морскихъ берегахъ.

(··) Славяне теперь еще раздѣлены на *четырнадцать разныхъ* государствъ; они принадлежатъ: 1) Австріи, 2) Пруссіи, 3) Саксоніи, 4) Венгріи, королевствамъ 5) Ганноверскому и 6) Италіанскому, 7) Турціи, 8) Греціи. Чисто Славянскіе державы суть: 9) Россіи, 10) Чехіи, королевство 11) Иллирское, 12) Сербіи, 13) Черногоріи и городъ 14) Краковъ. А сколько милліоновъ Славянъ онѣмечено, омадярено, отуречено? Сколько ихъ оволошилось?

8) И Малая Азія могла прибѣгнуть подъ защиту великой Славянской монархіи, для огражденія себя отъ Арабовъ и другихъ народовъ. Мы знаемъ, что въ VII вѣкѣ, при Юстиніанѣ II (Cedr. 348—Theoph. 242) Солунскіе Славяне были насильственно переселены въ Малую Азію въ такомъ огромномъ количествѣ, что Греки составили изъ нихъ 30-ти-тысячную армію, и послали противъ Сарацынъ, и что въ VIII вѣкѣ, при Константинѣ Копронимѣ, 208,000 Славянъ выселено въ Виѳинію (Theoph. 370.—Cedr. II, 463.—Nicephor. 42. 44). Слѣдовательно, Малая Азія могла также слиться съ Руссами, ибо и тамъ находились элементы возсоединенія въ одно цѣлое всѣхъ Славянъ (·).

— Значитъ, Вице-Президентъ нашего Историческаго Общества принялъ мысль Савельева?

—Значитъ.

—Чертковъ превосходно развилъ мысль Савельева, сказалъ Г*, но при этомъ какъ не досадовать на его усилія поддерживать несчастную Скандинавоманію...

—Да, и это много повредило достоинству книги Черткова:

—Святославъ Игоревичь у него выставленъ по прежнему какимъ-то Скандинавскимъ храбрецомъ, отчего и нѣтъ послѣдовательности идей, ибо *Скандинаву* за чѣмъ бы заботиться о выгодахъ міра *Славянскаго*? Погодинъ увѣрялъ, будто Святославъ бросался какъ угорѣлый, и думалъ совсѣмъ оставить Россію и переселиться съ своими (не бывалыми) Скандинавами на берега Дуная: это предпріятіе безумное, и во взглядѣ Погодина по крайней мѣрѣ, нѣтъ противорѣчія. Если же это было, какъ сознается и г нъ Чертковъ, *предпріятіе великое*, то ясно, что и начинатель его, Святославъ, былъ человѣкъ *великій*, постигавшій выгоды міра Славянскаго, а не простой искатель приключеній, не странствующій Норманнъ—грабитель: отъ этого, у Черткова послѣдующіе выводы не могутъ быть соображаемы съ взглядомъ на лице Святослава, изображаемаго какимъ-то Шведомъ,

(·) Эти Славяне были переселены въ Thema Obsequium (Theoph. Chronog 242, и Cedr. Compen. I, 548). Въ сей провинціи жили, при Константинѣ Багрянородномъ. Bythini Misi (Болгаре), Dardani, qui et Troyani dicitur (въ Македоніи также жилъ народъ, называвшійся Dardani) и находились города Кота, Пара, Никея и др. (Const Porph. de Thematibus, lib I). И нынѣ между Никеей и Никомидіей живутъ Болгаре, потомки переселенныхъ туда въ VIII вѣкѣ (Шафарикъ, народоописаніе).

хотя Шведскій ученый Тунманъ, давно уже сознался, что *именемъ Руссовъ Шведы никогда себя не называли*, между тѣмъ какъ Байеръ, Кругъ и Сенковскій дали не менѣе важное свидѣтельство, что и самое имя Варяговъ было не извѣстно Шведскимъ удальцамъ, apud hos piratas nomen Waragarum, Арабы же—что «Варенги были *Славяне* изъ *Славянъ*.»

—Ваши слова напоминаютъ мнѣ, сказалъ я, удивительно логически изложенныя мысли о системѣ Скандинавскаго вывода Руси, въ *Предисловіи* къ историко-критическимъ изслѣдованіямъ Морошкина. Читая это предисловіе, я всегда дивился искусству и таланту Н. В. Савельва: изображаетъ ли онъ историческое событіе, какъ напр. *Паденіе Пскова*—это живой отголосокъ простодушныхъ лѣтописцевъ нашихъ, въ изящной формѣ нашего времени, произведеніе, которое принесло бы честь самому Тьерри, если бы онъ писалъ по-Русски (*); разсуждаетъ ли Савельевъ о древностяхъ Русскихъ и обще-Славянскихъ, его критическія изслѣдованія, ясныя, отчетливыя, написанныя увлекательнымъ слогомъ, переносятъ читателей въ ту эпоху и воскрешаютъ передъ ними отважныхъ предковъ Славянъ. Но эти-то самыя достоинства и вооружаютъ на Савельева множество враговъ-завистниковъ....

—Что́ бы ни говорили противники юныхъ талантовъ, сказалъ въ заключеніе любознательный хозяинъ, а я вполнѣ соглашаюсь съ журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который такъ отозвался (**) о трудахъ г-на Савельева:

«Г–нъ Савельевъ *оказываетъ услугу изученію Славянщины въ Россіи*. Имѣя передъ собою множество изслѣдованій знаменитыхъ Славянистовъ о древней исторіи Славянъ, онъ смотритъ на эти изысканія съ Русской точки зрѣнія, *оцѣниваетъ* ихъ *безпристрастно*, и сличивъ противурѣчущія, выводитъ *ясные результаты*, которые *должны служить основаніемъ для нашихъ будущихъ изыскателей*. Г–нъ Савельевъ въ особенности пользовался трудами Венелина и Шафарика, и далъ изслѣ-

(*) Превосходное это произведеніе, которому я не знаю равнаго въ современной Русской литературѣ по *Исторической живописи*, достойной Карамзина,—помѣщено въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1844 года, №№ 3.—Талантъ Н. В. Савельева выразился тутъ въ полномъ блескѣ!

(**) Ж. М. Н. Пр. 1844. Августъ, отдѣл. VI, стр. 178–179.

дованіямъ ихъ *новое направленіе* во *многихъ* мѣстахъ оправдалъ догадки ихъ *новыми открытіями*.

—А кто писалъ это?

—Г. Старчевскій, издатель чрезвычайно любопытнаго собранія латинскихъ матеріаловъ для Русской исторіи: «Historiae Ruthenicae scriptores,» молодой ученый, помѣстившій нѣсколько прелюбопытныхъ статей о Славянщинѣ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», путешествовавшій по землямъ Славянскимъ и потому сочувствующій Славянскому воззрѣнію Н. В. Савельева.

Разговоръ постепенно склонился на нынѣшее положеніе Германскихъ и Балканскихъ Славянъ; на ихъ надежды и ожиданія; выпросивъ у любезнаго и гостепріимнаго хозяина тѣ книги, изъ которыхъ онъ читалъ намъ любопытнѣйшія мѣста, я возвратился домой и, записавъ тогда же весь разговоръ, рѣшился сообщить литературно-общеетвенное мнѣніе древней нашей столицы юному Петербургу, черезъ посредство журнала, уважаемаго за благородное и разумное Русское направленіе.

А. АЛЕКСАНДРОВЪ.

2007098126